

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 2 / 2026

WWW.RUS-LAW.ONLINE

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ «РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АНТОНЯН Елена Александровна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЕМОВ Николай Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса имени Л.Л. Попова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
ЛАПАЕВА Валентина Викторовна	д. ю. н., главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации
РАРОГ Алексей Иванович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д. ю. н., профессор, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕСТНОВ Илья Львович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
БЕЛЯЕВ Максим Александрович	главный редактор, к. филос. н., доцент кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАКАРОВ Герман Глебович	ответственный секретарь, эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Elena A. ANTONYAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law named after V.E. Eminov of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
Valentina V. LAPAEVA	Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Ilya L. CHESTNOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Maxim A. BELYAEV	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
German G. MAKAROV	Executive Secretary, Expert of the Department of Research and Publishing Policies of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Зульфугарзаде Т. Э. Развитие технологий искусственного интеллекта и их влияние на права человека	5
Печенин Д. В. Согласие на обработку биометрических персональных данных генеративным искусственным интеллектом: проблемы практической реализации . . .	14
Никитюк Н. Д. Цифровая трансформация института очной ставки: законодательные пробелы и пути их преодоления	26
Ефремов А. Ю. Функциональный разрыв системы ПОД/ФТ: легализация доходов через внесудебное взыскание и механизм преемственности риска	33

РАКУРС

Артемов К. П. Отдельное мировое соглашение в рамках дела о банкротстве гражданина по требованиям, обеспеченным ипотекой (залогом недвижимости) единственного жилого помещения	41
Крайнюкова А. Е. Врач и пациент как основные субъекты медицинского права	46
Попова О. В., Черных Я. П. Роль социокультурных и семейных факторов в формировании педофилии	54
Тарасов Р. Д. Правовое положение бывшего участника хозяйственного общества: «свой среди чужих, чужой среди своих»	62
Чубукин Р. А. Проблемы правовой определенности критериев коммерческой осмотрительности в спорах о необоснованной налоговой выгоде	72

РОССИЯ

Янкин К. Е. Становление института обжалования административных актов в позднесоветский период	77
--	----

МИР

Гаглов О. Ф. Гражданство Европейского Союза как форма двойного гражданства	89
Данильченко В. Б. К вопросу об опыте региональных международных организаций в совершенствовании подходов к регламентации участия адвоката в урегулировании споров о детях	103

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Беляев М. А. Разработка В. А. Тумановым проблем теоретико-правового плюрализма	111
---	-----

ИМЕНА

Зайнутдинов Д. Р. Ираклий Церетели: демократия и право наций на самоопределение	127
--	-----

CONTENTS

TRANDS

- Zulfugarzade T. E.** AI Technologies Development and their Impact on Human Rights 5
- Pechenin D. V.** Consent for Processing Biometric
Personal Data by Generative AI: Practical Implementation Problems 14
- Nikityuk N. D.** The Digital Transformation of the Institution
of Confrontation: Legislative Gaps and Ways to Overcome Them 26
- Efremov A. Yu.** Functional Breakdown of Anti-Money Laundering (AML)
and Counter-Financing of Terrorism (CFT) Frameworks: Legalization of Income
through Extrajudicial Collection and Risk Continuity Mechanism 33

FOCUS

- Artemov K. P.** Separate Settlement Agreement within a Citizen's Bankruptcy
Case for Claims Secured by a Mortgage on a Sole Residence 41
- Krainyukova A. E.** Physician and Patient as Main Subjects of Medical Law 46
- Popova O. V., Chernykh Ya. P.** The Role of Sociocultural
and Family Factors in the Formation of Pedophilia 54
- Tarasov R. D.** The Legal Status of a Former Member
of A Business Entity: A Friend to Foes, a Foe to Friends 62
- Chubukin P. A.** Problems of Legal Certainty in the Criteria
for Commercial Prudence in Disputes over Unjustified Tax Benefits 72

RUSSIA

- Yankin K. E.** The Emergence of the Institution for Appealing
Administrative Acts in the Late Soviet Period 77

THE WORLD

- Gagloev O. F.** European Union Citizenship as a Form of Dual Citizenship 89
- Danilchenko V. B.** Regional International Organizations' Experience
in Improving Approaches to Regulating Counsel Participation
in the Resolution of Disputes Involving Children 103

OPINION

- Belyaev M. A. V. A. Tumanov's** Contribution
to the Development of the Theory of Legal Pluralism 111

PERSONS

- Zainutdinov D. R.** Irakli Tsereteli: Democracy
and the Right of Nations to Self-Determination 127

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.005-013

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Зульфугарзаде Теймур Эльдарович,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Высшей школы права
(факультет) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
(РЭУ имени Г.В. Плеханова), кандидат юридических наук, доцент
109992, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 36
zulfugarzade.te@rea.ru

© Зульфугарзаде Т. Э., 2026

Аннотация. Неуклонное возрастание исследований и разработок в области искусственного интеллекта (ИИ) имеет достаточно большой потенциал для создания масштабных изменений в способах влияния на поведение человека и его повседневную деятельность. Определено, что наряду с позитивным влиянием ИИ-технологий, позволяющих существенным образом облегчить решение целого ряда научно-практических задач во всех основополагающих областях и способствовать тем самым интенсивному социально-экономическому развитию государств, увеличивается количество и качество рисков использования указанных технологий, представляющих реальную угрозу личности и обществу в целом. При проведении настоящего исследования был использован юридический нормативный подход, а именно поиск правовых норм, правовых принципов и правовых доктрин для ответа на юридические вопросы в сфере правового регулирования ИИ. Основными источниками исследования послужили сведения, полученные из нормативных правовых актов, научных и других изданий. Результаты исследования позволили прежде всего определить, что каждая компьютерная разработка (программный продукт) практически во всех случаях оказывает положительное влияние на решение актуальных научно-прикладных задач, но при этом почти никто не может избежать негативных воздействий, являющихся побочными свойствами и эффектами компьютерных технологий, в частности ИИ. В настоящее время искусственный технологический интеллект оказывает большое положительное влияние в информационной сфере. Тем не менее рассматриваемая технология также оказывает нередко негативное влияние, что не всегда может проявляться сразу; это очень важно для обеспечения того, чтобы использовать ИИ, например, при распознавании лиц, руководствуясь четко определенными законодательно правилами. Использование ИИ-технологий должно соответствовать международным и национальным принципам защиты прав человека для сохранения баланса между инновационными технологиями и защитой прав человека, что имеет важное значение в современных условиях ведения гибридной войны, осуществляемой прежде всего в информационном поле. В этой связи возникает объективная необходимость более детального исследования научно-практических вопросов зарождения и последующего развития института правового регулирования ИИ с целью выработки предложений по его модернизации с учетом сегодняшних реалий и требований безопасности, в том числе кибербезопасности.

Ключевые слова: юриспруденция; ответственность; законодательство; регулирование; международный; национальный; нормативный; государство; гра-

жданнин; управление; цифровизация; кибербезопасность; защита; технологии; контроль; этика; прозрачность; электронный; эффективный; угрозы; деликт

Благодарности. Исследование выполнено в рамках научного проекта «Разработка механизмов гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда. Номер проекта 25-18-00240.

AI TECHNOLOGIES DEVELOPMENT AND THEIR IMPACT ON HUMAN RIGHTS

Teymur E. Zulfugarzade,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of civil Law Disciplines,
Higher School of Law (Faculty), Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)
zulfugarzade.te@rea.ru

Abstract. The steady increase in research and development in the field of artificial intelligence (AI) has considerable potential to bring about large-scale changes in the ways human behavior and everyday activities are influenced. The author established that, alongside the positive impact of AI technologies, that significantly facilitate the resolution of a wide range of scientific and practical tasks across all fundamental sectors and thereby contribute to the intensive socioeconomic development of states, both the number and the severity of risks associated with the use of such technologies are increasing, posing a genuine threat to individuals and society as a whole. The study employed a doctrinal legal research methodology, specifically the identification and analysis of legal norms, legal principles, and legal doctrines in order to address legal issues relating to the regulation of AI. The principal sources of the study consisted of information derived from statutory and regulatory legal acts, scholarly publications, and other relevant materials. The findings of the study primarily demonstrate that virtually every computer-based development (software product) has, in most cases, a positive effect on the resolution of pressing scientific and applied problems. However, it is almost impossible to avoid the adverse impacts that constitute side effects and inherent characteristics of computer technologies, particularly AI. Currently, artificial technological intelligence exerts a significant positive influence within the information sphere. Nevertheless, the technology under consideration also frequently produces negative effects, which may not always become apparent immediately. This is of particular importance for ensuring that AI is used, for example, in facial recognition systems, in accordance with clearly defined statutory rules. The use of AI technologies must comply with international and national human rights protection principles in order to maintain an appropriate balance between technological innovation and the protection of human rights, which is especially significant under contemporary conditions of hybrid warfare conducted primarily within the information domain. In this regard, there is an objective need for a more detailed examination of the theoretical and practical issues surrounding the emergence and subsequent development of the legal framework governing AI, with a view to formulating proposals for its modernization in light of current realities and security requirements, including cybersecurity.

Keywords: jurisprudence; liability; legislation; regulation; international; national; normative; State; citizen; administration; digitalization; cybersecurity; protection; technology; control; ethics; transparency; electronic; effective; threats; tort

Acknowledgments. The study was conducted within the framework of the research project «Development of Mechanisms of Civil Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence Systems» carried out with the financial support of the Russian Science Foundation. Project No. 25-18-00240.

О общеизвестно, что искусственный интеллект (ИИ) относится к инновационным компьютерным технологиям, разработанным для выполнения задач, которые обычно требуют обязательного участия человеческого интеллекта. В настоящее время ИИ, представляющий собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»¹, включает в себя прежде всего так называемое машинное обучение (machine learning), а также компьютерное зрение (computer vision), обработку естественного языка (natural language processing) и многое другое.

Возникновение термина «искусственный интеллект» (ИИ) очень тесно связано с именем Дж. Маккарти (США), который жил с 1927 по 2011 гг., являлся ученым, изначально преподававшим компьютерную математику в Массачусетском технологическом институте и Стэнфордском университете. До этого, в 1956 г., он в течение десяти недель руководил проектом исследования в Дартмутском университете, который называется «Исследовательский искусственный интеллект». В данном проекте впервые был использован термин «искусственный интеллект». Целью проекта являлась разработка ИИ для увеличения базы предположений о том, что машина (ЭВМ) в принципе может копировать все аспекты обучения (learning) или каждую форму интеллекта других (intelligence), которые подходят для человеческой деятельности².

Понятие ИИ зачастую становится сложным объектом для определения. Таковая научно-прикладная проблема возникает из-за того, что ИИ включает в себя множественные факторы, начиная от использования статистических моделей и заканчивая моделями психологическими. Разработка становится всё более масштабной, поскольку существуют методы машинного обучения с интенсивным использованием данных, такие как нейронные сети, для логического вывода базовых моделей.

В США ИИ определяется как, во-первых, групповая электронная система, которая может выполнять задачи в разнообразных и недифференцированных условиях неопределенности, а также без надзора человека, или вся система, которая может учиться на собственном опыте и повышать производительность при интеграции с набором данных; во-вторых, электронная система, разработанная в виде устройства или чего-то подобного, которое может понимать, планировать, учиться (самообучаться), общаться и даже выполнять физические действия; в-третьих, серийная электронная система, созданная подобным образом, чтобы быть способной мыслить и вести себя аналогично людям, включая структуру материи когнитивных и нейронных сетей; в-четвертых, групповая инженерия, которая включает машинное обучение и предназначена для выполнения специальных знаний, необходимых для выполнения поставленных перед ней задач и, в-пятых, электронные системы, созданные и спроектированные таким образом, чтобы быть способными действовать рациональным образом, в виде устройства тонкой формы, мягкого интеллектуального или физического робота, со способностью достигать определенных целей посредством таких процессов, как восприятие, обучение, планирование, коммуникация, принятие решений и действий³.

Одной из наиболее важных частей, когда говорят об «интеллекте» ИИ, являются данные, которые, в свою очередь, являются основным компонентом ИИ и источником инновационной ИИ-технологии. Известны следующие четыре распространенных

¹ См.: пп. «а» п. 5 Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² См.: *Vianto D.* The Growth of Artificial Intelligence and Its Implications To Law and Human Rights // *Proceeding of International Conference on The Law Development For Public Welfare*. 2025. 4:238-249. DOI: 10.30659/picldpw.v4i0.50151.

³ См.: *Rajaei M., Amiri A.* Public Law Challenges in Protecting Human Digital Rights in the Age of Artificial Intelligence // *Legal Studies in Digital Age*. 2025. Vol. 4. Is. 3. P. 1–7. URL: <https://doi.org/10.61838/kman.lsda.184>.

типа данных, используемых в разработке ИИ: 1) структурированные данные⁴, 2) структурированные неструктурированные данные⁵, 3) полуструктурированные данные⁶ и 4) временные ряды сетевых данных⁷ (time series data).

В целях настоящего исследования полагаем важным остановиться несколько более подробно на временных рядах сетевых данных.

Временные ряды (временные передачи) сетевых данных, также известные как время сохранения данных, представляют собой тип данных, которые могут быть представлены в виде структурированных данных, неструктурированных или полуструктурированных типов информации, адресованных интерактивно. Рассматриваемый способ охватывает сбор данных, когда кто-либо использует приложения, посещает веб-сайты или посещает интернет-магазин.

Одна из целей рассматриваемой категории данных заключается в том, чтобы узнать намерения, желания и интересы очень разных пользователей. Современные компании-технологические гиганты, такие как Amazon, Google и др., стали сильно зависеть от данных как основного элемента в операционной системе, которой они управляют. Данные становятся материалом для максимально возможной записи машин компании Megatech, которые работают эффективно.

Данные играют фундаментальную роль в принятии и реализации государственной политики, направленной на повышение благосостояния ее граждан. Например, для вышеупомянутой технологической компании Megatech данные являются ключевыми для понимания «вкусов» рынка, тенденций потребления и эффективности обслуживания, что имеет значение для повышения эффективности производства и маркетинга.

Хотя, таким образом, различные возможности и удобство, предлагаемые большими данными (big data), также вызывают вопросы о различных практических проблемах, в том числе об утечках данных, дискриминации и ошибочном анализе. Возможность того, что другие люди знают о вас больше, чем вы знаете о них, объективно свидетельствует о серьезной проблеме надлежащего обеспечения безопасности, в том числе кибербезопасности, персональных данных при использовании интернет-технологий, в том числе ИИ-технологий, что достаточно точно определено в Резолюции ООН A/78/L.49 от 21.03.2024, поощряющей разработку безопасных и заслуживающих доверия систем ИИ, которые способствуют устойчивому развитию для всех⁸. Рассматриваемая Резолюция настоятельно призывает государства-члены обеспечить ответственное развитие ИИ-систем при соблюдении прав человека и

⁴ Структурированные данные, обычно сохраняемые в базе данных или электронной таблице, например номер карты социальной защиты, финансовую информацию, адреса, информацию о продукте, данные о точках продаж и номер телефона гражданина.

⁵ Неструктурированные данные представляют собой информацию, которая не имеет определенного формата, подобного тому, который был установлен ранее. Такого рода данные включают спутники, изображения, видеофайлы, текст и информацию, связанную с социальными сетями, такую как твиты и загружаемые файлы.

⁶ Полуструктурированные данные объединяются из структурированных и неструктурированных исходных данных. Полуструктурированные данные могут изображаться с помощью xml, или расширяемого языка разметки, который является инструментом для описания полуструктурированных данных. Этот инструмент основан на различных правилах, используемых для идентификации компонента документа; кроме того, существует json (объектная нотация java script), которая является методом отправки данных в Интернет через API (интерфейсы прикладного программирования).

⁷ Временные ряды представляют собой такой тип данных, на который организации полагаются для отслеживания тенденций и прогнозирования на определенные периоды. Они характеризуются хронологическим порядком, что позволяет предприятиям выявлять скрытые закономерности, наблюдать за изменениями во времени и прогнозировать будущие события.

⁸ Резолюция A/78/L.49 Генеральной Ассамблеи ООН об использовании возможностей безопасных и заслуживающих доверия систем искусственного интеллекта для устойчивого

международного права, что также требует постоянного мониторинга ИИ на предмет потенциального вреда для обеспечения этического и устойчивого использования, предопределяет необходимость регламентации на национальном уровне каждого государства порядка и правил возникновения, в том числе внедоговорной (деликтной)⁹ ответственности за причинение вреда (ущерба), связанным с неправомерным использованием ИИ-технологий.

Действительно, развитие инновационных технологий в современную эпоху привело к кардинальным изменениям практически во всех аспектах человеческой жизни. Достаточно быстрые и массовые темпы развития становятся катализатором для каждого гражданина, который продолжает внедрять инновации и создавать технологии, способные принести существенные научно-практические изменения. Одной из разработок современной технологии, которая поражает воображение, является ИИ-технология, которая стала центром внимания в течение ряда последних десятилетий и оказала значительное влияние в различных секторах, таких как экономика, промышленность, образование и здравоохранение.

В современном понимании ИИ представляет собой общий термин, применяемый для обозначения моделирования интеллекта и мыслительных процессов людей с помощью подключенных компьютеров («машин»), обрабатывающих массивы больших данных и непрерывно поступающую оперативную информацию. Рассматриваемые машины, спроектированные и созданные людьми, практически ничем при этом не напоминают человека по своим способностям и интеллекту.

До сегодняшнего дня практики ИИ, которые мы можем ощутить, начинались с «умных» телефонных приложений, помогающих осуществлять поиск необходимой информации в интернет-сети и развились до автоматического управления автомобилем, тепловозом и морским судном; возможностей распознавания лиц посредством использования множества камер-видеонаблюдения и других возможностей. Таким образом, рост ИИ имеет достаточно большой потенциал для создания масштабных изменений в способе влияния, которым мы обладаем, выполняя повседневные функции личного и трудового характера.

Обращаясь к вопросам разрушительного воздействия ИИ-технологий отметим, что разрушение — это то, что действительно происходит в жизни устойчивым образом, когда дело доходит до процессов и открытий нового, вторгающегося на мировой рынок. В эпоху разрушений беспокойство и страх неизбежны. Большая работа, которую необходимо было выполнить, исчезла сама по себе как результат чего-то инновационного, хотя, таким образом, также появились новые профессии, прекрасные в некотором смысле, прямые или не прямые, как продавец новых технологий.

В данной связи отметим, что нарушение работы ИИ не только проблема энергоснабжения и полевых работ. В середине текущего быстротечного прогресса ИИ-технологии появляется логичный и ответственный ответ на использование системы ИИ. Проблема эта связана с тем, насколько каждое развитие ИИ должно рассматриваться с точки зрения морали и как это связано с жизнью человека. ИИ разрушения также обеспокоен тем, насколько люди в настоящее время рассматривают неприкосновенность частной жизни как важный вопрос для тех, кто связан с правами человека, т.е. с фундаментальными правами каждого индивида.

Система, искусственно созданная для рационального действия, включая мягкое интеллектуальное устройство или робота с телом, которое достигает определенной цели, использует восприятие, планирование, обдумывание, обучение, коммуникацию, поиск решений и способно действовать. В указанной связи ИИ разделяют на три основных типа, а именно искусственный узкий интеллект (ANI), искусственный общий интеллект (AGI) и искусственный суперинтеллект (ASI).

чивого развития от 11.03.2024 // URL: <https://news.un.org/en/story/2024/03/1147831> (дата обращения: 20.01.2026).

⁹ Мельникова Е. Н. Проблема «разрыва ответственности» за вред, причиненный использованием систем и приложений искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2024. № 4. С. 87.

ИИ первого типа ANI является собой «слабый» ИИ (intelligence weak), потому что связан с определенными задачами, которые он может выполнять хорошо, такими как игра в шахматы, противостояние игроку мирового класса по шахматам, составление рыночных прогнозов, автоматическое управление (например, автомобилем или электровозом), а также включал вводные образы и словесные выражения. ИИ второго типа AGI, также известный как «сильный» ИИ или «человек искусственного интеллекта», находится на один уровень выше ANI. ИИ третьего типа ASI носит название «грудное молоко», представляющее собой максимально футуристическую характеристику, которая воплотится в реальность, когда ИИ превзойдет возможности мозга человека в творческом плане, социальных навыках и мудрости. Конечная разработка этого сервиса уникальна тем, что может быть очень полезной для людей, но также может быть и наоборот. Разработка существующих роботов на данный момент всё еще находится на стадии ANI или AGI и должна соответствовать стандартному тесту Тьюринга, то есть подходит ли его «отношение» к человеку или нет. Чем больше сходства с человеком, тем он более склонен к направлению AGI¹⁰.

Другими словами, мы вступили в эпоху Революционной индустрии 4.0, где ИИ стал движущей силой. Так же, как Революционная индустрия 1.0, 2.0, 3.0, Революционная индустрия 4.0 также не была избавлена от теневых проблем, важных для жизни общества в наше время. Предполагается, что Революционная индустрия 4.0 каким-то образом медленно разрушила фундамент системы давней либеральной демократии, которая еще пока является достаточно прочной. Это доказывается пропагандой через различные цифровые платформы¹¹.

В США публичный раскол затянулся после президентских выборов 2020 г., поскольку существуют мистификации и теории заговора, распространяющиеся во всех средствах массовых коммуникаций. То же самое происходит в Германии, Франции, Иране, Индонезии и др., т.к. цифровые платформы зачастую используются для подрыва демократии, выражая недовольство результатами выборов, другими действиями госорганов и муниципальных властей. ИИ, управляемый цифровой платформой, нередко осуществляет «содействие» группам людей, которые требуют преобразований, прибегая к деструктивным действиям.

В эпоху ИИ возникла самая реальная проблема защиты данных и так называемого цифрового колониализма, связанного с созданием режима социального контроля. Искусственный технологический интеллект становится всё более быстрым и время от времени движется экспоненциально. В результате этого разрыв во все возрастающем международном масштабе увеличивается. Не все страны контролируют информационные технологии, в том числе ИИ-технологии. Тем более контролировать таковые один, отдельно взятый гражданин, попросту не в состоянии, что автоматически приводит к нарушению его прав¹².

В указанной связи, для того чтобы действовать в современных мировых условиях, каждая страна должна следить за использованием ИИ-технологий. Условием этого являются частично наиболее зависимые страны, частично малые страны, превосходящие страны в развитии технологий, основанных на ИИ. Другими словами, всё более возрастает зависимость, из-за которой менее крупные и не столь обеспеченные с материальной точки зрения страны, контролируются наиболее развитыми государствами, которые являются разработчиками и поставщиками ИИ-технологий.

В настоящее время данные становятся мишенью крупных компаний и государств. Данные о странах-потребителях сами по себе будут контролироваться развитыми государствами и мегатехнологическими компаниями. Пользователи электронных платформ социальных сетей уже во всё большей степени становятся поставщиками

¹⁰ Кузнецова Н. В. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Право и бизнес. 2025. № 2. С. 27.

¹¹ Иксанов И. С., Музалевская Е. А. Гражданство искусственного интеллекта: проблемы теории и практики // Юрист. 2023. № 10. С. 23.

¹² Гульбин Ю. Т., Наибханова Р. И. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации // Современное право. 2025. № 9. С. 64.

данных в интересах, определенных как государством, так и крупными технологическими интернет-компаниями.

При этом немаловажно понимать, что на протяжении последних нескольких лет через соцсети достаточно активно распространяется шпионское ПО, созданное для извлечения данных с персональных смартфонов (telephone personal smart). В указанной связи права человека могут только рассматриваться расплывчато, а частное лицо полноправного гражданина исчезает под надзором распространителя шпионского ПО. В подобной ситуации люди не могут снова говорить о свободе как о праве каждого человека¹³.

Говоря о значении ИИ для дальнейшего развития законодательства и обеспечения прав человека отметим, что нельзя отрицать, что ИИ является одним из самых удивительных открытий в мире современных технологий. Наряду с развитием ИИ изменился индивидуальный подход к работникам, взаимодействию и живой активности в их повседневной жизни. На пути к благополучному будущему, связанному с цифровым миром, ИИ играет важную роль в различных аспектах жизни, в том числе в области права и прав человека. В соответствии со способностью ИИ распознавать и анализировать данные с невероятной скоростью и точностью, как правило, возникают различные последствия, этические и юридические требования к которым воспринимаются современным обществом очень серьезно.

Так, распознавание лиц (recognition face), является одной из компьютерных систем, позволяющих определить местоположение гражданина. Данная система способна идентифицировать гражданина по изображению его лица как на фотографиях, видео, так и в режиме реального времени.

При этом общеизвестно, что введение алгоритма распознавания лиц может приводить к ошибкам двух типов, а именно: 1) положительное значение лица и 2) отрицательное значение лица. Положительное значение лица происходит, когда алгоритм определяет, что между двумя изображениями лица есть положительное соответствие, но на самом деле соответствия нет, как это было в ряде случаев, не только в российской, но и зарубежной практики, когда на основании отчетов системы распознавания лиц к уголовной ответственности пытались привлечь не причастных к советующим расследуемым преступлениям граждан¹⁴.

Подобного рода инциденты происходят из-за того, что рассматриваемая система не позволяет идентифицировать лицо человека со стопроцентной гарантией, что приводит на практике к нарушению прав человека, в том числе свободы личности, дискриминации и т.д. На практике, такого рода ошибки, связанные с недостаточностью точности технологии распознавания лиц, приводят к аресту и содержанию под стражей не причастных лиц без веских и законных на то оснований, что является нарушением ст. 9 Всеобщей декларации прав человека ООН¹⁵.

Помимо распознавания лиц, ИИ позволяет осуществлять более тонкие, но столь же инвазивные формы наблюдения. Алгоритмы прогнозирования правоохранительной деятельности анализируют исторические данные о преступлениях, чтобы спрогнозировать, где и когда могут произойти будущие преступления, что приводит к усилению присутствия полиции в определенных районах, часто тех, где преимущественно проживают группы меньшинств. Это может привести к чрезмерному надзору со стороны органов правоохраны и усилить существующие предубеждения в системе правосудия.

Аналогичным образом госорганы и корпорации используют ИИ для мониторинга онлайн-коммуникаций и социальных сетей для анализа настроений, выявления потенциальных угроз или несогласия. Хотя иногда такая практика рассматривается

¹³ Харьков В. С. Тенденции правового регулирования электронных сделок в современном российском праве // Юрист. 2024. № 4. С. 41.

¹⁴ Кудашкин Д. А. Кибербезопасность и правовая защита информации от угроз искусственного интеллекта // Юрист. 2025. № 3. С. 39.

¹⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.

как необходимая для борьбы с терроризмом или обеспечения общественной безопасности, включая кибербезопасность, она представляет собой значительное вторжение в частную жизнь отдельных лиц и может использоваться для подавления законной политической оппозиции. Способность ИИ анализировать обширные наборы данных означает, что даже, казалось бы, безобидная информация при агрегировании может раскрыть конфиденциальные личные данные, от политической принадлежности и религиозных убеждений до состояния здоровья.

Сбор огромных наборов данных, необходимых для работы этих систем наблюдения с ИИ, называемые «большими данными», сам по себе является серьезной проблемой конфиденциальности. Большая часть этих данных собирается без значимого согласия отдельных лиц или полного понимания того, как они будут использоваться. Такого рода извлечение и монетизация данных фактически приводит к подрыву индивидуальной автономии, а также не ограничивает контроль над личной информацией, что непосредственным образом влияет на соблюдение требований на надлежащее обеспечение неприкосновенности частной жизни¹⁶.

На практике, отсутствие законодательно урегулированных механизмов защиты данных во многих государствах делает интернет-пользователей уязвимыми с точки зрения возможностей манипуляции ими и даже эксплуатации. Поскольку аналитические возможности ИИ продолжают развиваться, потенциал использования этих технологий для социальной оценки, манипулирования общественным мнением и широкого социального контроля представляет прямую угрозу основам демократических обществ и гражданским свободам, которые они призваны защищать.

На основании вышеизложенного отметим, что каждая технологическая разработка всегда оказывает положительное влияние, но также никто не может уклониться от нее в том числе неблагоприятного, негативного воздействия. Данный посыл непосредственным образом касается и ИИ-технологий, которые приносят много пользы. Однако данная технология также оказывает влияние, иногда негативное, не в прямом смысле или неявное, нередко, невидимое, не определяемое сразу.

В центре внимания оказывается достоинство человека, ИИ имеет большой потенциал для устранения препятствий в частной жизни, что становится правом каждого человека, что касается информации, которую заинтересованное лицо в любое время может использовать не по назначению или получить к ней доступ без соответствующего разрешения владельца такой информации. Таким образом, артефакт интеллекта, попавший в руки злоумышленника, способен парализовать свободу быть логичным следствием существующего достоинства человека. Предупреждение негативных проявлений ИИ на стадии разработки и в процессе реализации объективно должны быть предусмотрены в Российской Федерации на законодательном уровне в самое ближайшее время, с учетом положений разд. III Нацстратегии развития ИИ на период до 2030 г.¹⁷, предусматривающей в том числе в ст. 19 в качестве основных принципов развития и использования ИИ-технологий защиту прав и свобод человека.

Немаловажно, чтобы при использовании ИИ-технологий, подобных распознаванию лиц и обработке «больших данных», руководствовалось строго законодательно регламентированными правилами. Достоверные, беспристрастные, справедливые процедуры и юридически обоснованная политика, соответствующие принципам государств, реализуемым в области прав человека, являются ключевыми для обеспечения баланса между инновационными технологиями и защитой ограниченных прав каждого человека, что объективно требует законодательного ограничения негативного влияния ИИ-технологий на права человека и регламентации порядка

¹⁶ См.: Kura A. B., Narimi M. M. Artificial intelligence and human rights: the way forward in balancing the need. Conference: Muslim Lecturers Association Leveraging Research and Collaboration for Sustainable Economic Diversification and Societal Transformation. Nigeria 2nd National Research Conference; Northwest University Kano. 2025. P. 1–19.

¹⁷ Утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700).

определения внедоговорной (деликтной) ответственности при выявлении такого влияния и неблагоприятного воздействия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гульбин Ю. Т., Наибханова Р. И. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации // Современное право. — 2025. — № 9. — С. 61–66.
2. Иксанов И. С., Музалевская Е. А. Гражданство искусственного интеллекта: проблемы теории и практики // Юрист. — 2023. — № 10. — С. 20–26.
3. Кудашкин Д. А. Кибербезопасность и правовая защита информации от угроз искусственного интеллекта // Юрист. — 2025. — № 3. — С. 38–41.
4. Кузнецова Н. В. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Право и бизнес. — 2025. — № 2. — С. 25–32.
5. Мельникова Е. Н. Проблема «разрыва ответственности» за вред, причиненный использованием систем и приложений искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. — 2024. — № 4. — С. 80–92.
6. Харьков В. С. Тенденции правового регулирования электронных сделок в современном российском праве // Юрист. — 2024. — № 4. — С. 39–43.
7. Kura A. B., Narimi M. M. Artificial intelligence and human rights: the way forward in balancing the need. Conference: Muslim Lecturers Association Leveraging Research and Collaboration for Sustainable Economic Diversification and Societal Transformation. Nigeria 2nd National Research Conference; Northwest University Kano, 2025. — P. 1–19.
8. Rajaei M., Amiri A. Public Law Challenges in Protecting Human Digital Rights in the Age of Artificial Intelligence // Legal Studies in Digital Age. — 2025. — Vol. 4. — Iss. 3. — P. 1–7. — URL: <https://doi.org/10.61838/kman.lsda.184>.
9. Vianto D. The Growth of Artificial Intelligence and Its Implications To Law and Human Rights // Proceeding of International Conference on The Law Development For Public Welfare. — 2025. — Vol. 4. — P. 238–249. — DOI: 10.30659/picldpw.v4i0.50151.

REFERENCES

1. Gulbin YuT, Naibkhanova RI. Legal Regulation of Artificial Intelligence in Russian Federation. *Modern Law*. 2025;9:61-66. (In Russ.).
2. Iksanov IS, Muzalevskaya EA. Citizenship of Artificial Intelligence: Problems of Theory and Practice. *Jurist*. 2023;1:20-26. (In Russ.).
3. Kharkov VS. Trends in the legal regulation of electronic transactions in modern Russian law. *Jurist*. 2024;4:39-43. (In Russ.).
4. Kudashkin DA. Cybersecurity and legal protection of information from artificial intelligence threats. *Jurist*. 2025;3:38-41. (In Russ.).
5. Kura AB, Narimi MM. Artificial intelligence and human rights: the way forward in balancing the need. Conference: Muslim Lecturers Association Leveraging Research and Collaboration for Sustainable Economic Diversification and Societal Transformation. *Proceedings of Nigeria 2nd National Research Conference*: Northwest University Kano; 2025.
6. Kuznetsova NV. On the Legal Personality of Artificial Intelligence. *Law and Business*. 2025;2:25-32. (In Russ.).
7. Melnikova EN. The problem of «severing responsibility» for harm caused by the use of artificial intelligence systems and applications. *Russian Law Journal*. 2024;4:80-92. (In Russ.).
8. Rajaei M, Amiri A. Public Law Challenges in Protecting Human Digital Rights in the Age of Artificial Intelligence. *Legal Studies in Digital Age*. 2025;4(3):1-7. Available at: <https://doi.org/10.61838/kman.lsda.184>.
9. Vianto D. The Growth of Artificial Intelligence and Its Implications To Law and Human Rights. *Proceeding of International Conference on The Law Development For Public Welfare*. 2025;4:238-249. DOI: 10.30659/picldpw.v4i0.50151.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.014-025

СОГЛАСИЕ НА ОБРАБОТКУ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Печенин Даниила Вячеславович,
магистрант направления «Цифровое право (IT-Law)»
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
s2039817@edu.msal.ru

© Печенин Д. В., 2026

Аннотация. В статье рассматривается соответствие законодательству РФ процесса обработки биометрических персональных данных в системах генеративного ИИ, проводится сравнение правового регулирования данных отношений в России и ЕС. Выявлены системные пробелы в реализации правомерной обработки биометрических персональных данных системами генеративного искусственного интеллекта. Установлено, что запреты на использование биометрических персональных данных в запросах носят декларативный характер, это подтверждается анализом политик конфиденциальности GigaChat и DeepSeek, возлагающих ответственность за неправомерное использование персональных данных на пользователя. Непрозрачный механизм получения согласия субъекта на обработку биометрических персональных данных и обусловленность доступа к сервису их обязательной обработкой для обучения нейронной сети представляются главными проблемами реализации правомерной обработки данных системами генеративного искусственного интеллекта. На основе сравнительного анализа российского и европейского законодательства сформулированы следующие предложения: 1) закрепить императивный запрет на обработку биометрических персональных данных системами генеративного искусственного интеллекта с установлением юридической ответственности либо обязать операторов систем генеративного искусственного интеллекта внедрять меры верификации письменных согласий субъектов на обработку; 2) обработка биометрических персональных данных исключительно для целей обучения нейронных сетей должна производиться с отдельного информированного согласия субъекта, без которого использование сервиса должно оставаться возможным. Предложенные меры направлены на устранение противоречий, обеспечение реального контроля субъектов над своими биометрическими персональными данными и их правовой защиты.

Ключевые слова: биометрические персональные данные; согласие на обработку персональных данных; субъект персональных данных; оператор; генеративный искусственный интеллект; правовое регулирование; Европейский Союз; нейросеть; биометрия

CONSENT FOR PROCESSING BIOMETRIC PERSONAL DATA BY GENERATIVE AI: PRACTICAL IMPLEMENTATION PROBLEMS

Daniil V. Pechenin,

Master's Student, IT-Law Master's Course, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
s2039817@edu.msall.ru

Abstract. The paper examines the compliance of biometric personal data processing in generative AI systems with the legislation of the Russian Federation and provides a comparative analysis of the legal regulation of relations under examination in Russia and the European Union. The study identifies systemic gaps in ensuring the lawful processing of biometric personal data by generative artificial intelligence systems. The study has established that prohibitions on the use of biometric personal data in user prompts are largely declaratory in nature, as evidenced by an analysis of the privacy policies of GigaChat and DeepSeek, which place responsibility for the unlawful use of personal data on the user. The opaque mechanism for obtaining a data subject's consent to the processing of biometric personal data, as well as conditioning access to the service on the mandatory processing of such data for neural network training purposes, appear to constitute the principal challenges to ensuring lawful data processing by generative artificial intelligence systems. Based on a comparative analysis of Russian and European legislation, the author proposes the following: (1) to establish a mandatory prohibition on the processing of biometric personal data by generative AI systems, coupled with the imposition of legal liability, or alternatively to require operators of generative artificial intelligence systems to implement mechanisms for verifying the existence of the data subject's written consent to processing; and (2) to require that the processing of biometric personal data exclusively for neural network training purposes be carried out only on the basis of separate informed consent of the data subject, while access to the service should remain possible even in the absence of such consent. The proposed measures are aimed at eliminating existing contradictions, ensuring genuine control by data subjects over their biometric personal data, and strengthening their legal protection.

Keywords: biometric personal data; consent to the processing of personal data; personal data entity; operator; generative artificial intelligence; legal regulation; European Union; neural network; biometrics

ВВЕДЕНИЕ

Искусственный интеллект (ИИ) уже вышел за рамки «перспективы» и превратился в повседневный инструмент для бизнеса, государства, гражданина. Его активно применяют в образовании, маркетинге, анализе поведения клиентов, системах скоринга, в кол-центрах, генерации текстов, изображений, видео и аудио — 70 % всех компаний в РФ¹. В 2025 г. 51 % интернет-пользователей обращались к нейросетям, а рынок генеративного ИИ в РФ прогнозировал рост в 5 раз до 58 млрд руб. по сравнению с показателями 2024 г.² ИИ обрабатывает входные данные и генерирует материал посредством нейронной сети, которая обучается на заранее заданных для нее паттернах. В результате такой обработки формируется база данных, которая генерирует

¹ Российский рынок генеративного ИИ в 2025 году вырастет в 5 раз и достигнет 58 миллиардов из-за колоссального спроса // CNews. 2025. 9 дек. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-12-09_v_2025_godu_rossijskij_rynok (дата обращения: 26.12.2025).

² Нейросети: инструмент, а не магия // Всероссийский центр исследования общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-instrument-a-ne-magija> (дата обращения: 26.12.2025).

ответ, приближенный к тому, который смог бы дать человек. Для обработки персональных данных (ПД) субъекта при создании промптов в системах генеративного ИИ, в том числе и при дальнейшем их использовании для обучения нейронных сетей, обязательно наличие согласия на обработку ПД. Однако в отношении биометрических персональных данных (БПД или биометрия) — наиболее чувствительной категории, характеризующей физиологические и биологические особенности человека согласно п. 1 ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных»³ (далее — Федеральный закон № 152-ФЗ) данное согласие носит общий, формальный характер. Кроме того, такое согласие не предполагает автоматического разрешения на использование биометрии в обучении — поскольку эти процессы обычно выходят за рамки первоначально указанных целей и требуют отдельной информированности субъекта. Биометрия, включая изображения лица, голосовые записи, радужку глаза, отпечатки пальцев и др. не подлежит восстановлению или изменению, что делает ее необратимой и усиливает риски при генеративной обработке: от создания дипфейков до бесконтрольного синтеза «новых» генеративных объектов на основе БПД, способных нанести вред репутации, приватности или даже идентичности субъекта. Учитывая тот факт, что уже в 2023 г. было собрано 75 млн образцов лица и голоса в российских организациях⁴, прослеживается очевидный масштаб отрасли, спрос на большие объемы данных и важность правового регулирования и обеспечения правовых механизмов защиты БПД в сфере ИИ.

Стратегическую важность обеспечения безопасности в обработке ПД видит Президент РФ В. В. Путин. На заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 9 декабря 2025 г. президент отметил необходимость развивать сферы ИИ и big data, обеспечивая гарантии безопасности прав человека, чтобы не допустить бездумного использования ИИ и «распыления идентичности россиян»⁵. Регламент (ЕС) 2016/679⁶ (GDPR) дополняется Регламентом ЕС 2024/1689⁷ (AI Act) строгими требованиями к управлению данными для высокорисковых систем, включая отзыв согласия, но российское правовое регулирование ИИ остается фрагментарным, порождая пробелы в защите фундаментального права на неприкосновенность частной жизни⁸.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

⁴ Пароль не нужен: что нужно знать о биометрии // Объясняем.пф. URL: <https://объясняем.пф/articles/useful/biometricheskie-dannye-chto-nuzhno-znat/> (дата обращения: 26.12.2025).

⁵ Путин выступил против бездумного использования ИИ // Hi-Tech Mail. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/138948-putin-vystupil-protiv-bezdumnogo-ispolzovaniya-ii/> (дата обращения: 26.12.2025).

⁶ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (дата обращения: 28.12.2025).

⁷ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Artificial Intelligence Act // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689> (дата обращения: 28.12.2025).

⁸ Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Алексеевич Л. В., Зенин С. С. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2. С. 121–131.

1. ИНСТИТУТ СОГЛАСИЯ НА ОБРАБОТКУ БПД: ЕГО НАЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РФ

Сведения об определяемом или определенном лице составляют его неотъемлемую индивидуальность, когда речь идет о биометрии. Отдельные сведения, которые порой идентичны, как, например имя, фамилия, возраст, пол, не приводят к идентификации конкретного человека, являются абстрактными, а потому, строго говоря, не затрагивают право на неприкосновенность частной жизни. Можно, как справедливо отмечает М. Б. Добробаба, вывести правило по тесту: если сведения изначально сами по себе не приводят нас к заключению, что это ПД, но в совокупности с иными сведениями мы сможем верифицировать лицо, то эти сведения относятся к ПД⁹.

Бесконтрольное использование ПД, овладение ими влечет за собой большие юридические риски, обусловленные возможностью их использования в преступных целях, завладение банковскими счетами, мошенничество, шантаж и другие неблагоприятные последствия. Поэтому институт согласия на обработку ПД реализует функцию по защите от несанкционированного использования ПД третьими лицами и предупреждает совершение преступлений или правонарушений в сфере их обработки.

Основным источником правового регулирования обработки БПД является Федеральный закон № 152-ФЗ, в котором главным основанием их обработки является согласие субъекта, полученное в письменном виде, за исключением специально предусмотренных законом случаев. Название этой категории происходит от греч. *bios* — жизнь, и *metron* — мера¹⁰. Некоторые авторы отмечают, что в отдельных случаях происходит открытое столкновение человека и машины в борьбе за свои права на использование голоса, поскольку обработка ИИ голосовых данных без надлежащего правового основания недопустима¹¹. Кроме классических физиологических и биологических сведений ГОСТ Р ИСО/ТО 13569-2007 «Финансовые услуги. Рекомендации по информационной безопасности»¹², равно как и Н. И. Платонова¹³, включают в определение БПД также сведения о поведенческих особенностях человека. К поведенческим особенностям можно отнести походку, почерк, манеру набора текста со свойственной данному лицу скоростью и силой нажатия на клавиши клавиатуры или смартфона, эмоции, мимику, характер человека и многое другое. В одном из своих разъяснений Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор)

⁹ Цит. по: Добробаба М. Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 42–52. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.042-052.

¹⁰ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи : с портр. и краткой биогр. А. Н. Чудинова / сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5 000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. СПб. : В. И. Губинский, 1910.

¹¹ Жужгина А. А., Соловьева Д. Д. Правовое регулирование синтеза человеческого голоса с помощью технологий искусственного интеллекта // Вестник ННГУ. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sinteza-chelovecheskogo-golosa-s-pomoschyu-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 03.01.2026).

¹² ГОСТ Р ИСО/ТО 13569-2007 «Финансовые услуги. Рекомендации по информационной безопасности» : нац. стандарт Российской Федерации : утвержден и введен в действие приказом Федер. агентства по техн. регулированию и метрологии от 27.12.2007 № 514-ст (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу) // Кодекс: электрон. фонд правовой и норматив.-техн. информ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200068821> (дата обращения: 29.12.2025).

¹³ Платонова Н. И. Современный подход к пониманию персональных данных // Право и современные государства. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-podhod-k-ponimaniyu-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 06.01.2026).

отмечает, что возможность отнесения тех или иных сведений к БПД регулируется законодательными и иными нормативными правовыми актами¹⁴. Так, согласно п. 6 Перечня персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию, утвержденного постановлением Правительства РФ 04.03.2010 № 125 «О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию»¹⁵, цветное цифровое фотографическое изображение лица владельца документа относят к БПД.

Из этого следует, что согласие на обработку БПД является главным правовым основанием их обработки, а получение такого согласия — чрезвычайно важным критерием законности, справедливости, достаточности, точности ПД и соответствия заявленным целям обработки.

2. ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ СБОРА СОГЛАСΙΑ НА БПД

Новые положения законодательства о ПД были внесены в 2025 г. Федеральным законом от 24.06.2025 № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁶ внесена поправка в текст ст. 9 Федерального закона № 152-ФЗ: с 1 сентября 2025 г. согласие субъекта на обработку ПД оформляется в виде самостоятельного документа. Данное нововведение исключает возможность включения согласия в тексты договоров, оферт или пользовательских соглашений. Установленное требование в полной мере распространяется на обработку БПД, что де-факто прекращает практику так называемого скрытого согласия, при которой волеизъявление на обработку ПД неотделимо от иных юридически значимых действий субъекта. В отношении БПД сохраняется требование письменной формы согласия, предусматривающего указание конкретных целей обработки, перечня совершаемых действий, сроков хранения и использования БПД, а также круга операторов и иных лиц, которым такие данные могут быть переданы.

Федеральным законом от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных” и Федеральный закон “О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»¹⁷ введена статья 13.1 в Федеральный закон № 152-ФЗ, которая посвящена особенностям обработки ПД, полученных в результате обезличивания. Теперь операторы по требованию уполномоченного государственного органа передают обрабатываемые ПД в государственную информационную систему, на основе которых создаются специальные составы данных и определяется доступ к ним. Данные внутри этого состава подлежат обезличиванию. К ним имеют доступ не только уполномоченные государственные органы, но также граждане и юридические лица, соответствующие требованиям, установленным пунктом 2 ч. 7 ст. 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ. Таким образом, новые положения, регулирующие процессы обезличивания ПД,

¹⁴ Письмо Роскомнадзора от 01.08.2024 № 62450-02-11/77 «Об обработке биометрических персональных данных» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483102/ (дата обращения: 29.12.2025).

¹⁵ СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1103.

¹⁶ СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3486.

¹⁷ СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4929.

способствуют развитию технологий ИИ, обработки больших данных в РФ. Введение данных норм предоставляет операторам возможность использовать обезличенные массивы данных для обучения систем ИИ при одновременном соблюдении требований законодательства о ПД. Однако важно иметь в виду, что в такие составы ПД в государственной информационной системе не может входить категория БПД (ч. 1 ст. 13.1 Федерального закона № 152). Из этого следует, что БПД не могут быть использованы даже в обезличенном виде в целях обучения систем ИИ. В данном контексте хотим обратиться к мнению А. С. Селюк, которая обозначает угрозы, которые несут с собой модели машинного обучения и дипфейк для обработки больших данных. Автор верно указывает на уязвимости для БПД и необходимость новых стандартов¹⁸.

Последние нововведения демонстрируют возрастание интереса законодателя к точечным вопросам правового регулирования в сфере обработки БПД, понимание важности института согласия на обработку БПД и стратегического значения регулирования общественных отношений в данном направлении.

3. ТЕХНОЛОГИЯ ОБРАБОТКИ БПД ГЕНЕРАТИВНЫМ ИИ

Исходя из Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490¹⁹, генеративный ИИ определяется через термин большой генеративной модели как модели ИИ, интерпретирующей большие массивы данных в виде текстовой информации или данные об объектах на изображениях, и способной на их основе создать новые мультимодальные данные, на уровне, сопоставимом или превосходящем интеллектуальную деятельность человека. Важное замечание, что такая модель ИИ способна генерировать новые данные в виде изображения, аудио или видео контента, на основе анализа обширных обучающих наборов. Сбор данных ИИ отличается массовостью и автоматизацией, часто через cookies и big data, что затрудняет контроль субъектом. К технологиям ИИ для обработки ПД относятся машинное обучение (ML), системы распознавания вроде Google DeepMind, Siri, Alexa²⁰.

Обратимся к политикам конфиденциальности некоторых систем генеративного ИИ. В частности, российская система генеративного ИИ Сервис GigaChat от ПАО «Сбербанк» (далее — Банк) на основании Пользовательского соглашения об использовании Сервиса GigaChat²¹ (далее — Соглашение) запрещает использовать Пользователю в Запросах в целях генерации контента собственные ПД и другие данные третьих лиц (п. 4.5.6 Соглашения). Понятно, что не все пользователи добросовестны и предпочтут злоупотребить правом для собственного развлечения — использовать фотоизображение третьего лица (знаменитости, людей из близкого окружения и др.), чтобы сгенерировать забавный видеоролик с его участием по заранее заданному описанию. Такие действия Пользователя будут нарушать Соглашение, и, согласно пп. 7.5 и 7.6 при получении Сервисом ПД Пользователь будет обязан предоставить Банку правовые основания их обработки, в том числе при подаче иска в отношении Банка, а также уведомить субъекта ПД о такой обработке в течение 3 рабочих дней.

¹⁸ Селюк А. С. Защита персональных данных в рамках использования технологий искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-ramkah-ispolzovaniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 05.01.2026).

¹⁹ СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

²⁰ Литвин И. И. Особенности сбора, обработки и защиты персональных данных искусственным интеллектом // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sbora-obrabotki-i-zaschity-personalnyh-dannyh-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 05.01.2026).

²¹ Пользовательское соглашение об использовании сервиса GigaChat // Портал для разработчиков SberDev. URL: <https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat/agreement#7-personalnye-dannye> (дата обращения: 29.12.2025).

В рамках Соглашения, объем обрабатываемых Банком ПД Пользователя строго ограничивается информацией, предоставляемой им в ходе процедуры авторизации в Сервисе, при использовании Сервиса Партнера в рамках функциональных возможностей Сервиса и только в целях заключения и исполнения Соглашения, в том числе с целью использования Сервиса (п. 7.7). Такими условиями Банк пытается защитить себя от возможной ответственности за утечку ПД без согласия субъекта. Остаются не раскрытыми последствия непредставления правового основания обработки Пользователем. От этого зависит, будет ли обработка БПД прекращена, будут ли они обезличены или уничтожены или на них начнет распространяться общая Политика обработки персональных данных в ПАО Сбербанк²² (п. 7.8 Соглашения).

Обратимся к иностранному аналогу — китайскому DeepSeek. Согласно DeepSeek Privacy Policy²³ (далее — Политика) Сервис вправе обрабатывать ПД, которые Пользователь предоставляет. К таким данным относятся личные данные аккаунта, введенные при регистрации, текстовые и голосовые данные, подсказки, загруженные файлы, фотографии, отзывы, историю чатов и др. Обрабатываются ПД на основании перечня целей, среди которых выделяются, например создание учетных записей, обеспечение доступа и пользовательской коммуникации, совершенствование и развитие Сервисов путем анализа их использования и обучения алгоритмов машинного обучения и др. На основании вводных данных Сервис генерирует ответы по запросам Пользователей. При этом оператор в лице Hangzhou DeepSeek Artificial Intelligence Co., Ltd. отдельно оговаривает, что обязуется не извлекать или майнить информацию о голосовом фрагменте или распознавании лиц, или другие уникальные биологические характеристики, также используемые для идентификации конкретного человека, из голосовых данных или фотографий, которые были предоставлены Пользователем. Любопытно положение Политики в отношении общедоступных ПД: оператор вправе свободно их использовать из онлайн-источников и получать по согласию для обучения своих моделей и предоставления услуг. В то же время Пользователь всегда управомочен отказаться от использования ПД для обучения моделей или оптимизации технологий Сервиса. В данном контексте приведем позицию А. К. Жаровой, которая замечает, что использование общедоступных ПД для создания синтетического художественного произведения не может быть квалифицировано как правонарушение, если сам субъект сделал их общедоступными²⁴. Такое утверждение требует разъяснения. Если под «сам субъект делает персональные данные общедоступными» автор имел в виду обязательное предоставление согласия на обработку в соответствии с требованиями законодательства, то данное утверждение представляется верным. В противном случае, без какого-либо согласия ни одна технология генеративного ИИ не имеет права использовать БПД субъекта. Упоминается, что Сервис не предназначен для обработки конфиденциальных ПД (в частности, БПД), их не запрашивают, и Пользователи не должны предоставлять их Сервисам, как о себе, так и о других лицах. Оператор не занимается профилированием Пользователей и третьих лиц, но оговаривает возможность обработки ПД без согласия, только если это связано с исполнением юридических обязательств по запросам правоохранительных органов и требований законодательства.

Итак, соглашение сервиса GigaChat ПАО «Сбербанк» предусматривает запрет на ввод БПД, собственных и третьих лиц. Это направлено на предотвращение их неправомерной обработки и снижение рисков ответственности оператора. Политика DeepSeek также не ориентирована на обработку БПД, содержит предупреждение о

²² Политика обработки персональных данных в ПАО «Сбербанк» // URL: <https://www.sberbank.ru/privacy/policy> (дата обращения: 29.12.2025).

²³ DeepSeek Privacy Policy // URL: <https://cdn.deepseek.com/policies/en-US/deepseek-privacy-policy.html> (дата обращения: 29.12.2025).

²⁴ Жарова А. К. Технологии дипфейк: социально-правовые риски нарушения частной жизни лица и правовые решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-dipfeyk-sotsialno-pravovye-riski-narusheniya-chastnoy-zhizni-litsa-i-pravovye-resheniya> (дата обращения: 05.01.2026).

недопустимости их предоставления и исключает профилирование пользователей. Вместе с тем DeepSeek в отличие от российского сервиса прямо допускает возможность обработки БПД, ограничиваясь указанием на нежелательность передачи личной и конфиденциальной информации, без конкретизации формы и порядка получения согласия субъекта. Политики конфиденциальности обоих сервисов реализуются в рамках требований законодательства государств, на территории которых оказываются их услуги. При этом DeepSeek прямо предусматривает обработку ПД в целях обучения модели ИИ, при включении согласия субъекта на данную цель в общее согласие пользователя с пользовательским соглашением при начале использования сервиса. Такой подход не соответствует требованиям законодательства РФ, устанавливающего необходимость отдельного письменного согласия на обработку БПД согласно ч. 3 ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ.

4. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАБОТКИ БПД В СИСТЕМАХ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

Европейское законодательство устанавливает строгие правила обработки БПД в системах ИИ, классифицируя их как специальные категории данных с высоким риском. Основные нормы содержатся в GDPR и AI Act, которые запрещают или ограничивают противоправные практики обработки таких данных для защиты прав граждан. Биометрия требует явного согласия и пропорциональности использования. Так, нормативное содержание ст. 4 GDPR позволяет определить БПД как категорию данных, полученных в результате специальной технической обработки, в отношении физических, физиологических или поведенческих характеристик физического лица, идентифицирующие его. Например, это изображения лица или дактилоскопические данные. Обработка таких данных допускается только при наличии явного согласия субъекта в соответствии с заранее определенными целями либо в отдельных случаях, установленных статьей 9 GDPR.

Статья 5 AI Act посвящена методам использования ИИ, которые запрещены. Среди них п. (1)(f) и (g) выделяет именно запрет на использование и обработку БПД в ИИ. Так, режим запрета в отношении систем, осуществляющих категоризацию физических лиц на основе их БПД, исключает возможность их вывода на рынок и практического применения. Особый запрет направлен на недопустимость применения технологий распознавания эмоций на основе ИИ в контексте трудовой деятельности и образовательного процесса. Установленные ограничения не распространяются на обработку правомерно полученных биометрических данных (их маркировку и фильтрацию), а также на использование биометрической категоризации в правоохранительной деятельности. Запрет на анализ эмоций не применяется в случаях, когда соответствующая система ИИ используется или размещается на рынке для медицинских целей либо в целях обеспечения безопасности.

Всё это в совокупности с тем, что системы ИИ в области биометрической идентификации классифицируются как высокорисковые по ст. 6 и Annex III (п. 1) AI Act, включая удаленную идентификацию, категоризацию конфиденциальных атрибутов и характеристик, полученных в результате анализа и эмоциональное распознавание говорит о том, что в ЕС очень тщательно подходят к вопросу защиты прав граждан, касающихся обработки БПД. Для них обязательны: управление рисками, обеспечение качества данных, документация, прозрачность, надзор и кибербезопасность (ст. 9–15, 29 AI Act). Провайдеры обязаны проводить оценку соответствия и регистрировать высокорисковые системы ИИ в базу данных (ст. 49) и обеспечивать их прослеживаемость. AI Act не затрагивает GDPR, оставляя письменное согласие по ст. 4(11) GDPR за рамками своих норм — оно применимо только к безрисковым или разрешенным практикам в общем контексте защиты ПД.

Таким образом, в ЕС сформирован императивный подход к регулированию обработки БПД в системах ИИ, отнесенных к высокорисковым. В соответствии

с GDPR их обработка допускается исключительно при наличии явно выраженного, добровольного и конкретного согласия субъекта и только в рамках заранее определенных и законных целей. Использование БПД для иных целей возможно лишь при установлении их совместимости с первоначальными целями обработки. В научной литературе, в частности И. П. Ковалёвым, отмечается формирование комплексного регулирования применения ИИ для идентификации личности и необходимость совершенствования национального законодательства во избежание неправомерного ограничения прав и свобод посредством технологически нейтральных и доступных механизмов²⁵. Общий запрет на использование БПД в системах ИИ рассматривается как базовая гарантия их правовой защиты.

5. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В ходе анализа мы пришли к выводу, что современное правовое регулирование обработки БПД в РФ имеет, безусловно, сильные стороны, но в научной литературе неоднократно отмечалось, что есть аспекты, которые важно системно переработать и внести определенные коррективы.

Так, А. К. Жарова предлагает связать генеративные ИИ, в особенности дипфейк, определенными методами контроля и мониторинга за контентом, фиксируя специальную маркировку на любом ИИ²⁶. Более того, только в случае прохождения подтверждения личности появляется возможность генерировать и публиковать новый контент. Всё это делается для недопущения пропуска случайно сгенерированного анонимного контента. Предложение ученого представляется весьма актуальным в свете активного развития технологий ИИ, крупного оборота ПД в запросах систем генеративного ИИ и уязвимости категорий ПД как объектов правовой защиты в эпоху цифровой трансформации. Кроме того, подобный подход используется в ЕС и показывает устойчивость и эффективность правового регулирования. О. С. Болотаева и Н. А. Новокшонова предлагают использовать в отношении обработки БПД специальный режим по аналогии с режимом исключительных прав, поскольку категория БПД затрагивает личные и имущественные интересы субъекта²⁷. По мнению О. С. Болотаевой, такой режим обеспечивает механизм контроля и защиты, тогда распоряжение исключительным правом на БПД возможно посредством заключения лицензионного договора. Здесь, конечно, возникает вопрос относительно целесообразности такого правового режима исключительных прав в то время, как существует отдельный институт согласия на обработку ПД. К тому же, как мы неоднократно замечали, в отношении БПД предусмотрена строгая законодательная письменная форма согласия. О. С. Болотаева считает, что эти два режима могут сосуществовать

²⁵ Ковалёв И. П. Правовое регулирование защиты личных прав человека при использовании технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2024. № 1 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-zaschity-lichnyh-prav-cheloveka-pri-ispolzovanii-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 03.01.2026).

²⁶ Жарова А. К. Технологии дипфейк: социально-правовые риски нарушения частной жизни лица и правовые решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-dipfeyk-sotsialno-pravovye-riski-narusheniya-chastnoy-zhizni-litsa-i-pravovye-resheniya> (дата обращения: 05.01.2026).

²⁷ Болотаева О. С. Биометрические персональные данные как средства индивидуализации физического лица // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometricheskie-personalnye-dannye-kak-sredstva-individualizatsii-fizicheskogo-litsa> (дата обращения: 27.12.2025) ; Новокшонова Н. А. Цифровая идентификация гражданина: современные вызовы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-identifikatsiya-grazhdanina-sovremennye-vyzovy> (дата обращения: 03.01.2026).

вместе, поскольку лицензионный договор и согласие на обработку будут заключаться в разных целях. В частности, согласие на обработку целесообразно для реализации публичных целей, биометрической аутентификации и для правоохранительных целей. Признаем, что концепция исключительных прав на БПД имеет под собой основания. Тем не менее, на наш взгляд, этот институт вступает в противоречие с действующим законодательством. Во-первых, согласие на обработку БПД не требуется для публичных целей, которые перечисляет автор. Во-вторых, несмотря на выделение в п. 5 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 152 такого правового основания обработки ПД, как договор, стороной которого является субъект ПД, требование о письменной форме согласия на обработку БПД таково, что оно дается отдельно, кроме случаев, когда такое согласие не требуется (ч. 2 ст. 11). Поэтому представить случаи, когда может заключаться лицензионный договор на использование БПД без заключения соответствующего согласия на обработку БПД в письменной форме, представляется затруднительным.

И. Н. Мосечкин и другие авторы подсвечивают возможное ужесточение юридической ответственности и включение в УК специального состава преступления, криминализирующего создание и распространение дипфейков, цифровых подделок при отсутствии информированного согласия лица, чьи БПД используются²⁸. Это предполагает выработку квалифицирующих и конституирующих признаков. Авторы выявляют также регуляторные, организационные проблемы в контроле сбора, обработки, хранения и доступа к БПД и полагают, что существующие нормы, например ст. 272 УК РФ, недостаточны²⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, считаем необходимым обозначить пробелы в правовом регулировании обработки БПД в РФ с предложениями по их исправлению. Во-первых, не придается императивная сила запретов на использование БПД в запросах генеративного ИИ. В силу этого любой Пользователь легко нарушает этот запрет. Опцией решения этой проблемы можно считать закрепление в законодательстве прямого запрета на обработку БПД в системах ИИ и установление за его нарушение административной ответственности по аналогии с тем, как это сделано в AI Act. Другой опцией является обязывание владельцев генеративных ИИ разрабатывать соответствующие механизмы проверки подлинности согласий субъектов на обработку. Поскольку единственным препятствием на пути к правомерной обработке БПД по-прежнему остается непрозрачная система получения такого согласия. Пользователю предоставляется возможность загружать любые фото, видео и аудио материалы, в том числе с изображениями и голосами реальных людей без продуманного механизма проверки наличия правового основания на такую обработку оператором. Во-вторых, получение согласия на обработку БПД в целях обучения нейросети. По мнению автора, согласие на такую цель необходимо обязывать давать всегда отдельно, поскольку ее указание совместно с остальными целями препятствует праву распоряжаться своими данными и возможности использовать сервисы без такого согласия. Иначе операторы обуславливают доступ к своим ресурсам обязанностью предоставить БПД для целей обучения, что прямо запрещено ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ.

²⁸ Цит. по: Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // Вестник СПбГУ. Серия 14, Право. 2025. № 1. С. 95–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-tehnologii-i-biometricheskie-dannye-napravleniya-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 03.01.2026).

²⁹ Желудков М. А., Алексеева А. П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zaschischennosti-biometricheskih-personalnyh-dannyh-ot-ispolzovaniya-v-kriminalnyh-tselyah> (дата обращения: 03.01.2026).

Поэтому лицо должно иметь возможность отказаться от предоставления БПД для обработки в целях обучения нейросети, при этом не теряя возможности использовать сервис в личных целях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Болотаева О. С. Биометрические персональные данные как средства индивидуализации физического лица // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 8 (236).
2. Добробаба М. Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 2. — С. 42–52. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.042-052.
3. Жарова А. К. Технологии дипфейк: социально-правовые риски нарушения частной жизни лица и правовые решения // Правопорядок: история, теория, практика. — 2025. — № 2 (45).
4. Желудков М. А., Алексеева А. П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2025. — № 2 (106). — С. 159–169.
5. Жужгина А. А., Соловьева Д. Д. Правовое регулирование синтеза человеческого голоса с помощью технологий искусственного интеллекта // Вестник ННГУ. — 2024. — № 5.
6. Ковалёв И. П. Правовое регулирование защиты личных прав человека при использовании технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. — 2024. — № 1 (41).
7. Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Алексеевич Л. В., Зенин С. С. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 121–131.
8. Литвин И. И. Особенности сбора, обработки и защиты персональных данных искусственным интеллектом // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 4.
9. Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // Вестник СПбГУ. Серия 14, Право. — 2025. — № 1. — С. 95–110.
10. Новокшонова Н. А. Цифровая идентификация гражданина: современные вызовы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». — 2025. — № 2.
11. Платонова Н. И. Современный подход к пониманию персональных данных // Право и современные государства. — 2017. — № 5.
12. Селюк А. С. Защита персональных данных в рамках использования технологий искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 4.

REFERENCES

1. Bolotaeva OS. Biometric personal data as a means of individualization of an individual. *Law and State: Theory and Practice*. 2024;8(236). (In Russ.).
2. Dobrobaba MB. The concept of personal data: the problem of legal certainty. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;2:42-52. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.042-052.
3. Kovalev IP. Legal regulation of the protection of personal human rights when using artificial intelligence technologies. *Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2, Legal Sciences*. 2024;1(41).
4. Kuteinikov DL, Izhaev OA, Alekseevich LV, Zenin SS. Privacy in the realm of Artificial Intelligence Systems Application for Remote Biometric Identification. *Lex russica*. 2022;75(2):121-131. (In Russ.).

5. Litvin II. Features of the collection, processing and protection of personal data by artificial intelligence. *Bulletin of the Ural law institute of the Ministry of the interior of Russia*. 2021;4. (In Russ.).
6. Mosechkin IN. Deepfake technologies and biometric data: areas of criminal law regulation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2025;1:95-110. (In Russ.).
7. Novokshonova NA. Digital identification of a citizen: modern challenges. *Bulletin Chelyabinsk State Univesity. Law*. 2025;2. (In Russ.).
8. Platonova NI. Modern approach to understanding personal data. *Law and Modern States*. 2017;5. (In Russ.).
9. Selyuk AS. Protection of personal data in the framework of the use of artificial intelligence technologies. *Agrarian and Land Law*. 2025;4. (In Russ.).
10. Zharova AK. Deepfake technologies: social and legal risks of violation of a person's privacy and legal decisions. *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2025;2(45).
11. Zheludkov MA, Alekseeva AP. Ensuring the protection of biometric personal data from criminal use. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;2(106):159-169. (In Russ.).
12. Zhuzhgina AA, Solovyova DD. Legal regulation of the synthesis of human voice using artificial intelligence technologies. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2024;5. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.026-032

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ОЧНОЙ СТАВКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Никитюк Нина Дмитриевна,

студент бакалавриата программы «Юриспруденция: цифровой юрист» факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
123022, Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3
nibravinel245@mail.ru

© Никитюк Н. Д., 2026

Аннотация. Целью статьи является разработка комплексных предложений по устранению законодательных пробелов в правовом регулировании дистанционной очной ставки в российском уголовном процессе на основе формально-юридического и сравнительно-правового методологических подходов. Описывается эволюция института очной ставки на разных этапах развития российского уголовного процесса. В ходе анализа ст. 189.1 УПК РФ и обобщения судебной практики определены основные проблемы правового регулирования дистанционной очной ставки: отсутствие законодательной регламентации технических сбоев и критериев выбора формата очной ставки, правовая пробельность в регулировании требований к техническим средствам, недоурегулированность применения ВКС при проведении очной ставки в отношении лица, находящегося за рубежом. Обосновывается, что данные проблемы создают риски обвинительного уклона и признания доказательств недопустимыми. В целях эффективного устранения этих законодательных пробелов изучается опыт законодательства Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Латвии и Узбекистана. Рассматриваются возможности имплементации зарубежного нормативного опыта в российскую правовую систему. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию ст. 189.1 УПК РФ: фиксация технических сбоев, возникших при проведении очной ставки посредством ВКС; закрепление перечня оснований для дистанционного формата очной ставки с учетом возможной инициативы защиты; регламентация минимальных технических стандартов для оборудования и каналов связи при производстве дистанционной очной ставки, а также предоставление возможности трансграничного производства очной ставки с использованием ВКС.

Ключевые слова: тенденция цифровизации; уголовный процесс; цифровизация уголовного процесса; цифровизация следственной деятельности; очная ставка; дистанционная очная ставка; дистанционные следственные действия; видео-конференц-связь; ст. 189.1 УПК РФ; нормативные пробелы

THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF CONFRONTATION: LEGISLATIVE GAPS AND WAYS TO OVERCOME THEM

Nina D. Nikityuk,

Undergraduate Student, «Jurisprudence: Digital Lawyer» Program, Faculty of Law,
National Research University «Higher School of Economics»
nibravinel245@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to develop comprehensive proposals aimed at eliminating legislative gaps in the legal regulation of remote confrontation procedures in Russian criminal proceedings by means of the application of formal legal and comparative legal methodological approaches. The paper describes the evolution of the institution of confrontation at various stages in the development of the Russian criminal justice system. Through an analysis of Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and a review of judicial practice, the study identifies the principal problems in the legal regulation of remote confrontation procedures, including the absence of statutory regulation concerning technical failures and criteria for selecting the format of confrontation, legislative gaps regarding requirements for technical equipment, and insufficient regulation of the use of videoconferencing technology in confrontations involving persons located abroad. It is argued that these deficiencies create risks of prosecutorial bias and the subsequent exclusion of evidence as inadmissible. In order to address these legislative gaps effectively, the author examines the legislative experience of Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan, Latvia, and Uzbekistan. The possibilities for incorporating relevant foreign regulatory approaches into the Russian legal system are also considered. The paper proposes specific measures for improving Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, including: mandatory recording of technical failures occurring during confrontations conducted via videoconferencing technology; establishment of a statutory list of grounds for the use of a remote confrontation format, taking into account the possible initiative of the defense; regulation of minimum technical standards for equipment and communication channels used in remote confrontations; and authorization of cross-border confrontation procedures through the use of videoconferencing technology.

Keywords: digitalization trend; criminal process; digitalization of the criminal process; digitalization of investigative activities; confrontation; remote confrontation; remote investigative actions; video conferencing; Art. 189.1 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; regulatory gaps

Очная ставка — одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц, в чьих показаниях имеются существенные противоречия — претерпела значительную эволюцию на протяжении развития российского уголовного процесса. Становление этого следственного действия можно разделить на досоветский, советский и постсоветский этапы.

Истоки первого периода связаны с «Крестоцеловальной записью» 1606 г., в которой Василий Шуйский утвердил процедуру очной ставки («ставити с очей на очи»), косвенно формулируя презумпцию невиновности как ее цель: «чтобы в том православное христианство без вины не гибли»¹. Впервые термин «очная ставка» приобретает самостоятельный характер как действие после «рспроса» в ст. 38 гл. XXI Соборного уложения 1649 г.²

¹ Крестоцеловальная запись царя Василия Шуйского (1606 г.) // URL: <https://constitutions.ru/?p=18659> (дата обращения: 09.02.2026).

² Соборное уложение 1649 г. // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 09.02.2026).

Суть очной ставки уточняется в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.³ (УУС), где ее целью становится разъяснение противоречий в показаниях в том случае, если это влияет на «дальнейшее направление следствия» (ст. 452 УУС). Такое условие можно рассматривать как исторический предшественник современного критерия существенности противоречий (ч. 1 ст. 192 УПК РФ⁴). УУС ограничивал участников очной ставки: она проводилась исключительно между свидетелями.

Следующей, «советской» вехой в развитии института очной ставки являются УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг. В УПК 1922 г. и УПК 1923 г. право проведения очной ставки было закреплено за следователем. Первые советские уголовно-процессуальные кодексы расширили круг участников очной ставки: обвиняемые, свидетели, а также обвиняемый и свидетель⁵. УПК РСФСР 1960 г. подтвердил ведущую роль следователя в этом следственном действии: «Лица, между которыми производится очная ставка, могут с разрешения следователя задавать вопросы друг другу» (ст. 163 УПК РСФСР 1960 г.)⁶. Кроме того, в рамках этого кодекса окончательно оформляется процедурная составляющая очной ставки в виде необходимости составления протокола. Вводится фактически действующее до сих пор правило: «Следователь вправе произвести очную ставку между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия» (ст. 162 УПК РСФСР 1960 г.). В настоящее время в отличие от нормы 1960 г., закон буквально не ограничивает количество лиц, принимающих участие в очной ставке (ст. 192 УПК РФ).

Принципиально новаторскими элементами в современном правовом регулировании очной ставки являются следующие нормы: право следователя «предъявить вещественные доказательства и документы» (ч. 3 ст. 192 УПК РФ), возможность «воспроизведения аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки» показаний допрашиваемых лиц (ч. 4 ст. 192 УПК РФ), право свидетеля участвовать в очной ставке с адвокатом (ч. 6 ст. 192 УПК РФ). Эти изменения свидетельствуют об обеспечении принципов состязательности и объективности уголовного процесса. Значительным новшеством в правовом регулировании очной ставки является ст. 189.1 УПК РФ, введенная в действие Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ⁷. Эта правовая новелла, допускающая проведение очной ставки с использованием систем видео-конференц-связи (ВКС), в силу своего недавнего принятия, содержит ряд пробелов, влекущих существенные проблемы в правоприменении.

Формально-юридический анализ ст. 189.1 УПК РФ и обобщение судебной практики использования ВКС при производстве очной ставки позволили выявить следующие нормативные пробелы:

- 1) правовую недоурегулированность способов преодоления технических сбоев, возникающих во время проведения очной ставки по ВКС;

³ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864> (дата обращения: 09.02.2026).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 09.02.2026).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 09.02.2026); постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43709&cacheid=B2045E59B4ECE7D-D9201EB6D0D7D2BC5&mode=splus&rnd=LjRfg9VvQwnfDJoB#yyLog9Vo1AjcaiYt> (дата обращения: 10.02.2026).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/14_ugol_kodeks (дата обращения: 09.02.2026).

⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 30.12.2021 № 501-ФЗ // URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=405493&cacheid=57D17B75BCB94B3010C2FD744C426296&mode=splus&rnd=PQmD0BVScIFKAoe9#cdnD0BV80YZai6rG> (дата обращения: 11.02.2026).

- 2) отсутствие четких критериев для выбора дистанционного формата проведения очной ставки;
- 3) пробельность в регулировании требований к используемым техническим средствам;
- 4) нормативную недоурегулированность трансграничного применения ВКС при проведении очной ставки.

Выявленные законодательные пробелы могут быть устранены, в частности, путем рецепции нормативных решений правовых систем Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана и Латвии.

На практике встречаются случаи, когда правоприменители допускают прямое нарушение предписаний действующего закона, например, при проведении очной ставки с использованием ВКС не осуществлялась видеозапись, применение которой в силу предписаний ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ является обязательным. Отступление от указанного правила следователь мотивировала неполучением разрешения от участников очной ставки на ее производство. Согласно апелляционной жалобе защиты, в материалах дела отсутствовали документы, подтверждающие техническую невозможность проведения видеозаписи, что говорит о неимении законных оснований для ее непроведения. Суды первой и апелляционной инстанций не дали правовую оценку этому нарушению, сославшись на п. 3.1 постановления Пленума ВС РФ от 10.02.2022 № 1, по которому «исключение из доказательств протокола очной ставки... не является предметом обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ»⁸. По сути, суды воздержались от установления факта нарушения ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ несмотря на то, что именно это нарушение создает основания для признания протокола очной ставки недопустимым доказательством в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

Эффективным законодательным решением проблемы фиксации технических сбоев является ч. 5 ст. 219 УПК Белоруссии. Она требует отражать в протоколе следственного действия «сведения о технических средствах, условиях звуко- и видеозаписи и факте ее приостановления, причине и длительности остановки; заявления допрашиваемого по поводу применения звуко- и видеозаписи»⁹. Показательным представляется требование УПК Латвийской Республики к обязательной фиксации всего следственного действия на досудебной стадии: «Не допускается частичная запись» (ч. 2 ст. 143 УПК Латвии)¹⁰. Неоднозначна в этом плане ч. 3 ст. 199 УПК Казахстана, предоставляющая право лицу, производящему следственное действие на «краткое изложение фактических данных, имеющих значение для дела»¹¹ «в случае полного фиксирования хода и результатов следственного действия с помощью средств звуко-, видеозаписи». Эта норма может свидетельствовать о возрастании риска обвинительного уклона.

В действующем правовом регулировании решение о производстве очной ставки с использованием ВКС принимает следователь, действуя сугубо по своему усмотрению (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Так, в одном из уголовных дел свидетель и его адвокат уведомили следователя о готовности участвовать в следственных действиях с использованием ВКС в связи с удаленностью места жительства, отсутствием финансовой возможности и наличием угроз физической расправы со стороны лиц, связанных

⁸ См.: апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 07.09.2023 по делу № 22-6056/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cNdxhrLxm4gq/> (дата обращения: 30.01.2026).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025) // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁰ Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики (в ред. от 15.07.2023) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21960> (дата обращения: 09.02.2026).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 16.09.2025) // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 09.02.2026).

с криминальной средой г. Белгорода. Приведенные доводы следователь оценил как документально неподтвержденные и вынес постановление о приводе, указав, что именно он уполномочен в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ направлять ход расследования и принимать решение о производстве следственных действий (процессуальная самостоятельность следователя), и его требования обязательны для исполнения всеми участниками процесса (ч. 4 ст. 21 УПК РФ). Прошения заинтересованных лиц, в описанном случае свидетеля, не обязывают следователя удовлетворить ходатайство о дистанционном формате следственного действия. Вместе с тем при рассмотрении жалобы на это решение следователя в порядке ст. 125 УПК РФ суд первой инстанции не провел надлежащую проверку информации о наличии угроз в адрес свидетеля, подтвержденной письмом прокуратуры и возбужденным уголовным делом. Как указал апелляционный суд, эти объективные причины были оставлены судьей без должной проверки, что повлекло нарушение требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ к законности, обоснованности и мотивированности судебного постановления. Такое процедурное нарушение может вызвать сомнения в допустимости полученного доказательства. Апелляционный суд, отменяя постановление суда первой инстанции, подтвердил процессуальную самостоятельность следователя в выборе формата проведения очной ставки¹². Суд «исходя из смысла положений ст. 125 УПК РФ, не вправе вмешиваться в процессуальную самостоятельность следователя»¹³ при определении способа производства следственных действий (осуществление выбора между очным и дистанционным форматами проведения очной ставки). Итак, ввиду отсутствия перечня критериев для применения ВКС в ходе производства очной ставки решение о выборе ее формата остается исключительно на усмотрение следователя согласно ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ.

Для снижения рисков возникновения обвинительного уклона в рассматриваемом контексте представляется возможным заимствование постсоветского опыта регулирования этого вопроса в других государствах на постсоветском пространстве. Например, часть 2 ст. 213 УПК Республики Казахстан допускает принятие решения о производстве дистанционного следственного действия не только по инициативе следователя, но и «по ходатайству стороны или других участников уголовного процесса», формально закрепляя право инициативы за защитой. Кроме того, УПК Казахстана и УПК Белоруссии устанавливают исчерпывающий перечень оснований для применения дистанционного формата. Их можно систематизировать по следующим тематическим группам: вопросы безопасности, состояние здоровья и иные уважительные причины, психологические причины (допрос несовершеннолетнего), организационные условия (соблюдение процессуальных сроков) и экономические основания («излишние затраты»). Часть 1 ст. 224.1 УПК Белоруссии обозначает среди прочих причин «необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела» как средство объективности уголовно-процессуальной деятельности, имеющее для вышеуказанных оснований «не просто ориентирующий, а руководящий характер»¹⁴.

Основополагающей проблемой является «отсутствие четкого, исчерпывающего и единого легального определения видео-конференц-связи»¹⁵ в правовом поле, что взаимосвязано с неопределенностью технических требований к качеству звука и

¹² См.: апелляционное постановление Белгородского областного суда от 08.11.2023 по делу № 3/10-412/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Gbaqbc4Q98N8/> (дата обращения: 09.02.2026).

¹³ См.: апелляционное постановление Брянского областного суда от 11.10.2023 по делу № 3/10-6/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wdVJAPuS1RlX/> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁴ См.: Даровских О. И. Принцип объективности как средство, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29). С. 112.

¹⁵ См.: Гринь Д. С. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2020. № 5. С. 104.

изображения при проведении следственных действий по ВКС. Исследуя этот вопрос, можно обратиться к ст. 91.1 УПК Узбекистана, где, в отличие от норм других стран, точно регламентируются требования к оборудованию: «При проведении следственных действий в режиме видео-конференц-связи используемые технические средства и оборудование должны отвечать следующим минимальным требованиям:

- по качеству изображения — разрешение 1 920×1 080, 50 кадров в секунду;
- качеству звука — частота диапазона 100–12 000 Гц;
- обеспечению информационной безопасности — с использованием защищенного канала связи VPN»¹⁶.

Фиксация аналогичной нормы в российском уголовно-процессуальном законе упростила бы процедуру признания доказательств допустимыми и обеспечило бы безопасность персональных данных в уголовном процессе.

Иной проблемой является нормативная пробельность в контексте трансграничного применения ВКС. Как разъясняет Конституционный Суд РФ в определении об отказе в принятии к рассмотрению жалобы А. Ю. Манилова, УПК РФ «не предусматривает допрос лица... по предъявленному обвинению заочно или дистанционно — с использованием систем видео-конференц-связи вне пределов России»¹⁷. Предписания ст. 453–455 УПК РФ также не регламентируют возможность применения ВКС в рамках международного следственного сотрудничества. В качестве решения этой проблемы предлагается адаптация нормы УПК Азербайджана (ч. 13 ст. 51-2), предусматривающей ВКС с лицами, находящимися за рубежом при условии направления вынесенного постановления «для исполнения в соответствующую государственную структуру иностранного государства в порядке оказания правовой помощи»¹⁸. Заимствование подобного подхода позволило бы повысить уровень цифровизации следственной работы в условиях глобализации уголовного процесса.

Проведенный правоприменительный анализ ст. 189.1 УПК РФ выявил нормативные пробелы в правовом регулировании дистанционной очной ставки (отсутствие законодательной регламентации технических сбоев и критериев выбора формата очной ставки, правовая пробельность в регулировании требований к техническим средствам, а также недоурегулированность применения ВКС при проведении очной ставки в отношении лица, находящегося за рубежом), коим сопутствуют риски возникновения обвинительного уклона и признания полученных в ходе проведения процессуальных действий доказательств недопустимыми.

В целях восполнения указанных пробелов можно заимствовать аналогичные нормы зарубежного законодательства и сформировать из них четыре группы поправок.

Во-первых, следует закрепить на нормативном уровне обязанность лица, ведущего следственное действие, фиксировать перерывы в очной ставке, их причины, длительность процедуры и применяющиеся технические средства, а также запретить необоснованную остановку видеозаписи, следуя примерам ст. 219 УПК Белоруссии и ст. 143 УПК Латвии. Подобные нормы позволят проводить более объективную и эффективную оценку допустимости доказательств, а также снизят риск возникновения обвинительного уклона.

Во-вторых, необходимо установить перечень оснований для проведения очной ставки в дистанционном формате, взяв за основу причины, изложенные в ст. 213 УПК

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII) (с изм. и доп. по сост. на 09.11.2025) // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2025 № 1840-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-на А. Ю. Манилова на нарушение его конституционных прав п. 3 ч. 2 ст. 38, ст. 189.1 и 453 УПК РФ» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412271058/> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ) (с изм. и доп. по сост. на 29.11.2024) // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 10.02.2026).

Казахстана и ст. 224.1 УПК Белоруссии. Для обеспечения состязательности сторон в уголовном процессе также представляется возможным закрепление права защиты на подачу мотивированного ходатайства о дистанционном формате следственного действия по модели Казахстана, описанной в ст. 213 УПК Республики Казахстан.

В-третьих, рекомендуется установить технические стандарты оборудования для ВКС. Возможным образцом для восполнения пробельности по этому вопросу является ст. 91.1 УПК Узбекистана, которая регламентирует требования к качеству изображения, звука и использованию защищенного канала связи. Фиксация подобных норм позволит гарантировать допустимость полученных доказательств, а также информационную безопасность в уголовном процессе.

В-четвертых, предлагается восполнить законодательный пробел в регулировании трансграничного применения ВКС путем адаптации нормы, закрепленной в ст. 51-2 УПК Азербайджана, которая предусматривает направление постановления следователя, прокурора или суда в государственную структуру иностранного государства при необходимости производства дистанционной очной ставки с лицом, находящимся за пределами страны. Рецепция этой нормы позволит обеспечить эффективное международное сотрудничество в сфере уголовного процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гринь Д. С. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука. — 2020. — № 5. — С. 103–106.
2. Даровских О. И. Принцип объективности как средство, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 109–115.

REFERENCES

1. Grin DS. Video Conferencing in Criminal Proceedings: Current State and Prospects of Development. *Legal Science*. 2020;5:103-106. (In Russ.).
2. Darovskikh OI. The principle of objectivity as a means ensuring the effectiveness of criminal procedure. *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2021;2(29):109-115. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.033-040

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЫВ СИСТЕМЫ ПОД/ФТ: ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДОХОДОВ ЧЕРЕЗ ВНЕСУДЕБНОЕ ВЗЫСКАНИЕ И МЕХАНИЗМ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РИСКА

Ефремов Антон Юрьевич,
помощник нотариуса нотариального округа г. Тюмени
Россия, Тюменская обл.
tmn7202@gmail.com

© Ефремов А. Ю., 2026

Аннотация. Анализируется уязвимость национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, возникающая при использовании внесудебных исполнительных титулов (исполнительной надписи нотариуса, решений комиссий по трудовым спорам, медиативных соглашений) и транзите активов через счета Федеральной службы судебных приставов. На основе данных Банка России и Росфинмониторинга за 2024–2025 гг. выявлен функциональный разрыв между банковским комплаенсом и публично-правовыми процедурами принудительного исполнения, приводящий к обнулению параметров риска на депозитных счетах ФССП. Обоснована нормативная коллизия ст. 3 Федерального закона № 115-ФЗ, исключающая из определения «операции с денежными средствами» перечисления во исполнение санкции государственного органа. Предложен правовой механизм преемственности финансового мониторинга, включающий принцип институционального наследования риска, режим депозитарного карантина на специальных счетах ФССП и процессуальный арбитраж для разблокировки активов. Доказано, что внедрение данной архитектуры контроля позволяет сохранить гибкость внесудебного взыскания, одновременно блокируя каналы легализации теневых капиталов и трансформируя надзорные органы в стратегических координаторов системы ПОД/ФТ.

Ключевые слова: противодействие легализации доходов; внесудебное взыскание; исполнительная надпись нотариуса; комиссия по трудовым спорам (КТС); депозитный счет ФССП; наследование легализационного риска; депозитарный карантин; подозрительные операции; процессуальная мимикрия; финансовый мониторинг

FUNCTIONAL BREAKDOWN OF ANTI-MONEY LAUNDERING (AML) AND COUNTER-FINANCING OF TERRORISM (CFT) FRAMEWORKS: LEGALIZATION OF INCOME THROUGH EXTRAJUDICIAL COLLECTION AND RISK CONTINUITY MECHANISM

Anton Yu. Efremov,

Notary Assistant, Notary District of Tyumen
tmn7202@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the vulnerability of the national anti-money laundering system arising from the use of extrajudicial enforcement instruments (including notarial statements of execution, decisions of labor dispute commissions, and mediation agreements) and the transfer of assets through accounts administered by the Federal Bailiff Service. Drawing upon data from the Central Bank of Russia and Rosfinmonitoring for 2024–2025, the study identifies a functional gap between banking compliance mechanisms and public-law enforcement procedures, resulting in the effective neutralization of risk parameters in deposit accounts maintained by the Federal Bailiff Service. The paper substantiates the existence of a regulatory conflict within Article 3 of Federal Law No. 115-FZ, which excludes transfers carried out in execution of sanctions imposed by a state authority from the legal definition of «transactions involving monetary funds». The study proposes a legal mechanism ensuring continuity of financial monitoring, incorporating the principle of institutional inheritance of risk, a custodial quarantine regime for special deposit accounts of the Federal Bailiff Service, and procedural arbitration mechanisms for the release of frozen assets. The study demonstrates that implementation of this supervisory framework would preserve the flexibility of extrajudicial debt enforcement while simultaneously blocking channels for the laundering of illicit capital and transforming supervisory authorities into strategic coordinators of the anti-money laundering and counter-terrorist financing (AML/CFT) system.

Keywords: countering money laundering; extrajudicial enforcement; notarial statement of execution; labor dispute commission (LDC); deposit account of the Federal Bailiff Service; inheritance of money laundering risk; custodial quarantine; suspicious transactions; procedural mimicry; financial monitoring

ВВЕДЕНИЕ

Институты внесудебного взыскания (исполнительная надпись нотариуса, решения КТС, медиативные соглашения) ускоряют исполнение обязательств и укрепляют гражданский оборот¹. Однако исследователи² указывают на их уязвимость в сфере

¹ Михайлова Е. В. Внесудебное взыскание задолженностей по жилищно-коммунальным платежам на основании исполнительной надписи нотариуса: постановка проблемы // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2 (80). С. 52–58. DOI: 10.33184/pravgos-2025.2.6. EDN: GTXVQL.

² Мелентьев А. В., Леонов Д. В., Омарова А. М. Исполнительная надпись нотариуса как способ защиты прав предпринимателей: проблемы теории и практики // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 134–137. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-1-134-137. EDN: HZETFW.

финансовой безопасности³. Так, Черемных и Бочковенко⁴ обозначают системный контур злоупотреблений правоохранительными полномочиями. Выявленные риски легализации доходов требуют доктринального решения, сохраняющего гибкость гражданско-правовых механизмов при одновременном усилении государственного надзора. Для решения задачи применяются формально-юридический, сравнительный методы и анализ правоприменения.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МОНИТОРИНГОВОЙ ПРАКТИКИ

Анализ консолидированных данных Банка России и Росфинмониторинга свидетельствует о поступательном укреплении финансовой чистоты банковского сектора в 2024–2025 гг. Внедрение платформы «Знай своего клиента» (ЗСК) позволило достичь десятикратного снижения количества подозрительных операций по сравнению с 2022 г. Вместе с тем совокупный объем теневых финансовых потоков по итогам 2025 г. сохраняется на существенном уровне, превышая 72,6 млрд руб.⁵ Сопоставление официальных данных с экспертными оценками⁶ позволяет констатировать устойчивую миграцию криминального капитала в сторону латентных моделей легализации, использующих гражданско-правовые инструменты для обхода банковских фильтров.

Ключевые детерминанты актуальных угроз финансовой безопасности:

- устойчивость спроса на неконтролируемую ликвидность — вывод активов в криптоактивы и нелегальный наличный оборот;
- процессуальная мимикрия — неэффективность алгоритмов мониторинга против схем, облеченных в форму государственного принуждения;
- злоупотребление гражданско-правовыми институтами — использование КТС, медиации и исполнительных надписей для создания правовых коллизий между 115-ФЗ и законодательством об исполнительном производстве.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВНСУДЕБНЫМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ТИТУЛАМИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Деформация системы ПОД/ФТ при использовании внесудебных инструментов основывается на применении организаторами легализационных схем упрощенных процедур принудительного исполнения. Ключевой элемент — процессуальная легитимация сомнительной транзакции, при которой вывод активов приобретает форму акта государственного принуждения⁷. Кредитные организации, фиксируя логический разрыв в цепочке платежей, лишены возможности реагирования ввиду

³ Дяблова Ю. Л., Алексеева А. С., Прозоров Н. С. Исполнительная надпись нотариуса в механизме преступной деятельности по легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 2. С. 100–107. EDN: BBVHST.

⁴ Черемных Г. Г., Бочковенко В. А. Правовое регулирование участия нотариата в противодействии отмыванию противоправных доходов // Нотариус. 2022. № 7. С. 3–7. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-7-3-7. EDN: LVCZRH.

⁵ Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги // URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_1/ (дата обращения: 07.04.2026).

⁶ В Росфинмониторинге рассказали об итогах работы в 2025 году // URL: <https://www.rnp.ru/economics/v-rosfinmonitoringe-rasskazali-ob-itogakh-raboty-v-2025-godu.html> (дата обращения: 07.04.2026).

⁷ Масляный А. А. Взыскание задолженности на основании исполнительной надписи нотариуса: проблемы правоприменения // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1 (128). С. 206–208. EDN: YZFUYX.

экзогенного характера транзакции. Симуляция конфликта интересов дезориентирует банковский комплаенс и необоснованно снижает оценку рисков.

Уязвимость усугубляется коллизией в ст. 3 Федерального закона № 115-ФЗ: под «операциями с денежными средствами» понимаются действия только физических и юридических лиц. Перечисление средств во исполнение санкции госоргана (судебного пристава) формально выводится из-под определения объекта финансового мониторинга. Формируется парадоксальная модель: согласованные действия участников схемы трансформируются в «государственный акт взыскания», позволяя осуществлять транзит при фактическом отсутствии контроля.

Распространение отмывочных схем через внесудебное взыскание блокирует процессуальные механизмы финансовой безопасности. Исключение судебной стадии лишает прокуратуру и иные контролирующие органы возможности своевременно реагировать на угрозы. Президиум Верховного Суда РФ подчеркивает⁸: при сомнениях в легальности операции суд вправе привлечь Росфинмониторинг и прокуратуру. Однако внесудебный порядок (КТС, медиация, исполнительная надпись⁹) аннулирует правоохранительный потенциал ст. 45 ГПК РФ и ст. 52 АПК РФ.

Подмена судебного разбирательства упрощенным производством обращает преимущество добросовестного взыскателя в инструмент легитимации теневых потоков. Оспаривание сделок после вывода средств зачастую превращается в «череду бессмысленных исков»¹⁰.

В условиях доминирования внесудебных механизмов констатируется диффузия полномочий государственного принуждения. Это дезорганизует ключевых субъектов ПОД/ФТ:

- кредитные организации, обладая наиболее актуальными сведениями о сомнительном характере транзакций, оказываются заложниками императивных предписаний (решение КТС, исполнительная надпись, медиативное соглашение) и вынужденно легитимизируют вывод активов с «замороженных счетов»;
- Федеральная служба судебных приставов, выступая косвенным участником национальной системы финансового контроля, в силу строгого следования процессуальному законодательству становится эффективным инструментом реализации противоправных схем;
- органы прокуратуры, лишённые превентивного доступа к процедурам внесудебных споров, утрачивают фактическую возможность своевременного применения полномочий по защите публичных интересов (ст. 45 ГПК РФ, ст. 52 АПК РФ), что вынуждает их переходить к несвойственной им ретроспективной контрольной деятельности;
- Банк России и Росфинмониторинг, обладая значительным информационно-разведывательным потенциалом, в данной модели фактически утрачивают функцию стратегической координации противолегализационных механизмов. Вместо пресечения каналов вывода средств регуляторы вынуждены трансформироваться в надзорные органы, сфокусированные исключительно на поиске нарушений в действиях субъектов первичного контроля (банков).

⁸ Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» / А. В. Зарубин, А. А. Сапожков. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. 64 с.

⁹ Корсик В. К. Исполнительная надпись нотариуса как эффективный инструмент защиты прав и интересов граждан и организаций // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 2. С. 157–169. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-157-169. EDN: VRHBJD.

¹⁰ Стрыгина И. Е. Выявление следов незаконного обналаживания денежных средств в системе бухгалтерского учета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2025. № 2. С. 39–50. DOI: 10.17308/econ.2025.2/13064. EDN: SXRTNH.

Таким образом, внесудебный порядок взыскания провоцирует системный регуляторный сбой, при котором согласованные действия государственных органов и частных институтов вместо синергии контроля создают условия для беспрепятственной легализации теневых активов.

ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА ЧЕРЕЗ СЧЕТА ФССП

По данным Росфинмониторинга, в 2022 г. объем подозрительных операций под прикрытием исполнительных надписей нотариусов превысил 3 млрд руб.¹¹ В ответ в июле 2024 г. законодательство укрепило правоохранные механизмы в нотариальной и банковской практике бесспорного взыскания. Аналогичные риски присущи другим формам внесудебного взыскания. Так, в 2022 г. прокуратура г. Наро-Фоминска на основании заключения Банка России и данных Росфинмониторинга добилась взыскания в доход государства свыше 8,6 млн руб., перечисленных по фиктивному удостоверению КТС¹².

Системное обеспечение финансовой безопасности требует формирования прозрачного нормативно-правоохранительного механизма, направленного на нейтрализацию легализационного потенциала внесудебных процедур при сохранении институциональной связности. Предлагаемый комплекс реформ базируется на принципе регуляторного баланса: не ограничивать диспозитивность частноправовых отношений, а сделать внесудебное исполнение неподверженным криминальной эксплуатации.

Центральный пробел — функциональный разрыв единого цикла финансового контроля. Анализ траектории транзита актива (счет должника → специальный счет ФССП → счет взыскателя) выявляет критическую уязвимость. Утвержденный приказом ФССП № 356 Порядок перечисления средств с депозитного счета устанавливает формальную процедуру (п. 1) и срок перевода (5 дней, п. 4), но не наделяет пристава полномочиями оценивать легальность средств — только проверить формальное наличие документа-основания (п. 5). Это создает правовой вакуум для легализационного транзита. В момент списания средств по исполнительному документу происходит обнуление параметров риска, а дальнейшее движение по счетам ФССП выведено из-под банковского комплаенса. Система финансовой безопасности утрачивает согласованность и переходит в режим ситуативного реагирования.

МЕХАНИЗМ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

Эффективным средством преодоления легализационного эффекта внесудебного взыскания служит внедрение правового механизма преемственности результатов финансового мониторинга. Реформа направлена на ликвидацию «зон функционального разрыва» путем создания межведомственной преемственности статуса высокого риска при миграции активов на специальные счета ФССП.

Имплементация предполагает три нормативных положения:

1. Принцип «институционального наследования риска» — законодательное закрепление нормы, по которой статус «высокого риска», присвоенный средствам

¹¹ Дума приняла закон об обязанности нотариусов бороться с легализацией преступных доходов // URL: <https://www.fedsfm.ru/mediaaboutus/7939> (дата обращения: 07.04.2026).

¹² Наро-Фоминская городская прокуратура провела проверку исполнения законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Официальный сайт Администрации Наро-Фоминского городского округа. URL: <https://nfreg.ru/documents-category/gorodskaya-prokuratura-2023/page/3/?view-version=base> (дата обращения: 07.04.2026).

в банковской системе (ЗСК), сохраняется за активом при его зачислении на счета органов принудительного исполнения. Это исключает «эффект легализации через перечисление».

2. Режим «депозитарного карантина» на специальных счетах ФССП — обязательное блокирование («замораживание») активов, маркированных как сомнительные, на транзитных счетах службы судебных приставов. Мера носит превентивный процессуальный характер и не препятствует формальному совершению исполнительных действий.

3. Процессуальный арбитраж («разморозка» активов) — прозрачный порядок прекращения блокирования на основании решения Межведомственной комиссии при Банке России или законного решения суда, что гарантирует права добросовестных участников оборота.

Данная архитектура сохраняет диспозитивность и гибкость внесудебного взыскания, устраняя проблему разграничения полномочий субъектов контроля. Решение выступает естественным развитием правоохранительных механизмов национальной системы ПОД/ФТ¹³.

Внедрение преемственности мониторинга позволяет сформировать прозрачную структуру обязанностей субъектов первичного контроля по выявлению подозрительных операций и передаче данных в публичный контур. Это укрепляет государственную вертикаль, реализуя императив риск-ориентированного подхода: максимальная нетерпимость к финансовым махинациям при сохранении лояльности к прозрачным гражданско-правовым отношениям.

Размещение средств в режиме «депозитарного карантина» на государственном счете — ключевой контрольный элемент, ведущий к юридическому вердикту о чистоте или подозрительности актива. Для добросовестных участников — это правовой алгоритм разрешения коллизий, для организаторов схем — критический риск блокировки и последующего взыскания, что делает внесудебное взыскание экономически нецелесообразным.

При этом предлагаемый механизм исключает возможность злоупотребления мониторинговыми полномочиями со стороны кредитных организаций. В условиях автоматизированного блокирования средств на депозитном счете ФССП ложные срабатывания (блокировки, не подтвержденные государственным контролем) будут указывать на потенциальные нарушения внутреннего комплаенса банка. Это открывает дополнительные возможности для аналитической деятельности уполномоченных органов в сфере ПОД/ФТ по выявлению системных проблем в работе кредитных организаций.

В масштабе национальной безопасности предлагаемый механизм ослабляет финансовую базу преступности. Иск прокурора об обращении взыскания на нелегальные активы трансформируется из трудоемкой оперативно-розыскной задачи в прямой акт утверждения законности. Надзорная функция Банка России, Росфинмониторинга и прокуратуры обретает смысл стратегического координирования, опираясь на консолидированные базы данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевая уязвимость национальной системы ПОД/ФТ — «функциональный разрыв» между банковским мониторингом и внесудебным исполнительным производством, позволяющий легализовывать активы через счета ФССП под видом государственного принуждения. Системное устранение проблемы достигается не запретом внесудебных процедур, а внедрением механизма преемственности финансового контроля:

¹³ Лапина М. А. От концепции финансовой безопасности И. И. Кучерова к современной парадигме финансового суверенитета государства: управление рисками как ключевой элемент // Юридические исследования. 2025. № 12. С. 1–9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.76496. EDN: ODUQAA.

наследование статуса риска при переходе актива на счета ФССП; депозитарный карантин сомнительных средств на транзитных счетах; процессуальный арбитраж (МВК или суд) для снятия блокировки. Данная архитектура ликвидирует «эффект легализации внесудебного взыскания», сохраняя диспозитивность гражданского оборота, и превращает надзорные органы в стратегических координаторов системы ПОД/ФТ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дяблова Ю. Л., Алексеева А. С., Прозоров Н. С. Исполнительная надпись нотариуса в механизме преступной деятельности по легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2019. — № 2. — С. 100–107. — EDN: BBVHST.
2. Зарубин А. В., Сапожков А. А. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». — СПб. : СПб. юрид. институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2020. — 64 с.
3. Корсик В. К. Исполнительная надпись нотариуса как эффективный инструмент защиты прав и интересов граждан и организаций // Вестник гражданского процесса. — 2019. — Т. 9. — № 2. — С. 157–169. — DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-157-169. — EDN: VRHBJD.
4. Лапина М. А. От концепции финансовой безопасности И. И. Кучерова к современной парадигме финансового суверенитета государства: управление рисками как ключевой элемент // Юридические исследования. — 2025. — № 12. — С. 1–9. — DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.76496. — EDN: ODUQAA.
5. Масляный А. А. Взыскание задолженности на основании исполнительной надписи нотариуса: проблемы правоприменения // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 1 (128). — С. 206–208. — EDN: YZFUYX.
6. Мелентьев А. В., Леонов Д. В., Омарова А. М. Исполнительная надпись нотариуса как способ защиты прав предпринимателей: проблемы теории и практики // Вестник экономической безопасности. — 2023. — № 1. — С. 134–137. — DOI: 10.24412/2414-3995-2023-1-134-137. — EDN: HZETFW.
7. Михайлова Е. В. Внесудебное взыскание задолженностей по жилищно-коммунальным платежам на основании исполнительной надписи нотариуса: постановка проблемы // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 2 (80). — С. 52–58. — DOI: 10.33184/pravgos-2025.2.6. — EDN: GTXVQL.
8. Стрыгина И. Е. Выявление следов незаконного обналичивания денежных средств в системе бухгалтерского учета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Экономика и управление». — 2025. — № 2. — С. 39–50. — DOI: 10.17308/есоп.2025.2/13064. — EDN: SXRTNH.
9. Черемных Г. Г., Бочковенко В. А. Правовое регулирование участия нотариата в противодействии отмыванию противоправных доходов // Нотариус. — 2022. — № 7. — С. 3–7. — DOI: 10.18572/1813-1204-2022-7-3-7. — EDN: LVCZRH.

REFERENCES

1. Cheremnykh GG, Bochkovenko VA. Legal regulation of the participation of notaries in countering the laundering of illegal income. *Notarius*. 2022;7:3-7. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1204-2022-7-3-7.
2. Dyablova YuL, Alekseeva AS, Prozorov NS. Executive Subscription of a Notary in the Mechanism of Criminal Activity on Legalization (Washing) of Income, Criminal Way Received. *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2019;2:100-107. (In Russ.).
3. Korsik VK. Executive Subscription of the Notary as an Effective Tool of Protecting the Rights and Interests of Citizens and Organizations. *Herald of Civil Procedure*. 2019. 9(2):157-169. (In Russ.). DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-157-169.
4. Lapina MA. From the concept of financial security of I. I. Kuchеров to the modern paradigm of financial sovereignty of the state: risk management as a key element. *Legal Research*. 2025;12:1-9. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.76496
5. Maslyanyi AA. Debt collection on the basis of the notary's executive inscription: problems of law enforcement. *Eurasian Law Journal*. 2019;1(128):206-208. (In Russ.).
6. Melentyev AV, Leonov DV, Omarova AM. Executive notary's inscription as a way to protect the rights of entrepreneurs: problems of theory and practice. *Bulletin of Economic Security*. 2023;1:134-137. (In Russ.). DOI: 10.24412/2414-3995-2023-1-134-137.
7. Mikhailova EV. Extrajudicial collection of debts on housing and communal payments on the basis of the notary's executive inscription: posing a problem. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 2025;2(80):52-58. (In Russ.). DOI: 10.33184/pravgos-2025.2.6.
8. Strygina IE. Identification of traces of illegal cash withdrawal in the accounting system. *Eurasian Journal of Economics and Management*. 2025;2:39-50. (In Russ.). DOI: 10.17308/econ.2025.2/13064.
9. Zarubin AV, Sapozhkov AA. Scientific and practical commentary to the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 No. 32 «On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means». St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2020. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.041-045

ОТДЕЛЬНОЕ МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА ПО ТРЕБОВАНИЯМ, ОБЕСПЕЧЕННЫМ ИПОТЕКОЙ (ЗАЛОГОМ НЕДВИЖИМОСТИ) ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

РАКУРС

Артемов Константин Петрович,

магистр частного права, помощник судьи Арбитражного суда Московского округа
127247, Россия, г. Москва, Дмитровское ш., д. 107а, к. 1
artemov.kp@yandex.ru

© Артемов К. П., 2026

Аннотация. В статье анализируется правовой режим единственного жилого помещения в деле о несостоятельности (банкротстве) гражданина. Исследуется порядок заключения и утверждения арбитражным судом мирового соглашения с кредитором, чьи требования обеспечены ипотекой (залогом недвижимости) такого объекта. Автором установлены условия и определены последствия утверждения соглашения между должником-гражданином и отдельным конкурсным кредитором. С учетом целей правового регулирования исследуемых правоотношений обосновывается приоритет локальной реструктуризации обеспеченного залогом обязательства. В статье также приводится понятие судебного преодоления, сделан вывод о возможности отклонения судом необоснованных возражений залогового кредитора и утверждения локального соглашения помимо его воли.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); единственное жилое помещение; ипотека (залог недвижимости); отдельное мировое соглашение; залоговый кредитор; приоритет реструктуризации; добросовестное примирение; судебное преодоление

SEPARATE SETTLEMENT AGREEMENT WITHIN A CITIZEN'S BANKRUPTCY CASE FOR CLAIMS SECURED BY A MORTGAGE ON A SOLE RESIDENCE

Konstantin P. Artemov,

Private Law Master's Student, Assistant Judge, Arbitration Court of the Moscow District
artemov.kp@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the legal status of a debtor's sole residential premises in personal insolvency (bankruptcy) proceedings. It examines the procedure for concluding and approving by an arbitrazh (commercial) court a settlement agreement with a creditor whose claims are secured by a mortgage (real estate pledge) over such property. The author identifies the conditions for, and determines the legal consequences of,

the approval of an agreement between an individual debtor and a separate bankruptcy creditor. Taking into account the objectives underlying the legal regulation of the relevant legal relations, the article substantiates the priority of localized restructuring of obligations secured by collateral. The article also introduces the concept of judicial override and concludes that a court may dismiss unfounded objections raised by a secured creditor and approve a localized settlement agreement notwithstanding the creditor's lack of consent.

Keywords: *insolvency (bankruptcy); sole residence; mortgage (real estate pledge); separate settlement agreement; mortgage creditor; restructuring priority; good faith reconciliation; judicial overcoming*

Институт несостоятельности (банкротства) призван наиболее эффективно разрешить конфликт интересов, сложившийся между кредиторами, имеющими право на удовлетворение требований, и должником, обязанным, но не способным погасить задолженность. Так, С. А. Карелина полагает, что достижение баланса интересов участников правоотношений, урегулирование конфликта интересов является основной целью банкротства¹. Необходимо учитывать, что достижение данных задач правового регулирования предполагает серьезное ограничение правомочий как должника, так и его кредиторов. Должнику для последующего освобождения от исполнения обязательств перед кредиторами необходимо добросовестно претерпеть последствия введения в отношении него процедуры банкротства. Кредиторам же предлагается способствовать реструктуризации задолженности, а в случае отсутствия такой возможности получить, как правило, частичное удовлетворение согласно правилам о соразмерности и пропорциональности.

По общему правилу все имущество должника, на которое может быть обращено взыскание, включается в конкурсную массу и подлежит реализации в процедуре банкротства для удовлетворения требований кредиторов за счет вырученных средств. Г. Ф. Шершеневич определял конкурсную массу как «имущество должника, предназначенное, с момента объявления несостоятельности, к удовлетворению всех его кредиторов, заявивших свои претензии»². При этом из конкурсной массы исключается (не включается) имущество на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством. Перечень такого имущества определен статьей 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации³. Указанными положениями, в частности, предусмотрено отсутствие правовой возможности обращения взыскания (включения в конкурсную массу и реализации) на единственное жилье (так называемый исполнительский иммунитет). В той же части указанной статьи процессуального кодекса предусмотрено исключение на случай того, если единственное помещение является предметом ипотеки (залога недвижимости) и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание. Как указывает Р. С. Бевзенко⁴, «залоговый приоритет является проявлением абсолютного характера залога как вещного права». Таким образом, в процедуре банкротства, как и в иных гражданских правоотношениях, на единственное жилое помещение, обремененное ипотекой (залогом недвижимости),

¹ Карелина С. А. Социальные функции института несостоятельности (банкротства) // Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности : монография / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2020. С. 134.

² Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. М., 1912. Т. 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. № 220. 20.11.2002.

⁴ Бевзенко Р. С. Комментарий к ст. 334 ГК РФ // URL: https://zakon.ru/blog/2015/10/11/kommentarij_k_st_334_gk_rf.

не распространяется правило об исполнительском иммунитете; на такой объект обращается взыскание (имущество реализуется в процедуре банкротства).

Вместе с тем правоприменительной практикой⁵, положениями Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)⁶ предусмотрен альтернативный правовой режим единственного жилого помещения, обремененного ипотекой (залогом недвижимости), в процедуре банкротства. В соответствии со ст. 213.10-1 Закона о банкротстве на любой стадии дела о банкротстве гражданин и кредитор, требования которого обеспечены ипотекой жилого помещения, если для гражданина и членов его семьи оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, вправе заключить мировое соглашение, действие которого не распространяется на отношения гражданина с иными его кредиторами. Как правило, в соглашении также участвуют третьи лица, принимающие на себя права и обязанности, предусмотренные условиями отдельного мирового соглашения.

С точки зрения правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) утверждение такого соглашения возможно в связи с тем, что обеспеченное залогом требование удовлетворяется в преимущественном порядке (кредитору не оказывается предпочтение перед другими кредиторами в силу залогового характера требований). Кроме того, применительно к вопросу о правах гражданина на жилище, утверждение такого соглашения позволяет обеспечить соблюдение данных прав при согласии сторон и добросовестном стремлении к примирению. При этом в предмет доказывания по такому обособленному спору также будет входить экономическая целесообразность соглашения, заключающаяся в оценке положения залогового кредитора (таком, как если бы процедуры банкротства не было (правило о реабилитационном паритете)).

В законодательстве о банкротстве и судебной практике такое соглашения получило название «отдельное мировое соглашение» или «локальный план реструктуризации», поскольку предусматривает возможность урегулирования не всех имеющихся у должника обязательств, а отдельного требования залогового кредитора. Из системного толкования названных положений Закона о банкротстве и подходов, выработанных судебной практикой следует, что утверждение отдельного мирового соглашения возможно при совокупности следующих условий:

- 1) отсутствует или урегулирована соглашением просрочка исполнения спорного обязательства перед кредитором. Так, отсутствие просрочки исполнения, как правило, связано и исполнением третьими лицами кредитного обязательства уже в процедуре банкротства должника-гражданина. В случае наличия просрочки, она должна быть урегулирована сторонами. Представляется, что при просрочке исполнения сторонам необходимо разработать и представить на утверждение суду новый график платежей. Возложение на третье лицо обязанности внести денежные средства для того чтобы «догнать» отставание от нарушенного графика платежей не будет соответствовать целям и задачам исследуемого механизма;
- 2) имеется третье лицо, готовое исполнять обязательства за гражданина, раскрыт источник дохода такого лица или для исполнения соглашения достаточно собственных средств должника, на которые не может быть обращено взыскание. Такими третьими лицами чаще всего являются родители или супруг должника (иные родственники). Они добровольно принимают на себя обязанность по исполнению ипотечного долга, не становясь солидарными должниками. В случае неисполнения ими условий мирового соглашения оно подлежит расторжению. Представляется, что вопрос о том, какие права получают третьи лица по соглашению, должен явиться предметом отдельного исследования. Равно как и

⁵ Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «Гарант».

⁶ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. № 209–210. 02.11.2002.

вопрос о возможности исполнения условий соглашения за счет средств должника, на которые не может быть обращено взыскание (вопрос о достаточности прожиточного минимума);

- 3) иного имущества должника достаточно для погашения требований кредиторов первой и второй очереди или на специальный банковский счет гражданина внесены денежные средства для погашения таких требований (но не более десяти процентов стоимости жилого помещения). В данном случае идет речь о специальных банкротных правилах приоритета очередностей погашения реестровых требований, а также о провалах распределения денежных средств, полученных от реализации предмета залога (ст. 138 Закона о банкротстве и др.).

При соблюдении названных условий судом утверждается заключенное должником и залоговым кредитором мировое соглашение, что влечет ряд последствий: 1) спорный объект недвижимости исключается из конкурсной массы и не реализуется в процедуре банкротства; 2) требования кредитора исключаются из реестра требований кредиторов должника и не погашаются в деле о банкротстве. Такие обязательства не прекращаются после завершения процедуры банкротства, условия соглашения продолжают действовать по общим правилам обязательственного права. Как уже отмечалось, данный порядок направлен на обеспечение прав гражданина на жилище, при этом не происходит ущемление прав залогового кредитора (не получит меньшее удовлетворение), иных незалоговых кредиторов (не будет оказано предпочтительное удовлетворение). Механизм утверждения отдельного мирового соглашения не ограничивается его применением только в отношении обязательств, обеспеченных залогом единственного жилья, аналогичные правила применены по аналогии и к иным обремененным объектам (могут быть учтены иные обстоятельства)⁷.

Существенным при этом является вопрос о возможности утверждения мирового соглашения в отсутствие согласия залогового кредитора. По общему правилу, что, в частности, следует из положений ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸, ст. 213.10, 213.16 Закона о банкротстве утверждение мирового соглашения без согласия залогового кредитора не допускается. Вместе с тем, принимая во внимание цели и задачи правового регулирования исследуемых правоотношений, судебной практикой выработан альтернативный подход, применяемый в исключительных случаях, ключевое значение в котором имеет добросовестность сторон при примирении.

Так, арбитражный суд в рамках своих дискреционных полномочий по управлению и контролю за процедурой банкротства вправе преодолеть необоснованный отказ залогового кредитора от утверждения мирового соглашения (судебное преодоление; *cram down*). Под судебным преодолением необходимо понимать процессуальный механизм, в рамках которого суд для достижения целей правового регулирования вправе определить приоритет интересов сторон (суд может «пренебречь» отдельными обстоятельствами, для того чтобы были учтены иные, имеющие более существенное значение). Представляется, что правопорядок ожидает от залогового кредитора добросовестного стремления к мирному урегулированию спорного обязательства. Такой кредитор не должен пренебрегать разумным стремлением должника урегулировать задолженность. В случае если кредитор уклоняется от примирения, возражает на обоснованные и целесообразные условия соглашения, суд вправе преодолеть его волеизъявление на основании ст. 10 ГК РФ. В таком случае, судом учитывается, что кредитор, в отношении которого соблюдено правило реабилитационного паритета, недобросовестно препятствует инициативе должника по сохранению за ним единственного жилого помещения.

⁷ Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «Гарант».

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «Гарант».

Существенным при этом является то обстоятельство, что в рамках отдельного мирового соглашения залоговому кредитору не предлагается простить должнику часть долга (предоставить дисконт), отказаться от процентов или иным образом за свой счет способствовать соблюдению прав гражданина на жилище. Интересы залогового кредитора защищены правилом о реабилитационном паритете (кредитор по соглашению не получит меньше, чем если бы процедуры банкротства не было). Фактически, отказываясь от ранее предусмотренных условий договора, кредитор стремится к более быстрому способу погашения требований путем обращения взыскания на предмет залога (реализации в процедуре банкротства). Именно поэтому необоснованные возражения залогового кредитора могут быть квалифицированы арбитражным судом как злоупотребление правом и преодолены как недобросовестные.

Таким образом, законодательством о банкротстве и судебной практикой предусмотрен механизм, позволяющий должнику и залоговому кредитору заключить мировое соглашение по требованиям, исполнение которых обеспечено залогом единственного жилья гражданина. Заключение соглашения позволяет обеспечить защиту прав должника на жилище, не нарушая при этом законные интересы залогового и иных кредиторов. Из существа исследуемых правоотношений также следует, что недобросовестное стремление кредитора к более быстрому удовлетворению требований (отказ от реабилитации) может быть преодолено судом для целей защиты прав добросовестного участника правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бевзенко Р. С. Комментарий к ст. 334 ГК РФ // URL: https://zakon.ru/blog/2015/10/11/kommentarij_k_st_334_gk_rf.
2. Карелина С. А. Социальные функции института несостоятельности (банкротства) // Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности : монография / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. — М. : Юстицинформ, 2020.
3. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс. — М., 1912.

REFERENCES

1. Bevzenko RS. Commentary on Art. 334 of the Civil Code of the Russian Federation. Available at: https://zakon.ru/blog/2015/10/11/kommentarij_k_st_334_gk_rf.
2. Karelin SA. Social functions of the institution of insolvency (bankruptcy). In: Karelin SA, Frolov IV (eds.). Reforming the institution of insolvency (bankruptcy) in modern Russia: problems of legal effectiveness: monograph. Moscow: Justitsinform Publ.; 2020. (In Russ.).
3. Shershenevich GF. Course of commercial law. Vol. 4: Trading Process. Competitive process. Moscow: 1912. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.046-053

ВРАЧ И ПАЦИЕНТ КАК ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА

Крайнюкова Анастасия Евгеньевна,

аспирант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин
Школы права и управления Тюменского государственного университета
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6
nkryukova98@mail.ru

© Крайнюкова А. Е., 2026

Аннотация. В статье проанализирован публично-правовой статус врача и пациента в качестве ключевых субъектов медицинского права. Такой подход позволил выявить некоторые проблемы, которые можно разрешить при помощи трансформации публично-правового регулирования. Автор обращает внимание на важность разграничения трудового и профессионального статуса медика с целью оградить врача от административного давления, способного повлиять на качество медицинской деятельности, в том числе при применении геномных технологий. Кроме того, автор приходит к выводу о необходимости отделения юридического статуса больного от статуса пациента. Пациент может быть здоровым лицом, обратившимся за медицинскими услугами, тогда как больной официально страдает заболеванием, нарушающим деятельность организма. Разграничение понятий «пациент» и «больной» в большей степени обеспечит верховенство человека, его прав и свобод, что позволит эффективнее реализовать ст. 2 Конституции РФ; усилить профилактическую направленность здравоохранения, гарантировать правовую защиту действительно нуждающихся в лечении лиц и предотвратить злоупотребления при применении геномных технологий в медицинской деятельности. Автор обращает внимание на то, что использование геномных технологий должно допускаться исключительно в отношении больных, при условии что такие методы являются единственно возможными или наиболее эффективными. Это позволит предотвратить потенциальные злоупотребления, связанные с применением данных технологий не для лечения, а для улучшения здорового организма или будущего организма по каким-либо параметрам (интеллект, память, физические, умственные характеристики и т.д.).

Ключевые слова: врач; пациент; больной; медицинская организация; лечащий врач; медицинское право; лечение граждан; медицинская помощь; система здравоохранения; геномные технологии

PHYSICIAN AND PATIENT AS MAIN SUBJECTS OF MEDICAL LAW

Anastasia E. Krainyukova,

Postgraduate Student, Department of Theoretical and Public Law Disciplines,
School of Law and Management, Tyumen State University
nkryukova98@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the public-law status of physicians and patients as key subjects of medical law. This approach has made it possible to identify several issues that may be resolved through the transformation of public-law regulation. The author emphasizes the importance of distinguishing between the employment status and the professional status of medical practitioners in order to protect physicians from administrative pressure capable of adversely affecting the quality of medical practice, including in the application of genomic technologies. In addition, the author concludes that it is necessary to distinguish the legal status of a sick person from that of a patient. A patient may be a healthy individual seeking medical services, whereas a sick person officially suffers from a disease impairing the functioning of the body. Differentiating the concepts of «patient» and «sick person» would further ensure the supremacy of the individual and the protection of human rights and freedoms, thereby facilitating a more effective implementation of Article 2 of the Constitution of the Russian Federation, strengthening the preventive nature of healthcare, guaranteeing legal protection for persons genuinely in need of treatment, and preventing abuses associated with the application of genomic technologies in medical practice. The author further notes that the use of genomic technologies should be permitted exclusively in relation to sick persons, if such methods constitute either the only possible or the most effective form of treatment. This approach would help prevent potential abuses connected with the use of such technologies not for therapeutic purposes, but rather for the enhancement of a healthy individual or a future human being according to particular characteristics, including intelligence, memory, physical traits, or cognitive abilities.

Keywords: doctor; patient; sick person; medical organization; attending physician; medical law; treatment of citizens; medical care; the health care system; genomic technologies

В процессе реализации ст. 41 Конституции РФ в прямые правоотношения вступает два основных субъекта — врач и пациент. Немаловажную роль играют медицинские организации, компетентные государственные структуры и т.д. Однако если пытаться усовершенствовать отечественную систему здравоохранения, то систематизировать нужно именно указанные межличностные социальные связи публично-правового характера.

В пункте 13 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ (далее — Закон о здравоохранении) медицинский работник определяется как «физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность». Под медицинской деятельностью на основании п. 10 этого же раздела понимается «профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях».

Указанное лицо может находиться в правовых отношениях с различными субъектами, включая:

- пациента, нуждающегося в медицинской помощи или проходящего медицинский осмотр;
- лиц, заинтересованных в профессиональном проведении медицинских экспертиз и освидетельствований;
- государство, заинтересованное в надлежащем состоянии санитарно-эпидемиологических условий жизни каждого человека;
- медицинские организации, включая биобанки², с точки зрения накопления потенциально полезного биоматериала и информации о нем для последующего использования в процессе лечения больных.

Поскольку медицинский работник, исходя из дефиниции, должен восприниматься как участник трудовых отношений³, необходимо юридически оградить его от какого-либо негативного административного воздействия со стороны руководства, способного навредить качеству медицинской деятельности и тем более здоровью граждан в ходе применения геномных технологий. Во многих странах мира имеет место практика злоупотребления работодателями своими правами⁴. В этой связи ученые предлагают руководствоваться правилами, вырабатываемыми медицинским сообществом, отделяя врачебные отношения от трудовых⁵. Следует разделять и соответствующие статусы одного физического лица — соответственно, медика и работника⁶. Одно не должно мешать другому и влиять на осуществление профессиональной деятельности.

Более детальный статус закреплен в п. 15 ч. 1 ст. 2 Закона о здравоохранении «лечащий врач — врач, на которого возложены функции по организации и непосредственному оказанию пациенту медицинской помощи в период наблюдения за ним и его лечения». Применительно к настоящему исследованию, участвуя в правоотношениях, данный субъект на профессиональной основе осуществляет диагностику, назначает геномную терапию или проводит процедуры геномного редактирования. В данном контексте отношения строятся в основном с пациентом, поскольку трудовые и коммерческие отходят на второй план, являясь организационной составляющей. На основании рассматриваемого нормативного правового акта, а также ряда иных документов в отношении лечащего врача действует большое количество требований — от принципов этики до уголовной ответственности⁷. Всё это необходимо учитывать в процессе своей работы, направленной на содействие благополучию пациента.

² Сарманаев С. Х., Широков А. Ю., Осавелюк А. М. Предложения по расширению функций российских биобанков с целью защиты геномной информации // Lex russica (Русский закон). 2019. № 6 (151). С. 153–160. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.153-160.

³ Минкина Н. И. Юридическое оформление труда медицинских работников: проблема толкования в правоприменении // Хозяйство и право. 2022. № 4. С. 106–114. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-4-106-114.

⁴ Ситников А. А. Злоупотребление со стороны работодателя правом на управление трудом // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 4. С. 418. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-413-422.

⁵ Данилов Е. О. О правовом статусе медицинских работников вообще и врачей в частности // Медицинское право. 2023. № 2. С. 7–11.

⁶ Процевский В. А., Коваль В. Н. Отношения, возникающие при реализации права на труд // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 115–121.

⁷ Хромова Н. М. Уголовная ответственность в сфере медицинской деятельности: правовая практика и тенденции законодательства // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 97–110. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.10.

В современной юридической доктрине констатируется дискуссия о принадлежности тех или иных медицинских работников статусу лечащего врача⁸. Через призму данного тезиса также необходимо определиться и с возможностью наделения таким статусом лиц, которые будут осуществлять процедуры геномного редактирования и проведения геномной диагностики, т. к. назначающий геномную терапию, как правило, после соответствующего исследования, таковым является бесспорно.

На основании п. 9 ч. 1 ст. 2 Закона о здравоохранении «пациент — физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния».

Исходя из данного понятия, в качестве субъекта медицинского права пациенту свойственны следующие признаки:

1. Это всегда человек, являющийся высшей ценностью согласно ст. 2 Конституции РФ.

2. Данный человек нуждается в медицинской помощи объективно, не проявляя волю к ее получению через какие-то активные действия или напротив — стремящееся к ее получению, соответственно, проявляя волю в данном случае.

3. Значимым условием рассматриваемого правового статуса является необязательность установления врачом или медицинской организацией наличия заболевания. Данный признак позволяет еще раз констатировать приоритет человека, его прав и свобод⁹, следовательно, реализацию ст. 2 Конституции РФ. Это позиционирует его в системе правоотношений как лицо, имеющее возможность требовать уважительного отношения к себе, соблюдения его прав и законных интересов со стороны врачей, медицинских организаций и компетентных государственных или муниципальных органов.

В современной юридической доктрине предлагается разграничивать категорию «больной» от вышеуказанной ввиду необходимости уточнения правового статуса определенной категории граждан¹⁰. К тому же пациент может физически быть здоровым, но пользоваться медицинскими услугами, в том числе за счет государственных средств, тогда как человек, страдающий заболеванием, не входящим в перечень системы обязательного медицинского страхования, остается в более уязвимом правовом положении¹¹.

Понятие «больной» в законодательстве не определено, хотя данный специфический субъект упоминается в Уголовном кодексе Российской Федерации¹², от правильного определения данного лица может зависеть назначение уголовного наказания¹³. Да и сама формулировка, содержащаяся в указанном федеральном законе, связанная с обязанностью оказать медицинскую помощь больному, исходя

⁸ Горбачев В. И., Молчанов И. В. Анестезиолог-реаниматолог: лечащий врач или нет? // Медицинское право. 2017. № 3. С. 11–16.

⁹ Право на бесплатную медицинскую помощь : учеб. пособие / Акатнова М. И., Астраханцева Е. В., Благодар А. Л. [и др.] ; под общ. ред. Тучковой Э. Г., Гусевой Т. С. М. : Проспект, 2019. 200 с.

¹⁰ Медицинское право : учеб. пособие / Егоров К. В., Булнина А. С., Гараева Г. Х. [и др.]. М. : Статут, 2019. 190 с.

¹¹ Шарловский К. А., Лимонова А. М. Конституционно-правовое плацебо: анализ позиции Конституционного Суда РФ в постановлении от 26.09.2024 № 41-П о праве на лекарственное обеспечение орфанных пациентов // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 1. С. 184–205. DOI: 10.21128/1812-7126-2025-1-184-205.

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹³ Степанова И. Б., Соколова О. В. Проблемные вопросы разграничения преступлений, связанных с неоказанием или ненадлежащим оказанием медицинской помощи // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 18–26. DOI: 10.52433/01316761_2023_07_18.

из устоявшихся теоретико-практических положений¹⁴, порождает право требовать получения такой помощи.

Авторы коллективной монографии, посвященной медицинскому уголовному праву, дважды в различных разделах выделяют категорию «помощь больному», отождествляя ее с медицинской помощью по п. 3 ч. 1 ст. 2 Закона о здравоохранении¹⁵, что видится неверным, т.к. помощь может быть оказана пациенту, не являющемуся больным, на что обратила внимание Н. А. Озова¹⁶.

Для определения понятия «больной» целесообразнее обратиться к Толковому словарю, согласно которому он понимается как пораженный какой-либо болезнью¹⁷. Последнее понятие считается видовым по отношению к родовому — «заболевание»¹⁸, определяемому по п. 16 ч. 1 ст. 2 Закона о здравоохранении как «возникающее в связи с воздействием патогенных факторов нарушение деятельности организма, работоспособности, способности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды при одновременном изменении защитно-компенсаторных и защитно-приспособительных реакций и механизмов организма».

Таким образом, больной — это лицо, у которого имеет место нарушение деятельности организма в стандартных для иных людей условиях.

Необходимо оговориться, что далеко не каждый больной является пациентом, поскольку большое число людей может страдать болезнью, но не вступать в правоотношения с субъектами, занимающимися медицинской деятельностью. Вместе с тем последнего нельзя считать больным в юридическом смысле слова, т. к. наличие у него недуга официально не зафиксировано в данном случае, для публичной власти больной, не обратившийся за соответствующей помощью, по умолчанию остается здоровым. Для преодоления такой ситуации реализуются государственные программы по диспансеризации, профилактическим осмотрам¹⁹ и другим мероприятиям, направленным на выявление заболеваний у граждан с целью их оперативного лечения.

Геном человека нередко является причиной аномалии в развитии человеческого организма, которые в большинстве случаев также считаются болезнями. В этой связи

¹⁴ Халфина Р. О. *Общее учение о правоотношении*. М. : Юридическая литература, 1974. 351 с. ; Зарецкая М. Г., Суетина Н. М. *Теоретические аспекты учения о правоотношениях*. Майкоп : Магарин О. Г., 2017. 97 с.

¹⁵ *Медицинское уголовное право : монография* / Бимбинов А. А., Воронин В. Н., Понятовская Т. Г. [и др.] ; отв. ред. Рарог А. И. М. : Проспект, 2022. 576 с.

¹⁶ Озова Н. А. Уголовно-правовое понятие не оказания помощи больному // *Российский судья*. 2022. № 6. С. 33–38. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-33-38.

¹⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка* : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1994. 907 с.

¹⁸ Сайфуллина Н. А., Савчук А. В. Некоторые проблемы определения понятия «болезнь» // *Закон и право*. 2019. № 4. С. 43. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10143.

¹⁹ Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации мероприятий по оснащению мобильным медицинским оборудованием детских поликлиник (отделений) для проведения выездных мероприятий, в том числе в целях профилактических медицинских осмотров, диспансеризации и диспансерного наблюдения детского населения в рамках реализации федерального проекта «Охрана материнства и детства»: приложение № 39 к Государственной программе Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утвержденной постановлением Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. II). Ст. 373 ; Методика расчета показателя «Доля граждан с факторами риска, выявленными в результате профилактических осмотров и диспансеризации, прошедших углубленное профилактическое консультирование в Центрах здоровья», утв. Минздравом России 3 октября 2025 г. // СПС «КонсультантПлюс».

необходимо констатировать таких людей в качестве больных²⁰, но опять же после официальной фиксации субъектами, осуществляющими медицинскую деятельность.

Аналогичным образом следует рассматривать генетическую уникальность, которая может соответствовать нормальному развитию человеческого организма и не восприниматься в качестве болезни. Однако имеют место патогены, которые также являются обозначенной уникальностью, но которые считаются заболеваниями²¹.

Применительно к предмету настоящего исследования большое значение имеет то, для каких целей используются геномные технологии. Если речь идет о терапии или редактировании генома, то пациент должен быть больным, если отталкиваться от парадигмы недопущения в России использования данных технологий для улучшения организма человека, в том числе основываясь на этических соображениях. При этом его излечение может быть достигнуто только таким образом, либо оно максимально эффективно на фоне других медицинских технологий, включая высокие. Данное условие должно найти свое отражение в законодательстве, для того чтобы предотвратить потенциально возможные злоупотребления, когда пациент будет удовлетворять иные материальные потребности, не связанные с лечением.

На основании вышеизложенного следует вывод о том, что в отечественном законодательстве необходимо наряду с понятием «пациент» закрепить понятие «больной» как лицо, страдающее заболеванием (для УК РФ «...в смысле Закона о здравоохранении»). Как показано выше, данные лица по-разному нуждаются во вступлении в правоотношения с медицинскими организациями и врачами, а значит, на них должно распространяться различное публично-правовое регулирование. Это позволит систематизировать действующее законодательство, усилить основную его цель в рассматриваемой сфере — профилактику заболеваний, а главное — гарантировать правовой статус тех, кто действительно нуждается в медицинской помощи, особенно — оперативном вмешательстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов В. С. Новое в патогенетике мультифакторных заболеваний на примере главных акушерских синдромов: эндометриоза, миомы матки и гестоза // Патогенез. — 2017. — Т. 15. — № 3. — С. 4–11. — DOI: 10.25557/GM.2017.3.8492.
2. Горбачев В. И., Молчанов И. В. Анестезиолог-реаниматолог: лечащий врач или нет? // Медицинское право. — 2017. — № 3. — С. 11–16.
3. Данилов Е. О. О правовом статусе медицинских работников вообще и врачей в частности // Медицинское право. — 2023. — № 2. — С. 7–11.
4. Зарецкая М. Г., Суетина Н. М. Теоретические аспекты учения о правоотношениях. — Майкоп : Магарин О. Г., 2017. — 97 с.
5. Лобанова Е. С., Пох В. А., Капустянская А. А., Мокрушина Ю. В. Современный взгляд на синдром соединительнотканной дисплазии в педиатрической практике // Молодежь XXI века: шаг в будущее : материалы XIX региональной научно-практической конференции : в 3 т. — Благовещенск : Дальневосточный государственный аграрный университет, 2018. — С. 285–286.
6. Медицинское право : учеб. пособие / Егоров К. В., Булнина А. С., Гараева Г. Х. [и др.]. — М. : Статут, 2019. — 190 с.

²⁰ Лобанова Е. С., Пох В. А., Капустянская А. А., Мокрушина Ю. В. Современный взгляд на синдром соединительнотканной дисплазии в педиатрической практике // Молодежь XXI века: шаг в будущее : материалы XIX региональной научно-практической конференции : в 3 т. Благовещенск : Дальневосточный государственный аграрный университет, 2018. С. 285–286.

²¹ Баранов В. С. Новое в патогенетике мультифакторных заболеваний на примере главных акушерских синдромов: эндометриоза, миомы матки и гестоза // Патогенез. 2017. Т. 15. № 3. С. 4–11. DOI: 10.25557/GM.2017.3.8492.

7. Медицинское уголовное право : монография / Бимбинов А. А., Воронин В. Н., Понятовская Т. Г. [и др.] ; отв. ред. Рарог А. И. — М. : Проспект, 2022. — 576 с.
8. Минкина Н. И. Юридическое оформление труда медицинских работников: проблема толкования в правоприменении // Хозяйство и право. — 2022. — № 4. — С. 106–114. — DOI: 10.18572/0134-2398-2022-4-106-114.
9. Озова Н. А. Уголовно-правовое понятие неоказания помощи больному // Российский судья. — 2022. — № 6. — С. 33–38. — DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-33-38.
10. Право на бесплатную медицинскую помощь : учеб. пособие / Акатнова М. И., Астраханцева Е. В., Благодир А. Л. [и др.] ; под общ. ред. Тучковой Э. Г., Гусевой Т. С. — М. : Проспект, 2019. — 200 с.
11. Процевский В. А., Коваль В. Н. Отношения, возникающие при реализации права на труд // Общество и право. — 2023. — № 1 (83). — С. 115–121.
12. Сайфуллина Н. А., Савчук А. В. Некоторые проблемы определения понятия «болезнь» // Закон и право. — 2019. — № 4. — С. 43. — DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10143.
13. Сарманаев С. Х., Широков А. Ю., Осавелюк А. М. [и др.]. Предложения по расширению функций российских биобанков с целью защиты геномной информации // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 6 (151). — С. 153–160. — DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.153-160.
14. Ситников А. А. Злоупотребление со стороны работодателя правом на управление трудом // Сибирское юридическое обозрение. — 2021. — Т. 18. — № 4. — С. 413–422. — DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-413-422.
15. Степанова И. Б., Соколова О. В. Проблемные вопросы разграничения преступлений, связанных с неоказанием или ненадлежащим оказанием медицинской помощи // Российская юстиция. — 2023. — № 7. — С. 18–26. — DOI: 10.52433/01316761_2023_07_18.
16. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. — М. : Юридическая литература, 1974. — 351 с.
17. Хромова Н. М. Уголовная ответственность в сфере медицинской деятельности: правовая практика и тенденции законодательства // Журнал российского права. — 2019. — № 6. — С. 97–110.
18. Шарловский К. А., Лимонова А. М. Конституционно-правовое плацебо: анализ позиции Конституционного Суда РФ в постановлении от 26.09.2024 № 41-П о праве на лекарственное обеспечение орфанных пациентов // Сравнительное конституционное обозрение. — 2025. — № 1. — С. 184–205. — DOI: 10.21128/1812-7126-2025-1-184-205.

REFERENCES

1. Akatnova MI, Astrakhantseva EV, Blagodir AL, et al. Tuchkova EG, Guseva TS (eds.). The right to free medical care. Moscow: Prospect Publ.; 2019. (In Russ.).
2. Baranov VS. New in the pathogenetics of multifactor diseases on the example of the main obstetric syndromes: endometriosis, uterine fibroids and gestosis. *Pathogenesis*. 2017;15(3):4-11. (In Russ.). DOI: 10.25557/GM.2017.3.8492.
3. Bimbinov AA, Voronin VN, Ponyatovskaya TG, et al. Rarog AI (ed.). Medical criminal law. Moscow: Prospect Publ.; 2022. (In Russ.).
4. Danilov EO. On the legal status of medical workers in general and doctors in particular. *Medical Law*. 2023;2:7-11. (In Russ.).
5. Egorov KV, Bulnina AS, Garaeva GKh, et al. Medical Law. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
6. Gorbachev VI, Molchanov IV. Anesthesiologist-resuscitator: attending physician or not? *Medical Law*. 2017;3:11-16. (In Russ.).
7. Halfina RO. General doctrine of legal relations. Moscow: Juridicheskaja literature Publ.; 1974. (In Russ.).
8. Khromova NM. Criminal liability in the field of medical activity: legal practice and legislative trends. *Journal of Russian Law*. 2019;6:97-110. (In Russ.).
9. Lobanova ES, Pokh VA, Kapustyanskaya AA, Mokrushina YuV. A modern view of connective tissue dysplasia syndrome in pediatric practice. In: The Youth of the 21st century: A step into

- the future: Proceedings of the 19th regional scientific and practical conference. In 3 vols. Blagoveshchensk: Far Eastern State Agrarian University Publ.; 2018. (In Russ.).
10. Minkina NI. Legal registration of the work of medical workers: the problem of interpretation in law enforcement. *Economy and Law*. 2022;4:106-114. (In Russ.). DOI: 10.18572/0134-2398-2022-4-106-114.
 11. Ozova NA. The criminal legal concept of not providing assistance to a patient. *Russian Judge*. 2022;6:33-38. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-33-38.
 12. Protsevsy VA, Koval VN. Relations arising from the realization of the right to work. *Society and Law*. 2023;1(83):115-121. (In Russ.).
 13. Sarmanaev SKh, Shirokov AYU., Osavelyuk AM, et al. Proposals for expanding the functions of Russian biobanks in order to protect genomic information. *Lex russica*. 2019;6(151):153-160. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.153-160.
 14. Sayfullina NA, Savchuk AV. Some problems of defining the concept of «disease». *Zakon i pravo*. 2019;4:43. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10143.
 15. Sharlovsky KA, Limonova AM. Constitutional legal placebo: analysis of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation in the decision of 26.09.2024 No. 41-P on the right to drug provision for orphan patients. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2025;1:184-205. (In Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2025-1-184-205.
 16. Sitnikov AA. Abuse by the employer of the right to manage labor. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):413-422. (In Russ.). DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-413-422.
 17. Stepanova IB, Sokolova OV. Problematic issues of delimitation of crimes related to non-provision or improper provision of medical care. *Rossijskaja Justitsiya*. 2023;7:18-26. (In Russ.). DOI: 10.52433/01316761_2023_07_18.
 18. Zaretskaya MG, Suetina NM. Theoretical aspects of the doctrine of legal relations. Maykop: O.G. Magarin Publ.; 2017. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.054-061

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И СЕМЕЙНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕДОФИЛИИ

Попова Оксана Васильевна,

курсант 4-го курса факультета подготовки следователей Московской академии
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12
popova.oksanoh2014@yandex.ru

Черных Ярослава Павловна,

курсант 4-го курса факультета подготовки следователей Московской академии
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12
chernykh yaroslava29@mail.ru

© Попова О. В., Черных Я. П., 2026

Научный руководитель: **Озеров Игорь Николаевич,**

заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Аннотация. В статье рассматривается роль социокультурных и семейных факторов в формировании педофилии как одного из наиболее распространенных и общественно опасных расстройств сексуального предпочтения. Актуальность исследования обусловлена ростом числа зарегистрированных в России преступлений сексуального характера против несовершеннолетних, высокой латентностью данной категории деяний и необходимостью совершенствования профилактических мер, отвечающих конституционному приоритету охраны детства. В основе исследования лежит биопсихосоциальная парадигма, интегрирующая положения теории импринтинга, концепции психического инфантилизма и теории социальной детерминации. Особое внимание уделяется дисфункциональной семейной системе как первичному агенту социализации: анализируются такие факторы, как нарушение эмоциональной привязанности, размытость личных границ, отсутствие конструктивной модели родительства и главным образом собственный опыт виктимизации в детстве. Рассматривается влияние макро-социального контекста, включая патриархальные установки, сексуализацию детства в медиа, а также роль девиантных сообществ в рационализации и подкреплении патологических влечений. В работе подчеркивается взаимоусиление микро- и макрофакторов в динамическом процессе формирования расстройства, что исключает редукцию проблемы к какому-либо одному основанию. Авторы формулируют практические рекомендации, направленные на раннее выявление групп риска, разработку профилактических программ и психотерапевтическую помощь, ориентированную на прерывание цикла передачи травмы, определяют перспективные направления эмпирических исследований.

Ключевые слова: педофилия; социокультурные факторы; семейная дисфункция; психосексуальное развитие; профилактика насилия; биопсихосоциальная модель; травма детства; девиантные сообщества

THE ROLE OF SOCIOCULTURAL AND FAMILY FACTORS IN THE FORMATION OF PEDOPHILIA

Oxana V. Popova,

4th Year Cadet, Faculty of Training Investigators, Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev
popova.oksano2014@yandex.ru

Yaroslava P. Chernykh,

4th Year Cadet, Faculty of Training Investigators, Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev
chernykh yaroslava29@mail.ru

Academic Supervisor: **Igor N. Ozerov,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Colonel of Justice, Head of the Department of Forensic Expert and Operational Search Activities, Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev

Abstract. The paper examines the role of sociocultural and familial factors in the development of pedophilia as one of the most prevalent and socially dangerous disorders of sexual preference. The relevance of the study is determined by the increasing number of officially registered sexual offenses against minors in Russia, the high latency rate associated with this category of offenses, and the need to improve preventive measures consistent with the constitutional priority of protecting childhood. The study is grounded in a biopsychosocial paradigm integrating the principles of imprinting theory, the concept of psychological infantilism, and theories of social determination. Particular attention is devoted to the dysfunctional family system as the primary agent of socialization. The paper analyzes such factors as impaired emotional attachment, blurred personal boundaries, the absence of constructive parental role models, and, most importantly, the individual's own experience of victimization during childhood. The authors further examine the influence of the broader macrosocial context, including patriarchal attitudes, the sexualization of childhood in the media, and the role of deviant communities in rationalizing and reinforcing pathological attractions. The study emphasizes the mutually reinforcing interaction between micro- and macro-level factors within the dynamic process underlying the formation of the disorder, thereby rejecting any reductionist explanation based on a single causal foundation. The authors give practical recommendations aimed at the early identification of at-risk groups, the development of preventive programs, and the provision of psychotherapeutic assistance focused on interrupting the intergenerational transmission of trauma. The paper also identifies promising directions for future empirical research.

Keywords: pedophilia; sociocultural factors; familial dysfunction; psychosexual development; violence prevention; biopsychosocial model; childhood trauma; deviant communities

Согласно Конституции РФ, охрана детства является ключевым направлением государственной политики: государство формирует среду для полноценного духовно-нравственного, интеллектуального и физического становления подрастающего поколения, создает условия для воспитания патриотических чувств, гражданской ответственности и почтения к старшим¹. Однако современная медиасфера всё чаще фиксирует тревожную тенденцию роста числа сообщений о сек-

¹ Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // Российская газета. 2020. № 144.

суальных преступлениях против несовершеннолетних. С 2010 по 2023 гг. число зарегистрированных преступлений сексуального характера в отношении детей в России увеличилось на 44 %². Статистика вызывает особую тревогу, если учитывать высокую латентность данной категории преступлений — значительный их объем приходится на внутрисемейное насилие, которое, как правило, остается скрытым от правоохранительных органов и общественности.

В основе таких преступлений лежит педофилия — устойчивое, доминирующее сексуальное влечение к несовершеннолетним детям (как правило, допубертатного и раннего пубертатного возраста)³. Данное явление, как сексуальная девиация, требует не только карательно-правового, но и глубокого научно обоснованного подхода. Понимание механизмов формирования педофилии является критически важным для разработки эффективных систем профилактики, раннего выявления групп риска и создания дифференцированных программ психологической и психиатрической интервенции. Изучение средовых (социокультурных и семейных) детерминант позволяет сместить фокус с исключительно биологических и интрапсихических моделей к биопсихосоциальной парадигме, что открывает новые возможности для адресной социальной и образовательной политики, направленной на предотвращение формирования патологических влечений.

Одним из важнейших шагов в рамках такого комплексного подхода является переход от абстрактного понимания феномена к анализу его конкретных форм. В качестве примера можно привести типологию, основанную на объективных, внешне фиксируемых событиях: ключевой формой является семейно-бытовая педофилия, когда посягательства совершаются в отношении несовершеннолетних членов семьи или близких родственников (реже в отношении соседей), как правило, в разнополых парах.

Другой формой выступают насильственные нападения на подростков, в том числе их изнасилования и иные действия сексуального характера, что может быть сопряжено с убийством потерпевшего.

Отдельную категорию составляет соблазнение несовершеннолетних, то есть вовлечение их в сексуальные отношения посредством обмана, подкупа, намеренного опьянения или злоупотребления доверием, подобные контакты также могут завершаться убийством потерпевшего.

К следующей категории можно отнести сексуальное насилие, совершенное в составе иных тяжких преступлений (например, изнасилование несовершеннолетнего в рамках разбойного нападения на семью).

Особой и наиболее жестокой формой в данной категории преступлений является сексуальное насилие в отношении несовершеннолетнего, совершенное в период военного конфликта на оккупированной территории⁴.

Согласно исследованиям, педофилия является одним из наиболее распространенных расстройств сексуального предпочтения. Так, С. П. Позднякова указывает, что на ее долю приходится до половины всех случаев парафилий⁵. Что касается причин формирования такого отклонения, существует несколько теорий. Согласно теории импринтинга, формирование девиантных сексуальных предпочтений может быть обусловлено запечатлением в детстве травматического опыта: индивид, переживший сексуальное насилие в детстве, во взрослом возрасте неосознанно воспроизводит модель поведения агрессора. Эмпирические данные подтверждают, что объектом влечения таких педофилов часто становится возрастная группа, соответствующая

² Почти вдвое: в России выросло число сексуальных преступлений против детей // Официальный сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/1448672/mariia-frolova/pochti-vdvoe-v-Rossii-vyroslo-chislo-seksualnykh-prestuplenii-protiv-detei>.

³ Официальный сайт Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) // URL: <https://mkb-10.com/>.

⁴ Антонян Ю. М. Педофилия и ее причины // Научный портал МВД России. 2022. № 3 (59). С. 48–49.

⁵ Позднякова С. П. Педофильные правонарушения. М., 1999. 275 с.

периоду их собственной психотравмы. В анамнезе у них, как правило, выявляются органическая и социальная predisпозиция (отсутствие семьи или жесткое воспитание, замкнутость, нерешительность), а также признаки дисгармонии психосексуального развития. Поведение в ситуациях сексуального взаимодействия отличается стереотипностью («клише») и отсутствием стремления к расширению активности или смене объекта притязаний⁶. В данном случае факторами, провоцирующими возникновение и развитие педофилии, являются именно внутрисемейные проблемы: жизнь в неполной неблагополучной семье, жестокое обращение со стороны родителей и взрослых товарищей (соседей, старшеклассников и т.д.).

Наиболее авторитетным в сексологии и психологии девиантного поведения считается подход, основанный на концепции психического инфантилизма — влечение к несовершеннолетним объясняется своеобразным «застреванием» в детской или подростковой фазе психосексуального развития, что приводит к фиксации на соответствующих возрастных объектах влечения⁷. К факторам риска следует относить трудности в интериоризации мужской половой роли, искажение половозрастного самосознания и прочие психосоциальные предпосылки.

Особое внимание уделяется теории социальной детерминации, которая акцентирует роль психосоциальных факторов в этиопатогенезе расстройства. К таким факторам относят эмоциональную депривацию, дисфункциональные отношения в родительской семье, а также сексуализированное или инцестуозное поведение со стороны родителей, что в совокупности создает почву для формирования искаженных сексуальных сценариев⁸.

Помимо указанных теорий в качестве причин рассматриваемого вида преступлений можно отнести изменения в морально-этических нормах общества, связанные с ослаблением традиционных семейных ценностей и широким распространением гиперсексуализированной информации в СМИ. Значительное влияние сегодня оказывает зарубежная пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и распространение различных извращенных форм удовлетворения сексуального «любопытства».

Формирование стойкого сексуального влечения к детям практически никогда не сводится к какой-то одной причине, напротив, представляет собой сложный результат взаимодействия множества факторов, где ключевую роль играют нарушения в первичном окружении человека и особенности той культуры, в которой он существует. Семья, будучи главным агентом социализации, может заложить фундамент для искаженного развития, если в ней отсутствует безопасная эмоциональная привязанность, особенно к родителю противоположного пола, и, если ребенок сталкивается с жестокостью, эмоциональным отвержением или, что является самым мощным предиктором, сам становится жертвой сексуального насилия⁹.

Пережитая травма разрушает здоровое восприятие близости, заставляя человека испытывать страх перед отношениями со сверстниками и взрослыми, чувствовать собственную неполноценность, искать утешение или иллюзию контроля через сексуализированное поведение, а иногда и бессознательно идентифицировать себя с агрессором, перенимая его модель поведения. К этому добавляется размытость личных границ внутри семьи, будь то отсутствие приватности, гиперопека или

⁶ Дьякова И. В., Солдаткин В. А. Исследование роли импринтинга в формировании расстройств сексуального предпочтения // Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2014. № 2. С. 21.

⁷ Буторин Г. Г., Бенько Л. А. Синдромы невропатии и психического инфантилизма в структуре психических расстройств детского возраста // СПЖ. 2016. № 60. С. 113.

⁸ Языков С. А. Психологические факторы развития педофилии // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. МГППУ. 2011. С. 133.

⁹ Холодный В. Детерминанты психосексуального развития // Развитие личности. 2013. № 1. С. 99–115.

эмоциональный холод, из-за чего ребенок не усваивает нормы уважения к другому человеку, а близость начинает ассоциироваться у него с контролем или насилием¹⁰.

В таких условиях, особенно при отсутствии позитивной модели здоровой мужественности или женственности, когда отец, например, физически или эмоционально отсутствует, человек может «застрять» в детской роли, чувствуя неуверенность в отношениях с равными и бессознательно стремясь к тем, кто кажется более слабым и «безопасным».

Все эти семейные проблемы развиваются не в вакууме, а в определенном социокультурном контексте, который может либо сдерживать девиации, либо, напротив, подпитывать их. Если в обществе господствуют патриархальные установки, рассматривающие ребенка как собственность взрослого создается идеологическая почва для оправдания злоупотребления властью, где насилие может рационализироваться как «воспитание» или «право сильного».

Параллельно с этим современная медиасреда, эротизирующая детские образы и пропагандирующая культ вечной молодости, стирает в сознании грань между детской и взрослой сексуальностью, что для уязвимой личности может стать триггером формирования опасных ассоциаций¹¹. Человек, чувствующий себя изгоем из-за своих мыслей и фантазий, часто замыкается в себе, а отсутствие доступного и нетабуированного сексуального просвещения лишает его возможности обратиться за помощью на ранней стадии. Вместо этого он может найти поддержку в закрытых девиантных сообществах, где его наклонности не только нормализуются, но и поощряются: там происходит обмен опытом, снижаются внутренние запреты и формируются псевдорациональные оправдания, убеждающие человека в том, что его действия не являются вредными или преступными.

Таким образом, путь к формированию этого расстройства лучше всего объясняет биопсихосоциальная модель: травмы раннего детства и нарушенная привязанность создают уязвимую психику, которая в поисках безопасного и контролируемого объекта близости может зафиксироваться на детях; специфические культурные установки и доступный девиантный контент могут направить сексуальное возбуждение в это русло и закрепить его; а отсутствие здоровых каналов для обсуждения проблемы и наличие субкультур, поддерживающих девиацию, окончательно разрушают внутренние запреты, позволяя фантазиям перерасти в необратимые действия.

Квинтэссенцией опасности таких субкультур служит история общественных движений, зародившихся на Западе еще в 1950-е гг., которые выступили в прямую защиту педофилов. Программные требования таких движений включали признание педофилии разновидностью сексуальной ориентации, снижение возраста сексуального согласия и легализацию детской порнографии. Идеологи этих движений утверждают, что их действия не травмируют детей, поскольку они противопоставляют себя «насильникам»: педофилы руководствуются любовью к ребенку, которая может реализоваться в интимной близости только при наличии согласия последнего. Сторонники данной позиции полагают, что раннее начало половой жизни (с 11–12 лет) не наносит вреда, а напротив, обогащает жизненный опыт ребенка.

В 2000-е гг. произошла трансформация таких общественных движений: новые организации дистанцируются от призывов легализовать интимные отношения с детьми, предлагая рассматривать педофилию как феномен, отдельный от сексуальных действий. По словам идеологов, цель таких организаций — помощь педофилам в контроле над влечением для предотвращения преступлений. Кроме того, сторонники выступают против стигматизации и требуют не приравливать педофилов к преступникам.

¹⁰ Вихарева А. А., Вихарева О. Н., Кузьмишина Т. Л. Последствия детской психологической травмы во взрослом возрасте и ее взаимосвязь со всеми сферами жизни // Инновационная наука. 2023. № 1–2. С. 95–97.

¹¹ Коханая О. Е., Головин Ю. А. Цифровые медиа как мощный фактор воздействия на поведение детей и подростков // Челябинский гуманитарий. 2021. № 4 (57). С. 28–37.

На наш взгляд, педофилия представляет собой психическое расстройство, характеризующееся неконтролируемым влечением к детям. Трактовать ее как особенность личности или как сексуальную ориентацию критически недопустимо. Следует максимально ужесточить уголовное наказание за педофилию, поскольку дети не способны в полной мере осознавать опасность и последствия совершаемых в отношении них действий, а раннее половое просвещение может нарушить их психологическое развитие. Признание педофилии ориентацией создает риск декриминализации и легитимации сексуальных контактов с детьми как «варианта нормы».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что формирование такого сложного и многоаспектного феномена, как педофилия, не может быть объяснено действием какого-либо одного изолированного фактора, будь то сугубо биологическая предрасположенность или индивидуальная психологическая травма. Ключевым выводом работы является подтверждение эвристической значимости комплексного подхода, демонстрирующего, что социокультурные и семейные детерминанты играют критическую роль в формировании почвы для искаженного психосексуального развития.

Именно в дисфункциональной семейной системе, характеризующейся нарушенной привязанностью, размытыми границами и зачастую наличием травматического опыта, закладываются базовые паттерны восприятия близости и власти. Макросоциальный контекст, транслирующий через медиа и культурные установки искаженные образы детства или нормализующий иерархическое насилие, создает питательную среду, в которой эти паттерны либо находят подкрепление, либо лишаются сдерживающих общественных барьеров¹².

Особое значение имеет механизм моделирования поведения и усвоения девиантных норм: изоляция индивида в закрытых сообществах, где происходит рационализация и взаимное подкрепление разрушительных влечений, становится финальным этапом, превращающим потенциальную угрозу в сформированное и устойчивое расстройство.

Принципиально важным является понимание того, что перечисленные факторы не существуют изолированно, образуя линейную цепочку причин и следствий, но функционируют как единая динамическая система, в которой элементы постоянно взаимно усиливают друг друга. Семейная травма делает человека более уязвимым к усвоению патриархальных мифов о власти над слабым, а отсутствие позитивных моделей близости в сочетании с культуральной сексуализацией детства направляет поиск контролируемого объекта отношений в сторону детей. Пребывание в девиантной субкультуре не только закрепляет эти искажения, но и окончательно разрушает механизмы внутреннего запрета, предоставляя индивиду готовый язык для оправдания своих действий.

Таким образом, перед нами предстает не просто сумма рисков, а сложный, циклический процесс, где микро- и макроуровни социальной реальности сплетаются в тугую узел, ведущий к тяжелым последствиям.

Данное понимание механизмов формирования расстройства открывает широкие перспективы для профилактической и коррекционной работы. Разработка эффективных стратегий предотвращения насилия должна сместить фокус с реактивных мер на проактивные, включая создание и внедрение образовательных программ, направленных на формирование здоровых моделей поведения и уважения к личным границам с раннего детства. Крайне важным представляется раннее выявление групп риска, в которые попадают дети, пережившие насилие или растущие в семьях с нарушенной структурой привязанности, с целью оказания им своевременной психологической помощи и прерывания цикла передачи травмы¹³.

¹² Петрова Е. А. Дисфункциональные семьи как фактор психотравматизации в детском возрасте // Вестник НовГУ. 2017. № 4 (102).

¹³ Косова Е. О., Кубарев В. С., Нелюбин Н. И. Коррекция и профилактика девиантного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. № 2 (89). С. 189–198.

На уровне семейного консультирования и психотерапии необходимо делать акцент на восстановлении безопасных отношений, коррекции искаженных представлений о близости и проработке травматического опыта, не оставляя без внимания и работу со взрослыми, испытывающими влечение к детям, на досоциальной стадии, когда преступление еще не совершено, но фантазии уже приобретают навязчивый характер.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонян Ю. М. Педофилия и ее причины // Научный портал МВД России. — 2022. — № 3 (59). — С. 48–56.
2. Буторин Г. Г., Бенько Л. А. Синдромы невропатии и психического инфантилизма в структуре психических расстройств детского возраста // СПЖ. — 2016. — № 60. — С. 108–119.
3. Вихарева А. А., Вихарева О. Н., Кузьмишина Т. Л. Последствия детской психологической травмы во взрослом возрасте и ее взаимосвязь со всеми сферами жизни // Инновационная наука. — 2023. — № 1–2. — С. 95–97.
4. Дьякова И. В., Солдаткин В. А. Исследование роли импринтинга в формировании расстройств сексуального предпочтения // Журнал фундаментальной медицины и биологии. — 2014. — № 2. — С. 17–21.
5. Косова Е. О., Кубарев В. С., Нелюбин Н. И. Коррекция и профилактика девиантного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2022. — № 2 (89). — С. 189–198.
6. Коханая О. Е., Головин Ю. А. Цифровые медиа как мощный фактор воздействия на поведение детей и подростков // Челябинский гуманитарий. — 2021. — № 4 (57). — С. 28–37.
7. Петрова Е. А. Дисфункциональные семьи как фактор психотравматизации в детском возрасте // Вестник НовГУ. — 2017. — № 4 (102).
8. Позднякова С. П. Педофильные правонарушения. — М., 1999. — 275 с.
9. Почти вдвое: в России выросло число сексуальных преступлений против детей // Официальный сайт газеты «Известия». — URL: <https://iz.ru/1448672/mariia-frolova/pochti-vdvoe-v-Rossii-vyroslo-chislo-seksualnykh-prestuplenii-protiv-detei>.
10. Холодный В. Детерминанты психосексуального развития // Развитие личности. — 2013. — № 1. — С. 99–115.
11. Языков С. А. Психологические факторы развития педофилии // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии / МГППУ. 2011. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/icjp_2011/contents/41819.

REFERENCES

1. Almost doubled: the number of sexual crimes against children has increased in Russia. Official website of the Izvestia newspaper. Available at: <https://iz.ru/1448672/mariia-frolova/pochti-vdvoe-v-Rossii-vyroslo-chislo-seksualnykh-prestuplenii-protiv-detei>.
2. Antonyan YuM. Pedophilia and its causes. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;3(59):48-56. (In Russ.).
3. Butorin GG, Benko LA. Syndromes of neuropathy and mental infantilism in the structure of mental disorders of childhood. *Siberian Journal of Psychology*. 2016;60:108-119. (In Russ.).
4. Dyakova IV, Soldatkin VA. Research on the role of imprinting in the formation of disorders of sexual preference. *Journal of Fundamental Medicine and Biology*. 2014;2:17-21. (In Russ.).
5. Kholodny V. Determinants of psychosexual development. *Personality Development*. 2013;1:99-115. (In Russ.).
6. Kokhanaya OE, Golovin YuA. Digital media as a powerful factor in influencing the behavior of children and adolescents. *Chelyabinsk Humanitarian*. 2021;4(57):28-37. (In Russ.).

7. Kosova EO, Kubarev VS, Nelyubin NI. Correction and prevention of deviant behavior of adolescents. *Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*. 2022;2(89):189-198. (In Russ.).
8. Petrova EA. Dysfunctional families as a factor of psychotraumatization in childhood. *Vestnik of Novgorod State University*. 2017;4(102). (In Russ.).
9. Pozdnyakova SP. Pedophile offenses. Moscow; 1999. (In Russ.).
10. Vikhareva AA, Vikhareva ON, Kuzmishina TL. Consequences of childhood psychological trauma in adulthood and its relationship with all spheres of life. *Innovative Science*. 2023;1-2:95-97. (In Russ.).
11. Yazykov SA. Psychological factors in the development of pedophilia. *Collection of theses of participants in the interuniversity scientific and practical Internet conference on legal psychology*. Moscow State Pedagogical University; 2011. Available at: https://psyjournals.ru/nonserial-publications/icjp_2011/contents/41819. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.062-071

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЫВШЕГО УЧАСТНИКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: «СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»

Тарасов Роман Дмитриевич,
магистрант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
123001, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
vsrtdr@gmail.com

© Тарасов Р. Д., 2026

Аннотация. Статья посвящена анализу правового статуса бывшего участника хозяйственного общества как самостоятельной категории корпоративного права. В работе выявлено, что бывший участник занимает промежуточное положение между внутренними и внешними кредиторами при банкротстве корпорации. Проанализирована актуальная судебная практика по вопросам выплаты действительной стоимости доли, реализации права на информацию о деятельности корпорации, возможности оспаривания сделок по корпоративным и общегражданским основаниям бывшим участником, а также привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих общество лиц. Обоснована необходимость расширения механизмов защиты прав бывшего участника на добанкротной стадии, в том числе путем оспаривания сделок и решений органов управления, которые могут повлиять на размер действительной стоимости доли и возможность ее выплаты и предложена классификация способов защиты имущественных прав бывшего участника общества.

Ключевые слова: хозяйственное общество; прекращение корпоративного статуса; действительная стоимость доли; бывший участник

THE LEGAL STATUS OF A FORMER MEMBER OF A BUSINESS ENTITY: A FRIEND TO FOES, A FOE TO FRIENDS

Roman D. Tarasov,
Master's Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
vsrtdr@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the legal status of a former participant in a business entity as an independent category within corporate law. The study demonstrates that a former participant occupies an intermediate position between internal and external creditors in the context of corporate bankruptcy. The study examines current judicial practice concerning the payment of the actual value of a participant's interest, the exercise of the right to obtain information regarding the corporation's activities, the ability of a former participant to challenge transactions on both corporate and general civil law grounds, as well as the imposition of

subsidiary liability on persons controlling the company. The authors substantiate the need to expand the mechanisms for protecting the rights of former participants at the pre-bankruptcy stage, including through the contestation of transactions and management decisions capable of affecting both the amount and the recoverability of the actual value of the participant's interest. The article further proposes a classification of methods for protecting the proprietary rights of former participants in a business entity.

Keywords: business society; termination of corporate status; actual value of the share; former member

Правовой статус бывшего участника хозяйственного общества, на данный момент остается неисследованной категорией и носит фрагментарный характер как в законодательном регулировании, так и в правоприменительной практике.

Как отмечает А. Н. Беседин, утрата участником статуса члена корпорации влечет прекращение его членских (корпоративных, организационно-управленческих прав), но имущественные права участников с утратой членства в корпорации сами по себе не прекращаются¹.

При этом отсутствует единообразный подход к содержанию категории «бывшего участника хозяйственного общества».

На наш взгляд, к категории «бывший участник хозяйственного общества» относятся **1)** лица, чей корпоративный статус был прекращен как в добровольном, так и принудительном порядке, при этом не утратившие имущественный интерес, выраженный в возможности получения ДСД, а также **2)** участники ликвидированного юридического лица в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица.

Отметим, что в дальнейшем речь будет идти об участниках, чей имущественный интерес выражен в возможности получения ДСД, поскольку участники ликвидированного юридического лица наделены самостоятельным способом защиты — заинтересованные лица вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право в соответствии с п. 5.2 ст. 64 ГК РФ.

Правовой статус бывшего участника различается в «добанкротный период» и при банкротстве хозяйственного общества, но в нем есть общее — бывший участник хозяйственного общества не наделен ни правами участника в «добанкротный период», ни правами конкурсного кредитора при банкротстве общества и находится в промежуточном состоянии.

Так, при банкротстве общества, из которого участник вышел, статус бывшего участника приравнивается к действующим участникам хозяйственного общества. Данная позиция обосновывается следующим.

Во-первых, пунктом 8 ст. 23 Закон об ООО закреплено императивное правило, в соответствии с которым общество не вправе выплачивать ДСД, если на момент выплаты обладает признаками несостоятельности либо в результате выплаты указанные признаки появятся у общества.

Во-вторых, ВАС РФ при толковании положений закона указал, что требование о выплате хозяйственного общества денежных средств за счет имущества общества при прекращении отношений, связанных с владением долями, не может конкурировать с обязательствами должника перед иными кредиторами — участниками гражданского оборота².

¹ Беседин А. Н. О правах бывших участников хозяйственных обществ на получение информации об их деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 211.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 10254/10 по делу № А45-808/2009.

В обоснование приводится следующее: участники корпорации, составляющие в совокупности высший орган управления обществом, ответственны за эффективную деятельность общества и несут риск наступления негативных последствий своего управления им.

В-третьих, Верховный Суд РФ, поддерживая и развивая указанный подход в Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г., отмечает, что требование о выплате ДСД имеет корпоративную природу, ввиду чего не может конкурировать с требованиями независимых кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов.

При этом в случае выхода из общества до возникновения признаков неплатежеспособности общества, требование бывшего участника подлежит удовлетворению до распределения ликвидационной квоты; если на стадии возникновения признаков имущественного кризиса или объективного банкротства, то наравне с действующими участниками хозяйственного общества.

Таким образом, бывший участник не приобретает в процедурах банкротства статуса конкурсного кредитора по требованию, вытекающему из его участия в обществе, поскольку сформирован устойчивый подход, в соответствии с которым период времени, в который участник вышел или был исключен из общества, не меняет характер обязанности общества по выплате ДСД, как следствие, не влияет на правовую квалификацию требования бывшего участника к обществу об исполнении данной обязанности.

Таким образом, бывший участник вправе претендовать на получение выплаты ДСД исключительно после удовлетворения требований всех независимых и не связанных с обществом кредиторов. Данный подход носит устойчивый характер в практике арбитражных судов³.

Помимо вышеизложенного, с учетом корпоративной природы требования бывший участник, которому не выплачена ДСД, не имеет права на подачу заявления о признании хозяйственного общества банкротом, поскольку данная задолженность не учитывается при определении признаков банкротства с учетом положений п. 2 ст. 44 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

В случае подачи заявления бывшим участником о признании общества банкротом дело о банкротстве подлежит прекращению.

Отдельные суды отмечали, что бывший участник общества не вправе требовать привлечения к субсидиарной ответственности. В обоснование данного подхода суды указывали, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности является средством защиты исключительно для независимых кредиторов, а использование данного механизма для разрешения корпоративных споров является недопустимым⁴.

Таким образом, до 2025 г. единственным последствием уклонения от выплаты ДСД бывшему участнику являлась приоритезация его требования при распределении ликвидационной квоты.

Верховный Суд РФ отмечал следующее: «Установив, что оставшиеся участники <...> недобросовестно уклонялись от выплаты ДСД (в том числе посредством вывода активов, создания фиктивной задолженности и т.д.), суд в целях соблюдения баланса интересов кредиторов вправе признать требование вышедшего участника подлежащим удовлетворению приоритетно перед конкурирующими кредиторами,

³ Постановления Арбитражного суда Уральского округа от 01.11.2025 по делу № А76-43527/2018, Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.04.2024 по делу № А43-39403/2022, Арбитражного суда Уральского округа от 13.11.2023 по делу № А07-36917/2022, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.02.2023 по делу № А45-20433/2018, Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2022 по делу № А66-14464/2021.

⁴ Постановления Арбитражного суда Московского округа от 18.12.2024 по делу № А40-242951/2023, Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2022 по делу № А21-8445/2021.

совершившими недобросовестные действия»⁵. Данный подход был поддержан и развит нижестоящими судами⁶.

Вместе с тем Верховный Суд РФ в 2025 г. неоднократно обращался к правовому статусу бывшего участника хозяйственного общества как на «добанкротной» стадии, так и в рамках процедуры банкротства.

Во-первых, в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025) Верховный Суд РФ изменил подход к предъявлению требования бывшим участником о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих общество лиц и единоличного исполнительного органа.

Так, в п. 16 смоделирована ситуация, при которой бывший участник обратился с требованием к контролирующему должника лицу о привлечении к субсидиарной ответственности со ссылкой на неисполнение обязательства по выплате ДСД.

Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении исковых требований на основании следующего: **1)** бывший участник общества несет ответственность за деятельность общества и **2)** имел возможность оспорить сделки, не отвечающие интересам общества или **3)** возместить убытки, вызванные неразумными и (или) недобросовестными действиями руководителя юридического лица.

Суд округа отменил акты, указав, что по общему правилу бывший участник вправе предъявить иск о возмещении убытков непосредственно к оставшимся в обществе участникам и иным лицам, входящим в состав органов управления, если их действия направлены на то, чтобы воспрепятствовать расчетам общества по долгу перед вышедшим участником; истец не является участником общества и не мог повлиять на решения, принимаемые контролирующим лицом, с помощью корпоративных средств защиты.

На данный момент судебная практика с опорой на данное разъяснение Верховного Суда РФ немногочисленна.

В одном из дел суд удовлетворил требование бывшего участника, обосновывая принятое решение тем, что установлен факт наличия экономических условий для осуществления обществом уставной деятельности после выхода истца из состава участников общества и его стабильное имущественное состояние на тот момент; фактическое прекращение деятельности общества обусловлено поведением как руководителя, ответственного за принятие управленческих решений, так и единственного участника, полностью контролировавшего состояние общества и принимаемые руководителем решения⁷.

В другом деле контролирующее должника лицо было привлечено к субсидиарной ответственности за невыплату ДСД, поскольку не доказало, что действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения Обществом денежного обязательства перед истцом⁸.

Следует отметить, что Верховный Суд РФ, фактически воспринял изменение подхода в практике Верховного суда Германии.

В практике судов Германии до 2023 г. существовал устойчивый подход, в соответствии с которым до момента выплаты стоимости доли лицо сохраняло статус участника и могло голосовать по вопросам, которые касались его лично, размера стоимости доли, но в силу принципа добросовестности было обязано не препятствовать принятию решения по иным вопросам.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС19-22252(4) по делу № А40-23687/2017.

⁶ Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.07.2025 по делу № А45-36762/2024, Арбитражного суда Уральского округа от 29.04.2025 по делу № А07-29105/2023.

⁷ Решение Арбитражного суда Алтайского края от 16.02.2026 по делу № А03-9624/2025.

⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.12.2025 по делу № А26-11298/2023.

В 2023 г. Верховный суд Германии кардинально изменил подход и указал следующее: 1) изъятие доли происходит с момента уведомления участника о принятом решении, 2) участник, чья доля в обществе изымается, должен быть защищен от неправомерных действий со стороны общества и его участников в части возможного неправомерного присвоения доли и лишения права на выплату стоимости доли, 3) в связи с этим общество и участники несут субсидиарную ответственность перед бывшим участником за выплату стоимости доли, если общество не предпринимает меры по удовлетворению требования о выплате стоимости доли, 4) данные положения также применяются и к исключению из общества в судебном порядке⁹.

На наш взгляд, текущее правовое положение бывшего участника в процедуре банкротства по крайней мере является спорным и неоднозначным. С одной стороны, на требование о выплате ДСД возлагаются корпоративные риски, которое должно нести лицо, которое может приобрести положительный эффект и извлечь прибыль. С другой стороны, в случае, когда оставшиеся участники злоупотребляют своим правом и не выплачивают действительную стоимость доли бывшему участнику, возникает вопрос, почему бывший участник не может требовать возбуждения дела о банкротстве?

Нормативным обоснованием служит закрепленное в ст. 4 Закона о банкротстве исключение из перечня денежных обязательств и обязательных платежей, наличие которых предполагает возможность возбуждения дела о банкротстве, денежных обязательств перед учредителями (участниками) должника, вытекающие из такого участия. Суды также указывают на недопустимость разрешения корпоративного конфликта посредством процедуры банкротства¹⁰.

Однако может возникнуть ситуация, при которой 1) общество будет надлежаще исполнять свои обязательства в отношении других контрагентов, 2) и не будет выплачивать ДСД бывшему участнику ввиду корпоративного конфликта, 3) активы общества будут скрыты, ввиду чего принудительное исполнение решения суда станет затруднительным.

Таким образом, бывший участник общества в сути останется с «голым правом», имея законное и подтвержденное судом основание для взыскания ДСД с процентами по ст. 395 ГК РФ, но без возможности фактически его реализовать.

Возможным представляется наделение правом возбуждения дела о банкротстве по заявлению бывшего участника общества ввиду утраты корпоративного контроля и возможности влиять на принимаемые обществом решения. В отдельных судебных актах данная позиция находит поддержку, но неминуемо влечет отмену судебного акта судом вышестоящей инстанции.

Так, суд первой инстанции указал, что ввиду наличия задолженности по выплате ДСД, просроченной более чем на 3 месяца, в отношении общества вводится процедура наблюдения. Вместе с тем суд не нашел оснований для включения требования бывшего участника в третью очередь реестра кредиторов с опорой на то, что бывший участник за период нахождения в обществе обладал корпоративными правами, имел возможность получать неограниченную прибыль, имел доступ к инсайдерской информации, ввиду чего его права не могут быть приравнены к правам независимого кредитора¹¹.

Однако суд апелляционной инстанции отменяя решение суда первой инстанции, отметил, что данное требование не учитывается для определения признаков банкротства, тем самым бывший участник не вправе инициировать процедуру банкротства.

На наш взгляд, при наличии, на данный момент у бывшего участника исключительно двух прав в отношении корпорации: 1) требовать выплаты ДСД, 2) требовать

⁹ BgH Urteil vom 11.07.2023 — II ZR 116/21.

¹⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.12.2025 по делу № А40-26382/2023.

¹¹ Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.04.2024 по делу № А56-109799/2023.

предоставления информации, связанной с порядком определения ДСД — возможным представляется смягчить общий подход и предоставить бывшему участнику инициировать процедуру банкротства общества в случае невыплаты ему ДСД в установленный срок.

Хотя и требование по выплате ДСД имеет корпоративную природу, оно не может быть обеспечено корпоративными способами защиты и чем дольше участнику не выплачивают действительную стоимость доли, тем меньше становится корпоративный интерес бывшего участника в отношении корпорации и больше имущественный интерес в получении денежного эквивалента доли.

Нормативным обоснованием возможности возбуждения процедуры банкротства бывшим участником общества может стать пункт 14 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) в соответствии с которым кредитор, требование которого признано подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты, обладает процессуальными правами лица, участвующего в деле о банкротстве.

При этом данное положение не носит бесспорный характер, поскольку процедура банкротства может стать «рычагом давления» на участников гражданского оборота и злоупотребления со стороны бывших участников, в связи с чем предпочтительным является расширение способов защиты прав бывшего участника хозяйственного общества на «добанкротной стадии».

Так, в период до начала процедуры банкротства хозяйственного общества бывший участник обладает отдельными правами, обеспечивающими возможность реализовать право на получение ДСД.

Основным правом бывшего участника ООО является право на получение ДСД. При прекращении корпоративных отношений между обществом и участником обязательным последствием является выплата ДСД или выдача в натуре бывшему участнику имущества такой же стоимостью.

Как отмечает В. А. Лаптев, выплата ДСД в уставном капитале ООО является своеобразной финансовой гарантией участников по возврату вложенных инвестиций в случае прекращения членства в корпоративной организации¹².

Интерес представляет мнение О. И. Босык, которая обосновывает выплату за выход участника из ООО компенсационным характером, который выражается в возмещении потерь на будущее лица по причине неосуществления особого вида экономической деятельности¹³.

Вспомогательным правом бывшего участника является право требовать предоставления информации о деятельности общества.

Верховный Суд РФ в п. 4 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) систематизировал на уровне практики высшей судебной инстанции право бывшего участника хозяйственного общества на информацию.

Согласно разъяснениям, лицо, которому общество обязано выплатить ДСД, вправе требовать предоставления информации о деятельности общества, связанной с определением ДСД, подлежащей выплате обществом. Требование подлежит удовлетворению, если оно заявлено о предоставлении документов необходимых для проверки правильности расчета ДСД принадлежавшей истцу доли в уставном капитале.

А. Н. Беседин подчеркивает, что сохранение за бывшим участником хозяйственного общества права на получение информации о деятельности общества связано с необходимостью обеспечения и защиты его прав¹⁴.

¹² Лаптев В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3.

¹³ Босык О. И. Правовая природа компенсации за выход участника из общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2025. № 4. С. 17.

¹⁴ Беседин А. Н. Указ. соч. С. 213.

Данные разъяснения направлены на защиту прав бывшего участника на получение достоверной информации о деятельности общества, связанной с определением ДСД, подлежащей выплате обществом, что в совокупности направлено на справедливую оценку стоимости его доли в обществе.

Как отмечает Верховный Суд РФ, объем информации, на получение которой имеет право бывший участник, не ограничивается одной лишь бухгалтерской и налоговой отчетностью, в которой сведения о финансово-хозяйственной деятельности хозяйственного общества представлены в наиболее общем виде¹⁵. В связи с этим СКЭС ВС РФ указала, что суд первой инстанции законно возложил обязанности по предоставлению бухгалтерской отчетности и налоговых деклараций, регистра бухгалтерского учета, договоров, актов сверок взаимных расчетов с контрагентами и актами инвентаризации.

Данный подход является оправданным с учетом количества споров, связанных с определением ДСД ввиду недостоверности информации, отраженной в бухгалтерской отчетности, и ее недостаточности для оценки реального состояния общества в момент прекращения корпоративного статуса бывшего участника.

Вместе с тем право на информацию бывшего участника не носит абсолютный характер и суды в каждом конкретном случае оценивают необходимость предоставления отдельной документации.

Так, бывшему участнику хозяйственного общества может быть отказано в удовлетворении требования о предоставлении информации, если будет доказано, что его право на информацию обществом не нарушено. Об этом может свидетельствовать неоднократное заявление требований о предоставлении одних и тех же документов, заявление требования о предоставлении информации и документов, не относящихся к периодам деятельности хозяйственного общества, не влияющего на определение размера ДСД.

В одном из дел Арбитражный суд Московского округа указал, что суды правомерно отказали в удовлетворении исковых требований с учетом наличия злоупотребления правом ввиду передачи необходимых документов для определения ДСД в рамках другого дела, что свидетельствует об инициировании процесса для причинения вреда обществу¹⁶.

В другом деле суд апелляционной инстанции указал, что участник вправе требовать предоставление бухгалтерской отчетности исключительно за последний отчетный период, предшествующий дате перехода к обществу доли¹⁷.

Одним из проблемных аспектов при реализации права на выплату ДСД является возможное недобросовестное поведение со стороны общества и других участников общества, направленное на искажение бухгалтерской отчетности, внесение недостоверных записей, искусственному завышению общей задолженности перед кредиторами в целях снижения размера ДСД бывшего участника.

В связи с этим Верховный Суд РФ в п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025) отметил, что в случае предоставления истцом, заявляющим о выплате ДСД, доказательств возможного завышения долгов общества, бремя доказывания обстоятельств, подтверждающих действительную сумму задолженности, возлагается на общество.

В рассматриваемом деле приведены следующие фактические обстоятельства: 1) участник общества подал заявление о выходе из общества, 2) ДСД была определена в размере 1 000 000 руб. и выплачена участнику, 3) участник не согласился с размером выплаченной ДСД, полагая, что выплата должна составлять 22 349 000 руб.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 23.10.2025 № 306-ЭС25-5519 по делу № А12-24638/2023.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.10.2025 по делу № А41-51744/2024.

¹⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2025 по делу № А40-267609/2024.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований, констатируя недоказанность недостоверности бухгалтерской отчетности общества за 2021 г. с учетом приказа Минфина России от 28.08.2014 № 84н и заключения судебной экспертизы, в котором было отражено, что рыночная стоимость чистых активов общества имеет отрицательную величину¹⁸.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда первой инстанции.

СКЭС ВС РФ, направляя дело на новое рассмотрение, указала следующее. Кредиторская задолженность возникла на основании договора поставки и неоднократно уступалась. Конечным потребителем задолженности являлось общество, аффилированное с контролирующим участником ответчика, не имеющее сотрудников и не осуществляющее экономической деятельности. Общество должно было предпринять мероприятия по списанию не востребовавшей кредиторской задолженности. Непринятие мер по списанию повлияло на сведения бухгалтерского баланса и, соответственно, размер задолженности¹⁹.

Названные обстоятельства указывают на возможное искусственное завышение задолженности для целей уменьшения ДСД, что и должно было вызвать обоснованные сомнения у судов всех инстанций. Иное приводило бы к тому, что выходящий участник общества, не имея возможности осуществления контроля за достоверностью бухгалтерской отчетности, не смог бы представить доказательства заведомо недобросовестного занижения ДСД и, как следствие, неправомерно был бы лишен стоимости принадлежащего ему имущественного актива²⁰.

С одной стороны, Верховный Суд РФ закрепляет устоявшийся подход, в соответствии с которым суд при установлении рыночной ДСД не может ограничиваться выводами эксперта, не сопоставив их с объективными данными об имущественных активах общества²¹.

С другой стороны, игнорирование недостоверной бухгалтерской отчетности при определении размера ДСД в связке с наличием права на предоставление информации о деятельности общества, необходимой для определения размера ДСД, может быть рассмотрено в качестве шага в сторону предоставления бывшему участнику права на оспаривание сделок, влияющих на размер ДСД, подлежащей выплате.

В данном случае перед законодателем и правоприменителем стоит вопрос выбора модели регулирования правового статуса бывшего участника при взыскании ДСД: а) разрешение вопроса о наличии недостоверных сведений в бухгалтерской документации общества в рамках спора о выплате ДСД с дискрецией суда в случае возникновения сомнения касательно достоверности информации б) предоставления права на взыскание убытков в самостоятельном процессе, в) сохранение «квазикорпоративного статуса» до момента выплаты ДСД.

Верховный Суд РФ закрепил первый подход в Обзоре судебной практике № 3 (2025) от 08.10.2025.

В таком случае судам надлежит ставить перед экспертом следующие, помимо основных, вопросы: 1) как изменения показателей дебиторской/кредиторской задолженности в балансе изменяют стоимость чистых активов? 2) возможно ли списание дебиторской/кредиторской задолженности? 3) какова действительная стоимость доли без учета дебиторской/кредиторской задолженности?

Ответы на данные вопросы в любом случае будут влечь за собой несогласие со стороны бывшего участника или общества и становиться поводом к назначению дополнительной или повторной экспертизы. Дополнительно возрастает дискреция

¹⁸ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.04.2024 по делу № А40-102166/2023.

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 25.04.2025 № 305-ЭС24-23344 по делу № А40-102166/2023.

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 25.03.2025 № 305-ЭС24-23344 по делу № А40-102166/2023.

²¹ Определения Верховного Суда РФ от 19.08.2019 № 301-ЭС17-18814 по делу № А43-1397/2017, от 22.07.2015 № 305-ЭС15-1819 по делу А40-8084/2012.

суда, поскольку ему надлежит выбрать из нескольких полярных вариантов размер ДСД или найти компромиссный.

Остается неразрешенным и вопрос злоупотреблений со стороны других участников по выводу активов из общества и их отражению на бухгалтерском балансе, поскольку формально бухгалтерский баланс будет достоверным без признания спорных сделок недействительными.

Вторым подходом является предоставление возможности предъявления самостоятельного требования о взыскании убытков в случае, если бухгалтерская отчетность изменена и суд взыскивает действительную стоимость доли по компромиссному или меньшему размеру. В данном случае возможно помыслить предоставление права на взыскание убытков бывшему участнику с генерального директора и других участников хозяйственного общества ввиду заключения сделок, в результате которых ДСД уменьшилась, и презумпции необходимости доказывания экономической обоснованности и реальности сделок.

Вместе с тем данный подход не будет отвечать ни принципу процессуальной экономии, ни адекватности регулирования.

Обоснование третьего альтернативного подхода представляется возможным через сохранение синаллагматической связи бывшего участника и общества и переход в ликвидационную стадию договора²² о ведении общего дела, в которой бывший участник до получения ДСД будет сохранять корпоративные права, позволяющие влиять на принимаемые решения, связанные с размером ДСД. А. В. Егоров отмечает, что в немецком правопорядке существовало сходное решение²³.

На наш взгляд, с одной стороны, рецепция данного подхода возможна, поскольку требование о выплате ДСД носит корпоративный характер, а не обязательственный. С другой стороны, возможно злоупотребление правом бывшим участником.

В связи с этим необходимо предусмотреть возможность оспаривания сделок и решений органов управления, влекущих изменение размера ДСД и/или невозможности ее выплаты. Участник дополнительно должен будет доказать наличие заинтересованности в оспаривании и влиянии принятого решения или заключенной сделки на размер ДСД.

Примером может послужить следующая ситуация. В обществе 1 состоят 3 участника. Участник А (20 % долей в уставном капитале общества) подал заявление о выходе из общества, участник Б (35 % долей в уставном капитале общества) также подал заявление о выходе после участника А. Участник В (45 % долей в уставном капитале общества), одновременно являющийся генеральным директором общества 1, выплатил действительную стоимость доли участнику Б земельным участком, являющимся основным и единственным активом общества 1, с целью невозможности выплаты ДСД участнику А. В дальнейшем участник Б создает общество 2, осуществляющее сходную хозяйственную деятельность с обществом 1.

В данном случае возникает вопрос о наличии возможности оспаривания выплаты ДСД участнику Б. На наш взгляд, возможно предоставить право оспаривания сделки участнику А по корпоративным основаниям (ст. 174 ГК РФ).

Сходное регулирование представляется возможным и в иных менее явных ситуациях, в которых совершаются крупные сделки и сделки заинтересованностью или принимается решение о реорганизации, увеличении или уменьшении уставного капитала общества.

Данная идея обосновывается синаллагматической связью бывшего участника и общества ввиду наличия специфических отношений по выплате ДСД. В данном случае лицо, не являющееся внешним кредитором, фактически наделяется механизмом внеконкурсного оспаривания сделок, заключенных во вред бывшему участнику вне

²² Егоров А. В. Ликвидационная стадия обязательства // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9. С. 6–27.

²³ Егоров А. В., Кузнецов А. А. Либо ты управляешь своими деньгами и не отчитываешься ни перед кем, либо ты управляешь чужими и отчитываешься в том или ином объеме // Цивилистика. 2022. № 2. С. 17.

процедуры банкротства. Данный подход находит отражение в отдельных судебных актах²⁴ и представляется справедливым.

В таком случае представляется разумным предъявление требований об оспаривании сделки с пороком в отдельном судебном процессе и приостановление производства о выплате ДСД до рассмотрения дела об оспаривании сделки на основании п. 1 ч. 1 ст. 143 АПК РФ. Невозможным представляется уточнение исковых требований или соединение требований в рамках одного процесса ввиду разных предметов и оснований исковых требований.

Таким образом, способы защиты прав бывшего участника хозяйственного общества возможно классифицировать на 1) основной способ защиты, 2) вспомогательные способы защиты, 3) факультативный способ защиты. К основному способу защиты прав относится право требовать выплаты ДСД как во внесудебном, так и в судебном порядке. Для обеспечения эффективности реализации основного способа защиты бывший участник вправе воспользоваться вспомогательным способом — правом требовать предоставления информации о деятельности общества, связанной с определением ДСД. В случае отказа в удовлетворении требования о выплате ДСД или фактической невозможности участник вправе воспользоваться факультативным способом защиты — взысканием убытков с контролирующих общество лиц в связи с невыплатой ДСД.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беседин А. Н. О правах бывших участников хозяйственных обществ на получение информации об их деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 8. — С. 209–214.
2. Босык О. И. Правовая природа компенсации за выход участника из общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. — 2025. — № 4. — С. 17–25.
3. Егоров А. В. Ликвидационная стадия обязательства // Вестник ВАС РФ. — 2011. — № 9. — С. 6–27.
4. Егоров А. В., Кузнецов А. А. Либо ты управляешь своими деньгами и не отчитываешься ни перед кем, либо ты управляешь чужими и отчитываешься в том или ином объеме // Цивилистика. — 2022. — № 2. — С. 4–22.
5. Лаптев В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. — 2024. — № 4. — С. 3–36.

REFERENCES

1. Besedin AN. On the rights of former members of business companies to receive information about their activities. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;8:209-214. (In Russ.).
2. Bosyk OI. The legal nature of compensation for the withdrawal of a participant from a limited liability company. *Economy and Law*. 2025;4:17-25. (In Russ.).
3. Egorov AV, Kuznetsov AA. Either you manage your money and do not report to anyone, or you manage strangers and report in one volume or another. *Civilistics*. 2022;2:4-22. (In Russ.).
4. Egorov AV. Liquidation stage of the obligation. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 2011;9:6-27. (In Russ.).
5. Laptev VA. Payment of the actual value of the share in the authorized capital of a limited liability company. *Economy and Law*. 2024;4:3-36. (In Russ.).

²⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.09.2024 по делу № А14-16573/2018, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.05.2020 по делу № А59-5607/2017.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.072-076

РАКУРС

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ КРИТЕРИЕВ КОММЕРЧЕСКОЙ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ В СПОРАХ О НЕОБОСНОВАННОЙ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЕ

Чубукин Роман Алексеевич,
магистрант, Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
163002, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17
chubukin.r@edu.narfu.ru

© Чубукин Р. А., 2026

Аннотация. В статье исследуются критерии коммерческой осмотрительности при выборе контрагента в российском налоговом праве с учетом подходов ФНС России и судов. Выявляются противоречия применения этих критериев. Отсутствие четко сформулированных критериев формирует правовую неопределенность и повышенные налоговые риски. На примерах споров о необоснованной налоговой выгоде доказывается необходимость систематизации и законодательного закрепления предсказуемых стандартов осмотрительности для обеспечения баланса интересов государства и бизнеса.

Ключевые слова: должная осмотрительность; коммерческая осмотрительность; необоснованная налоговая выгода; выбор контрагента; правовая неопределенность; добросовестность налогоплательщика

PROBLEMS OF LEGAL CERTAINTY IN THE CRITERIA FOR COMMERCIAL PRUDENCE IN DISPUTES OVER UNJUSTIFIED TAX BENEFITS

Roman A. Chubukin,
Master's Student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (NArFU)
chubukin.r@edu.narfu.ru

Abstract. The paper examines the criteria of commercial due diligence in the selection of counterparties under Russian tax law, taking into account the approaches developed by the Federal Tax Service of Russia and the courts. The study identifies inconsistencies in the application of these criteria. The absence of clearly articulated standards creates legal uncertainty and increases tax-related risks. Using disputes concerning unjustified tax benefits as illustrative examples, the study demonstrates the necessity of systematizing and legislatively codifying predictable due diligence standards in order to ensure an appropriate balance between the interests of the state and the business community.

Keywords: due diligence; commercial prudence; unreasonable tax benefit; counterparty selection; legal uncertainty; taxpayer integrity

В последние годы в Российской Федерации отмечается усиление налогового контроля, сопровождающееся ростом числа налоговых споров, связанных с доначислением налогов в связи с получением необоснованной налоговой выгоды. Основанием для таких доначислений нередко служат выводы налоговых органов о неправомерном применении налоговых вычетов по сделкам с контрагентами, не исполняющими налоговые обязанности. В подобных случаях контрагенты либо не отражают соответствующие операции в отчетности, либо формально соблюдают требования законодательства, искусственно занижая налоговые обязательства. При этом налоговые органы, предъявляя претензии налогоплательщикам, ссылаются на отсутствие должной осмотрительности при выборе деловых партнеров, рассматривая данную категорию как ключевой критерий оценки добросовестности и основание для вывода о получении необоснованной налоговой выгоды.

Однако на практике налоговое законодательство не содержит четких и формализованных правил, однозначно подтверждающих добросовестность налогоплательщика при выборе контрагентов. Стандарты должной осмотрительности формируются преимущественно в судебной практике и разъяснениях федеральных органов исполнительной власти, что обуславливает высокую степень правовой неопределенности. В результате налогоплательщики вынуждены ориентироваться на изменяющиеся судебные подходы и официальные письма ФНС России, не обладающие нормативным характером.

Отправной точкой формирования доктрины должной осмотрительности в судебной практике стало постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»¹. Пункт 10 постановления прямо указывает, что «налоговая выгода может быть признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности, и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных его контрагентом». Таким образом, критерий оценки налогоплательщика учитывает не только формальное оформление документов, но и содержание его действий с точки зрения разумной и добросовестной деловой практики.

Данный подход стал важным инструментом в борьбе с получением необоснованной налоговой выгоды. Фактически должная осмотрительность начала использоваться как средство преодоления чрезмерного формализма и как способ возложения на налогоплательщика обязанности по оценке надежности и добросовестности своих контрагентов. Она позволила судам и налоговым органам последовательно пресекать схемы с техническими компаниями, и усилило защиту публичных интересов в сфере налогообложения. Одновременно введение должной осмотрительности сформировало дискуссии о границах ответственности налогоплательщика и объеме его проверочных обязанностей.

Несмотря на ключевое значение в правоприменении, категория «должная осмотрительность» не получила нормативного закрепления. В постановлении термин использован без раскрытия правового содержания: отсутствует легальное определение и перечень действий или документов, подтверждающих ее проявление.

На законодательном уровне соответствующее понятие также не было закреплено, финансово-правовые органы ограничивались лишь разъяснениями общего характера. Так, согласно позиции Министерства финансов Российской Федерации, «налогоплательщик вправе самостоятельно определять способы выявления неблагонадежных контрагентов и принимать решения о целесообразности сотрудничества с ними на основании полученной информации»². Подобный подход фактически

¹ Вестник ВАС РФ. 2006. № 12, декабрь.

² Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 23.12.2016 № 03-01-10/77642 «Об оценке рисков при выборе контрагентов, а также о закупках товаров, работ, услуг государственными и муниципальными унитарными предприятиями».

возлагал на субъекта предпринимательской деятельности обязанность создавать собственные механизмы проверки, оставляя рамки этих процедур размытыми.

Некоторую конкретизацию стандарту должной осмотрительности ФНС России попыталась придать через разъяснительные письма. В письме от 23.03.2017 № ЕД-5-9/547@ «О выявлении обстоятельств необоснованной налоговой выгоды» указано, что налогоплательщик должен проверить и документально подтвердить, в частности: опыт контрагента; полномочия руководителя; достоверность удостоверяющих личность документов; а также обосновать выбор партнера, оценить условия сделки и ее коммерческую привлекательность. В письме от 12.05.2017 № АС-4-2/8872 добавлено требование документировать сведения о регистрации контрагента, юридический и фактический адрес, а также сведения о площадях, необходимых для ведения деятельности³. Эти письма подчеркивают необходимость проверки не только формальных данных, но и фактического хозяйственного потенциала контрагента.

Однако в судебной практике рекомендации ФНС нередко трактовались чрезмерно пробюджетно: налогоплательщикам вменялся строгий стандарт должной осмотрительности, и даже базовые проверки считались недостаточными.

Ситуация изменилась в 2020 г., когда Верховный Суд РФ в определении от 14.05.2020 по делу № 307-ЭС19-27597 сформулировал более взвешенный и дифференцированный подход к оценке проявления должной осмотрительности.

В данном деле АО «Специализированная производственно-техническая база Звездочка» заключило договор поставки с «СК-Лоджистик» на 2 586 848 руб., заявив к вычету НДС 391 992 руб. Суды первой и апелляционной инстанций признали налогоплательщика недобросовестным, ссылаясь на минимальные ресурсы контрагента и отсутствие подтверждений реальной деятельности. Верховный Суд отменил эти решения, указав, что объем обязанностей зависит от размера и регулярности операций, специфики товаров и услуг, коммерческих условий сделки и опыта исполнения контрагентом аналогичных обязательств; для обычных сделок на незначительные суммы не требуется глубокая проверка контрагента⁴. Таким образом, Верховный Суд дифференцировал уровень должной осмотрительности в зависимости от характера и условий конкретной сделки.

Вслед за позицией, выраженной Верховным Судом, ФНС России в письме от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» закрепила аналогичный дифференцированный подход к проявлению должной осмотрительности, и предложила расширенный перечень минимально необходимых условий, подтверждающих проявление должной осмотрительности.

Тем не менее даже детализированные рекомендации не устраняют правовую неопределенность: перечни действий и источников информации носят рекомендательный характер, не являются исчерпывающими и не гарантируют признания действий налогоплательщика достаточными. Это приводит к отсутствию единообразия в судебной практике, когда по одним и тем же обстоятельствам суды выносят диаметрально противоположные решения.

В постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда рассматривался спор, связанный с доначислением НДС в сумме 15 351 779 руб., а также начислением соответствующих пени и штрафов⁵. Налоговая инспекция исходила из того, что контрагенты налогоплательщика обладали признаками проблемных

³ Широкова Е. В. Проявление налогоплательщиком «должной осмотрительности» при выборе контрагента // Актуальные проблемы финансирования и налогообложения АПК в условиях глобализации экономики : сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 15–16 марта 2023 г. Пенза : Пенз. гос. аграр. ун-т, 2023. С. 157.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597 по делу № А42-7695/2017.

⁵ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2019 № 17АП-14994/2019-АК по делу № А50-13816/2019.

организаций и фактически не осуществляли поставку товарно-материальных ценностей. Суд признал решение инспекции недействительным, указав, что при совершении незначительных сделок действия налогоплательщика могут считаться осмотрительными, даже если проверка сведений о контрагенте ограничивалась данными открытых источников, таких как ЕГРЮЛ и официальный сайт ФНС России. При этом суд сослался на письмо Минфина России, признающее меры проверки регистрации контрагента, доверенности и открытых источников достаточными для демонстрации должной осмотрительности⁶.

Суд также отметил, что налогоплательщик не обязан проверять сведения, недоступные в открытом доступе, включая наличие имущества или финансовое состояние контрагента. Вывод суда поддержала кассационная⁷ инстанция.

В ряде судебных актов подчеркивается, что обязанность проявлять повышенную осмотрительность не презюмируется: налоговые органы должны доказать, что характер сделки или сведения о контрагенте требовали углубленной проверки. При отсутствии такого обоснования стандартные меры проверки считаются достаточными для подтверждения добросовестности⁸.

В то же время судебная практика демонстрирует и иной подход, когда стандартные меры проверки контрагента признаются недостаточными. В постановлении Арбитражного суда Центрального округа суд указал, что государственная регистрация и предоставление стандартного пакета учредительных документов подтверждают лишь юридический факт существования организации, но не ее способность вести реальную экономическую деятельность. Суд заключил, что налогоплательщик, ограничившийся сбором регистрационных сведений, не проявил должной осмотрительности⁹. Данный подход демонстрирует высокие требования к налогоплательщику. Простая проверка регистрации отражает лишь формальный уровень анализа и не гарантирует отсутствия рисков, тогда как чрезмерное расширение «обязательных» проверок без нормативного закрепления создает правовую неопределенность. Налогоплательщики не могут заранее предсказать, какие меры суд сочтет достаточными, и даже при соблюдении рекомендаций ФНС России остаются в зоне риска.

Таким образом, в современном российском правовом порядке институт должной осмотрительности при выборе контрагента остается сферой высокой неопределенности. Как отмечают исследователи, в том числе Е. Г. Васильева, оценочные категории в налоговом праве продолжают порождать значительное количество судебных споров, что подтверждает практическую сложность применения соответствующих норм¹⁰. Существующие подходы ФНС России и судебная практика показывают необходимость дальнейшей систематизации и законодательного закрепления четких критериев коммерческой осмотрительности. Только формирование более предсказуемых и универсальных правил позволит снизить правовые и экономические риски для добросовестных налогоплательщиков.

⁶ Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 10.04.2009 № 03-02-07/1-177 «О добросовестности налогоплательщика при заключении сделок с контрагентами».

⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.03.2020 № Ф09-471/20 по делу № А50-13816/2019.

⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.09.2024 № Ф09-4769/24 по делу № А34-15567/2022.

⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.08.2023 № Ф10-3196/2023 по делу № А54-9974/2021.

¹⁰ Васильева Е. Г. Налоговая выгода : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 151.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васильева Е. Г. Налоговая выгода : монография. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 176 с.
2. Широкова Е. В. Проявление налогоплательщиком «должной осмотрительности» при выборе контрагента // Актуальные проблемы финансирования и налогообложения АПК в условиях глобализации экономики : сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 15–16 марта 2023 г. — Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2023. — С. 156–159.

REFERENCES

1. Shirokova EV. The taxpayer's manifestation of «due diligence» when choosing a counterparty. Actual problems of financing and taxation of the agro-industrial complex in the context of the economy globalization. *Collection of papers of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, March 15–16, 2023*. Penza: Penza State Agrarian University Publ.; 2023. (In Russ.).
2. Vasilieva EG. Tax Benefit. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2015. (In Russ.).

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ АКТОВ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Янкин Кирилл Евгеньевич,

студент 5-го курса юридического факультета НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., д. 3, корп. 1

© Янкин К. Е., 2026

Аннотация. Статья посвящена основным этапам оформления института обжалования решений, действий (бездействия) должностных лиц и органов государственного управления в советском правовом порядке, положенного в основу института обжалования административных актов в современном российском правовом порядке. Подробно исследована разработка специального порядка обжалования административных актов в СССР. Выявлены причины, по которым специальный закон был принят лишь спустя 12 лет после утверждения Конституции СССР 1977 г., которая закрепила необходимость разработки и принятия соответствующего нормативного правового акта. С опорой на архивные документы описаны этапы законотворческого процесса, обозначены мнения ученых-юристов о судебном контроле за административными актами, а также приведены причины приостановки работы над проектом закона. Автором проведен сравнительный анализ первой редакции проекта закона, которая была подготовлена ответственной комиссией и разослана в советы министров союзных республик для замечаний и предложений, с законами, которые принимались в 1987 и 1989 гг. В заключительной части отмечено, что вопросы, которые поднимались в начале разработки специального закона в советский период, могут быть актуальны для современных законодателей на постсоветском пространстве в области права административных процедур.

Ключевые слова: законотворческий процесс; советское государство и право; судебное обжалование; неправомерные действия органов государственного управления; обжалование административных актов; административные процедуры

THE EMERGENCE OF THE INSTITUTION FOR APPEALING ADMINISTRATIVE ACTS IN THE LATE SOVIET PERIOD

Kirill E. Yankin,

5th Year Undergraduate Student, Faculty of Law, Higher School
of Economics (HSE) St. Petersburg

Abstract. The paper is devoted to the principal stages in the development of the institution of appeals against decisions, actions, and omissions to act of officials and public administrative bodies within the Soviet legal order, which subsequently served as

the foundation for the institution of appealing against administrative acts in contemporary Russian law. The study provides a detailed examination of the development of a special procedure for appealing administrative acts in the USSR. It identifies the reasons why the relevant special law was adopted only twelve years after the enactment of the 1977 Constitution of the USSR that had expressly mandated the drafting and adoption of such legislation. Drawing upon archival materials, the author describes the stages of the legislative process, outlines the views of legal scholars concerning judicial review of administrative acts, and discusses the reasons for the suspension of work on the draft law. The paper also presents a comparative analysis of the initial version of the draft law elaborated by the responsible commission and distributed among the Councils of Ministers of the Union republics for comments and proposals, with the laws ultimately adopted in 1987 and 1989. In conclusion, the author notes that the issues raised during the early development of special legislation in the Soviet period may remain relevant for contemporary lawmakers in post-Soviet states in the field of administrative procedural law.

Keywords: legislative process; Soviet state and law; judicial appeal; unlawful actions of government bodies; appeal of administrative acts; administrative procedures

ВВЕДЕНИЕ

Право на обжалование административных актов является важным элементом правовой системы государства, в котором гарантируются и обеспечиваются права и свободы граждан. Конституция СССР 1977 г. в качестве основного направления развития политической системы советского общества обозначила дальнейшее развитие социалистической демократии посредством в том числе укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. В связи с обозначенным в советский период вектором в сторону укрепления правовой основы государства, что может быть достигнуто путем эффективной системы проверки законности актов, затрагивающих гарантированные в основном законе права и свободы граждан, было принято решение наделить граждан СССР правом обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов. В юридической литературе справедливо отмечают, что учреждение такого института в советский период легло в основу строительства современного правового государства в России¹.

Принятие властными органами специального законодательства в области обжалования административных актов является ключевым этапом обеспечения конституционных прав, гарантированных в абстрактных конституционных нормах. Еще в ст. 80 проекта Конституции 1964 г. планировалось закрепить право граждан на «судебное обжалование неправильных действий государственных органов, общественных организаций и должностных лиц, а также на возмещение ущерба, причиненного этими действиями»². Однако этот проект так и не был принят.

В дальнейшем право на обжалование административных актов было закреплено в Конституции СССР 1977 г. Процесс разработки и принятия этого документа подробно изложен в работе И. Н. Стрекалова³. Принятие новой Конституции СССР оказало существенное влияние на дальнейшее развитие советского законодательства

¹ Мегрелидзе М. Р. Становление института разрешения административно-правовых споров. М. : Юриспруденция, 2008. 120 с.

² Конституция Союза Советских социалистических республик. Основной закон. Проект, 1964 г. // Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М. : Олма-пресс, 2002. С. 419.

³ Стрекалов И. Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М. : Алгоритм, 2018. 432 с.

в плане его систематизации и разработки новых законов⁴. Специальный закон в области обжалования административных актов был принят только в 1987 г., а затем заменен в 1989 г.

В связи с этим исследовательский интерес вызывают причины, по которым власти откладывали вопрос разработки и принятия акта во исполнение конституционных предписаний о механизме защиты интересов граждан в условиях государственного управления. Цель настоящей статьи — исследовать процесс разработки специального акта, направленного на реализацию права на обжалование административных актов советскими гражданами в период 1978–1983 гг. Кроме того, будет проведено сравнение первоначальной редакции законопроекта с принятым в итоге законом.

Актуальность настоящего исследования связана с тем, что в России до сих пор не принят кодифицированный акт в области административных процедур⁵, который должен не привести административный порядок обжалования к гарантиям, предоставленным на этапе судебного обжалования, а формализовать досудебное административное производство как одну из форм административно-процессуальной деятельности⁶. В связи с этим представляется важным изучить, с какими препятствиями могли столкнуться предшественники современного законодателя при регулировании порядка обжалования актов публичной администрации советскими гражданами. В правовой доктрине до сих пор не были исследованы правовые причины, по которым советский законодатель мог приостановить законопроектную деятельность в области обжалования административных актов вопреки предписаниям основного закона страны.

РАЗРАБОТКА ЗАКОНА О ПОРЯДКЕ ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В советской доктрине права до принятия Конституции 1977 г. обсуждалась возможность оспаривания действий должностных лиц и органов государственного управления⁷. Ученые-юристы пытались спорить о том, какую роль играло административное усмотрение при принятии решения и его проверке. Советский правовед Д. М. Чечот отмечал в одной из своих работ: «В тех случаях, когда совершение административного действия зависит исключительно от усмотрения административного органа, контроль судебных органов должен быть исключен. Если бы судебный контроль в таких случаях был установлен, это <...> означало бы, что судебные органы должны были разрешать спор, который не носит правового характера»⁸. Данная точка зрения была преобладающей в юридической науке.

А. А. Мельников отмечал, что рассмотрение судом жалобы на негативное решение органов власти и их должностных лиц должно быть прямо закреплено в законодательстве, регулирующем конкретную сферу правоотношений⁹. Д. Н. Бахрах также полагал, что суды не могут разрешать споры между гражданами и администрацией,

⁴ См., например: Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2021. 414 с.

⁵ Кукса Т. Л. Роль и место процедур досудебного обжалования в контроле за сферой государственного управления, или перспективные направления административной и судебной реформ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 1. С. 86.

⁶ Старилов Ю. Н. От многолетней дискуссии к принятию федерального закона «Об административных процедурах» // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2017. № 4 (31). С. 16–18.

⁷ Боннер А. Т., Квиткин В. Т. Судебный контроль в области государственного управления : учебное пособие. М. : Изд-во Московского университета, 1973. 112 с.

⁸ Цит. по: Соловей Ю. П. Развитие правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной проверке законности реализации административного усмотрения // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 4. С. 539–540.

⁹ Соловей Ю. П. Развитие правовых позиций Пленума Верховного Суда...

если за последней закреплено полномочие разрешать предоставление каких-то прав или благ¹⁰.

Таким образом, советская доктрина административного права до принятия Конституции СССР 1977 г. практически отвергала идею судебного контроля за деятельностью административных (управленческих) органов.

В статье 58 Конституции СССР 1977 г. указывалось следующее:

«Граждане СССР имеют право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов. Жалобы должны быть рассмотрены в порядке и в сроки, установленные законом.

Действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы в суд»¹¹.

В статье 56 Конституции РСФСР 1978 г. были закреплены те же права граждан¹².

В связи с тем, что единый акт об обжаловании отсутствовал, для унификации процесса требовалось принять единый акт об обжаловании. Масштабная законопроектная работа началась с издания 12 декабря 1977 г. постановления Президиума Верховного Совета СССР «Об организации работы по приведению законодательства Союза ССР в соответствие с Конституцией СССР», а также последующей инкорпорации новых актов в связи с опубликованием постановления ЦК КПСС, Президиума ВС СССР, Совмина СССР от 23.03.1978 № 229 «Вопросы Свода законов СССР».

В 1981 г. Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР, Верховным Судом СССР, Министерством внутренних дел СССР и Министерством финансов СССР совместно был подготовлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об обжаловании в суд действий должностных лиц, государственных и общественных органов, совершенных с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющих права граждан» (далее — проект Указа)¹³.

В первоначальной редакции проекта Указа было 10 статей. Он предусматривал значительное расширение судебного обжалования решений должностных лиц и органов государственного и общественного управления.

В статье I содержался перечень случаев, когда граждане могут обжаловать в суд действия должностных лиц, государственных и общественных органов. Стоит отметить, что перечень не был исчерпывающим, его дополнение допускалось в союзном и республиканском законодательствах. Среди них были, например:

- отказ в постановке на учет и снятие с учета на получение жилой площади граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий;
- отказ во внеочередном предоставлении жилого помещения в определенных законодательством случаях;
- отказ в назначении и выдаче пенсий и различных пособий;
- отказ в регистрации имущества, в отношении которого установлена обязательная регистрация;
- решение об оценке стоимости личной собственности гражданина;
- отказ в выдаче регистрационного удостоверения на занятие индивидуальной трудовой деятельностью;
- запрещение содержания скота и птицы в личной собственности;
- отказ в производстве регистрации акта гражданского состояния;

¹⁰ Соловей Ю. П. Развитие правовых позиций Пленума Верховного Суда...

¹¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

¹² Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 1–3.

— отказ администрации предприятия, учреждения, организации в выдаче и свидетельствовании верности копии документа, касающегося личных прав и интересов гражданина.

Отдельно стоит выделить упоминание п. 10 ст. I, в соответствии с которым обжаловать в суд предлагалось решение органов опеки или попечительства о порядке участия родителей при их раздельном проживании в воспитании детей.

В статье II было установлено, что рассмотрение таких дел производится по правилам гражданского судопроизводства с изъятиями, предусмотренными Указом. Статьей III устанавливался обязательный досудебный порядок обжалования в порядке подчиненности. По мнению составителей, такой подход будет способствовать дальнейшему укреплению социалистической законности, а главное — предупреждать вынесение незаконных решений, ущемляющих права граждан. Территориальная подсудность таких дел определялась по месту работы должностного лица либо нахождения государственного или общественного органа. В статье IV установлен срок обращения в суд с жалобой — 1 месяц с момента получения отказа в удовлетворении его жалобы в досудебном (административном) порядке либо со дня истечения срока для ответа на жалобу, установленного законодательством.

В статье V проекта Указа отмечалось, что если суд установит обоснованность жалобы гражданина, то он выносит следующее решение:

- о признании противоречащим закону полностью или частично действия должностного лица, государственного или общественного органа с возложением на него обязанности устранить препятствия для осуществления гражданином принадлежащего ему права;
- об обязании должностного лица, государственного или общественного органа в определенный срок совершить действие, в котором гражданина было неправомерно отказано.

Стоит отметить, что в обоих случаях суд не подменяет своими действиями органы управления, а лишь с формально-юридической точки зрения опосредует доступ гражданина к благу, проверив соответствие гражданина тем критериям, на соответствие которым осуществлял проверку административный орган.

На случай неисполнения должностным лицом решения суда в ст. VI проекта Указа было предусмотрено право суда своим определением подвергнуть такое лицо штрафу в размере до 100 руб. При этом уплата штрафа не освобождала должностное лицо от исполнения вынесенного по существу решения.

В статье VII проекта Указа предусматривалось освобождение граждан от уплаты государственной пошлины в случае обжалования действий должностных лиц, государственных и общественных органов. В статье VIII предлагались соответствующие поправки к ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29.06.1979 «О государственной пошлине».

В статьях IX и X поручалось Совету Министров СССР и Президиумам Верховных Советов союзных республик привести, соответственно, решения Правительства СССР и законодательство союзных республик в соответствие с проектом Указа.

Ожидаемо, что проект Указа не оставил равнодушными субъектов публичной администрации. В ноябре 1981 г. поступили замечания от Прокуратуры СССР в лице Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова, которые заключались в следующем: необходимо исключить п. 10 ст. I проекта Указа, поскольку такие отношения (о порядке участия родителей, проживающих отдельно, в воспитании совместных детей) не могут относиться к категории административно-правовых, а в ряде союзных республик (Украинской, Узбекской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР) такие дела рассматриваются в исковом порядке в случае обращения в суд одного из родителей, что может привести к подмене существа правоотношений¹⁴.

С учетом возражений Генерального прокурора СССР проект Указа был доработан и п. 10 ст. I был исключен. Статья IV была дополнена положением о возможности восстановления пропущенного срока в случае признания судом причины пропуска

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 4.

уважительной. Статья VI также претерпела изменения: вместо указания верхнего предела судебного штрафа поместили ссылку на ст. 406 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК союзных республик. Отметим, что до 1985 г. сумма штрафа была ограничена 50 рублями¹⁵.

Уточненный проект Указа был разослан 1 октября 1982 г. в исполнительные органы государственной власти союзных республик — Советы министров союзных республик. Ответы от них датируются октябрём 1982 г. Так, Совет министров Белорусской ССР в ответе от 19.10.1982 предложил следующее:

- исключить пп. 1 и 2 ст. I (отказ в постановке на учет и снятия с учета на получение жилой площади и отказ во внеочередном предоставлении жилой площади),
- дополнить редакцию ст. III и IV словами «либо органом, на который согласно законодательству возложено рассмотрение жалобы», поскольку в ряде случаев законодательство СССР предусматривает обжалование действий должностных лиц, государственных и общественных органов не в вышестоящий в порядке подчиненности орган, а в исполнительный комитет местного Совета народных депутатов¹⁶. Например, жалобы на решения образуемых на предприятиях комиссий по назначению пособий на детей малообеспеченным семьям в соответствии с Положением, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 25.09.1974 № 752, подлежали рассмотрению комитетом районного (городского) Совета.

Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам (далее — Госкомтруд СССР), Советы министров Эстонской ССР и РСФСР сделали важное замечание относительно буквального толкования ст. 58 Конституции СССР. В соответствии с ч. 2 упомянутой статьи в суд могут быть обжалованы только действия должностных лиц, но не действия государственных и общественных органов¹⁷. Этот момент станет ключевым при принятии решения о заморозке законопроекта.

Совет министров РСФСР и Госкомтруд СССР возражали против введения судебного обжалования отказа в назначении пенсии и решения об установлении размера пенсии, так как в соответствии с пп. 153 и 156 Положения 1972 г. о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, пенсии назначаются комиссиями по назначению пенсий, образуемыми исполкомами районных (городских) Советов народных депутатов, а жалобы на действие этих комиссий рассматриваются указанными исполкомами, в то время как судебный контроль прямо исключен¹⁸.

Кроме того, Совет министров РСФСР указывал, что в записке к проекту Указа требуется обоснование, почему нужно изменять существовавший порядок обжалования действий должностных лиц, государственных и общественных органов, чем он несовершенен, не приводились расчеты об объеме работы, которую предлагается возложить на суды¹⁹.

Стоит обратить внимание на то, что при разработке проекта Указа сотрудниками сектора современного буржуазного государственного права Института государства и права Академии наук СССР (ИГП АН СССР) изучался опыт обжалования в суд незаконных действий администрации в основных капиталистических странах (Великобритания, ФРГ, Франция, Швейцария, США, Япония), а также место административных судов (трибуналов) в системе зарубежных правопорядков²⁰. В. А. Туманов отмечал, что в США нет прокурорского надзора за законностью в деятельности государственных органов, в связи с чем «обжалование в суд неправомερных действий государственных органов власти на основе их неконституционности является для

¹⁵ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 40.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 18.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 21, 32, 35–36.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 21, 36.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 20.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 136. Д. 1111.

американских граждан практически единственной возможностью отстоять свои права»²¹.

Все предложения и замечания по данному проекту Указа были учтены и вынесены на обсуждение во время заседания Президиума Совета Министров СССР, о чем свидетельствует выписка из протокола заседания, датируемая 8 декабря 1982 г. в которой обращалось внимание, что в соответствии с ч. 2 ст. 58 Конституции СССР 1977 г. должен быть установлен порядок обжалования в суд только действий должностных лиц²².

Отметим, что в соответствии со ст. 4 Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик установлено, что суды рассматривают жалобы на действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, не только в порядке, но и в случаях, предусмотренных законом²³. Вероятно, именно этим может быть оправдано перечисление в ст. I проекта Указа конкретных решений публичной власти, которые можно обжаловать в суд.

Следует отметить, что в документах, сопровождавших дальнейшую законотворческую деятельность в области обжалования административных актов, указывалось, что в ряде нормативных актов уже распространена практика указания на конкретные случаи возможности обжалования решения в суд²⁴.

Законотворческая деятельность продолжилась в 1983 г. Этот год станет роковым для анализируемого проекта Указа. 19 августа 1983 г. на заседании комиссии, которая занималась разработкой проекта Указа, в лице В. И. Теребилова (Министр юстиции СССР), А. М. Рекункова (Генеральный прокурор СССР), Л. Н. Смирнова (Председатель Верховного Суда СССР), В. В. Федорчука (Министр внутренних дел СССР) и В. Ф. Гарбузова (Министр финансов СССР), Президиуму Совета Министров СССР было предложено отложить разработку унифицированного акта о порядке обжалования в суд незаконных действий должностных лиц и обсудить его необходимость при подготовке плана законопроектных работ на 1986–1990 гг. По их мнению, в дальнейшем реализация в законодательстве требований ст. 58 Конституции СССР 1977 г. должна идти путем издания специальных законов, предусматривающих конкретные случаи обжалования в суд действий должностных лиц. Это предложение было согласовано с аппаратом Президиума Верховного Совета СССР. В соответствии с выпиской из протокола заседания Президиума Совета Министров СССР от 14.09.1983 № 35, было решено согласиться с предложением по вопросу дальнейшей разработки проекта Указа²⁵.

В 1986 г. в своем докладе М. С. Горбачёв подчеркнул, что строжайшим образом должны соблюдаться демократические принципы правосудия, равенства граждан перед законом и другие гарантии, в связи с чем необходимо «уже в ближайшее время закончить подготовку предусмотренного Конституцией закона о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права гражданина»²⁶. В 1987 г. Политбюро обсудило ход подготовки этого закона и подчеркнуло, что «принятие Закона послужит дальнейшему развитию демократии, укреплению законности и повышению ответственности должностных лиц»²⁷.

30 июня 1987 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан», однако проект в ходе сессии был подвергнут серьезной критике со стороны депутатов, поэтому до вступления закона в силу 1 января 1988 г. законодательным

²¹ Туманов В. А. Небезосновательные претензии // Известия. 1986. 7 октября. С. 5.

²² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 37.

²³ Указ Президиума ВС СССР от 09.10.1979 № 886-X «О внесении изменений и дополнений в законодательство Союза ССР о гражданском судопроизводстве» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 42. Ст. 697.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 40.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 1349. Л. 45.

²⁶ Доклад товарища Горбачева М. С. // Известия. 1986. 26 февраля. С. 7.

²⁷ В политбюро ЦК КПСС // Советский Спорт. 1987. 3 апреля. С. 1.

комиссиям рекомендовано рассмотреть высказанные замечания до следующей сессии. О том, в чем они состояли, написал ведущий научный сотрудник ИГП АН СССР, д. ю. н. Р. З. Лившиц. Во-первых, каждый орган оберегал свою компетенцию от судебного контроля, наиболее компетентного, независимого и квалифицированного, во-вторых, расширение судебной юрисдикции могло привести к перегрузке судов и дефициту кадров, в связи с чем он констатировал, что возражения основаны лишь на ведомственных интересах и не учитывают интересов граждан, хотя в тех условиях демократизации их жизни именно им должен был быть отдан приоритет перед интересами тех или иных ведомств. Он также отмечал, что данный «проект закона готовился без учета провозглашенных принципов гласности. Почему-то ни проект целиком, ни его основные положения не выносились на публичное обсуждение — началось оно только на сессии Верховного Совета и сразу вскрыло существенные недостатки проекта»²⁸.

В связи с тем, что настоящее исследование ставит целью не только изучение этапа законотворческой деятельности в области обжалования административных актов в советский период, но и сопоставление изначально подготовленного, обсуждаемого и модифицированного проекта Указа с итоговой версией правового акта, принятого в советское время в рассматриваемой плоскости, перейдем к сравнительному анализу.

Важно отметить, что с 1 января 1988 г. по 1 июля 1990 г. действовал Закон СССР от 30.06.1987 «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» (далее — закон 1987 г.)²⁹, который был отменен³⁰ в связи с принятием и вступлением в силу с 1 июля 1990 г. нового Закона СССР от 02.11.1989 «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» (далее — закон 1989 г.)³¹.

Закон 1987 г., по которому можно было обжаловать только действия должностных лиц, не позволял гражданам оспаривать в суде решения коллегиальных органов, которые чаще всего нарушали их права³². На момент принятия этого закона основной массив административных актов относился к компетенции должностных лиц, однако после введения в действие закона практически все они были переведены в коллегиальные процедуры³³. Вопреки декларированию в конституционной норме судебной защиты нарушенных прав и свобод, де-факто большинство решений оказались выведены из-под судебного контроля.

Закон 1989 г. предоставил гражданам возможность обжаловать действия не только должностных лиц, но и коллегиальных органов, однако лишь в области управления³⁴. Следует предположить, что принятие закона 1989 г. свидетельствовало о придании нормативному конституционному предписанию ст. 58 смысла, выходящего за рамки

²⁸ Лившиц Р. О. судебной защите // Известия. 1987. 28 сентября. С. 3.

²⁹ Закон СССР от 30.06.1987 № 7287-XI «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 388.

³⁰ Постановление ВС СССР от 02.11.1989 № 720-1 «О введении в действие Закона СССР “О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан”» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 22. Ст. 417.

³¹ Закон СССР от 02.11.1989 № 719-1 «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 22. Ст. 416.

³² Настольная книга помощника судьи: организация работы и гражданское судопроизводство / И. Ю. Богданова, С. С. Болдоханова, С. В. Булгытова [и др.] ; под общ. ред. Ю. П. Гармаева, А. О. Хориноева. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2009. Вып. 2. 280 с.

³³ Мовчан В. В. Правозащитная функция судебной власти в административном судопроизводстве: институциональный и функциональный аспекты // Вестник гражданского процесса. 2021. № 2. С. 209–210.

³⁴ Настольная книга помощника судьи.

ее буквального толкования. Поскольку проект Указа предполагал обжалование в том числе государственных и общественных органов, будет целесообразным сравнить его именно с законом 1989 г., в котором и было в итоге закреплено право на обжалование решений не только должностных лиц, но и государственных и общественных органов.

Следует отметить, что обсуждение проекта Указа проходило за пределами Совета Министров СССР, готовившего проект. Так, в архивных материалах сохранилось обращение советского гражданина к секретарю Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе (занимал это пост до 23 ноября 1982 г.) по поводу реализации предписаний ст. 58 Конституции СССР 1977 г. Он подчеркивал, что главный недостаток разработанного проекта состоит в том, что «смысл конституционной нормы меняется кардинально, вновь появляется “перечень” случаев, когда жалоба может быть подана в суд, а вне этого перечня обжалование допускается, как и раньше, только по административной линии». В заключении указывалось, что часть 2 ст. 58 Конституции СССР 1977 г. провозгласила принцип судебной проверки любых административных актов, а перечень мог присутствовать только в случае, если бы он не был исчерпывающим³⁵.

В связи с обозначенными разнонаправленными взглядами общественности и органов государственного управления на законодательную политику в свете конституционной реформы целесообразно сравнить проект, который разрабатывался в начале законопроектной деятельности под эгидой приведения законодательства в соответствие с Конституцией СССР 1977 г., и итоговой версией акта, который был принят в 1989 г.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРВЫХ РЕДАКЦИЙ ПРОЕКТА УКАЗА И ПРИНЯТОГО В ИТОГЕ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

В модифицированной версии проекта Указа, как и в редакции закона 1989 г., были установлены пределы обжалования административных актов, которые выразились в том, что в суд нельзя было обжаловать акты, если законами СССР и союзных республик установлен иной порядок их обжалования. Более того, в редакции закона 1989 г. прямо закреплен запрет на обжалование административных актов, имеющих нормативный характер.

Был сохранен и обязательный досудебный порядок обжалования, предусмотренный статьей IV проекта Указа и ст. 4 закона 1989 г. Из содержания доклада секретаря ЦК КПСС, председателя Комиссии законодательных предположений Г. П. Разумовского следует, что «такой порядок вводится, во-первых, для того чтобы иметь возможность оперативно исправить допущенные ошибки, не доводя дело до суда, а во-вторых, поднять ответственность за принимаемые решения не только непосредственно должностных лиц, но и тех органов и руководителей, которым эти должностные лица подчинены»³⁶.

Территориальная подсудность, закрепленная в ст. III проекта Указа, была отражена в ст. 4, определявшей компетентный суд по месту нахождения должностного лица или органа, однако уже без указания на возможность восстановления пропущенного срока. Стоит отметить, что в ст. 239.5 ГПК РСФСР тоже не содержалось правила о возможности восстановления пропущенного по уважительной причине срока. В обоих актах содержалось указание на то, что рассмотрение дела происходит по правилам гражданского судопроизводства.

Поскольку настоящее исследование охватило только первый этап законотворческой работы в области обжалования административных актов, то предположим, что в результате активной законопроектной деятельности во второй половине 1980-х гг.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 136. Д. 1111.

³⁶ Доклад секретаря ЦК КПСС, председателя Комиссии законодательных предположений Совета Союза Г. П. Разумовского // Известия. 1987. 1 июля. С. 6.

всё же были учтены основные доводы, которые продвигались представителями общественности — лицами, кто непосредственно был заинтересован в регламентации общего порядка обжалования административных актов.

Так, ни в законе 1987 г., ни в законе 1989 г. не было представлено перечня случаев, когда допускается обжалование действий должностных лиц и органов управления в суд, хотя он был в проекте Указа и вызывал споры среди ведомств. 24 июня 1987 г. на заседании депутатской подготовительной комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей по проекту закона рабочая группа не сочла возможным принять предложение депутатов о включении в проект конкретного перечня действий должностных лиц, которые могли бы быть обжалованы в суд, поскольку он сужал бы возможность граждан обратиться за восстановлением нарушенных прав³⁷. Тем не менее предложения о создании перечня звучали на заседании Верховного Совета СССР 30 июня 1987 г.³⁸, однако не вошли в окончательную версию закона. 18 ноября 1987 г. на заседании рабочей группы по вопросам внесения изменений в принятый закон 1987 г. высказывали мнение о необходимости «примерный перечень все-таки наметить, чтобы на первых порах судьям дать какой-то ориентир»³⁹.

Как отмечалось выше, в законе 1987 г. было предусмотрено право обжаловать только действия должностных лиц, но не коллегиальных органов, хотя в проекте Указа предлагалось наделить граждан возможностью оспаривания действий и решений как должностных лиц, так и коллегиальных органов. Можно выделить две причины, по которым в закон 1987 г. решения коллегиальных органов не вошли. Во-первых, в ч. 2 ст. 58 Конституции СССР 1977 г. предусмотрено право обжалования в суд действий именно должностных лиц, но не органов⁴⁰. Во-вторых, возможность обжалования решений коллегиальных органов может быть предусмотрена специальными законами в определенных сферах общественных отношений, например решения, принимаемые исполкомами местных Советов народных депутатов, комиссиями по назначению пенсий, комиссиями по рассмотрению трудовых споров⁴¹. В целях развития процесса демократизации советского общества и. о. генерального прокурора СССР А. Ф. Катасуев 23 января 1989 г. рекомендовал изменить ч. 2 ст. 58 Конституции СССР 1977 г., предоставив гражданам право на обжалование в суд действий государственных и общественных органов, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий⁴². Несмотря на то что изменения в конституцию внесены так и не были, в ст. 2 закона 1989 г. уже говорилось, что обжаловать можно было коллегиальные и единоличные действия органов государственного управления и должностных лиц, в результате которых либо гражданин неправомерно лишен законного права, либо на него в обход закона возложена какая-то обязанность.

Помимо этого, в ст. 6 закона 1989 г. была закреплена состязательность процесса, предполагавшая участие в рассмотрении дела заявителя и руководителя органа или должностного лица либо их представителей. Более того, ст. 10 закона 1989 г. предусматривала возложение на орган или должностное лицо издержек гражданина, связанных с обжалованием административных актов, в случае удовлетворения судом его жалобы.

Стоит отметить установление государственной пошлины при подаче жалобы в суд. В проекте Указа ст. VII и VIII были посвящены освобождению от уплаты государственной пошлины, в ст. 11 закона 1987 г. также было установлено, что жалобы

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 42. Л. 105.

³⁸ Стенографический отчет. Седьмая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). 29–30 июня 1987 г. М.: Известия, 1987. С. 191.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2779. Л. 12.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 42. Л. 105.

⁴¹ Доклад секретаря ЦК КПСС, председателя Комиссии законодательных предположений Совета Союза Г. П. Разумовского. С. 6.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145 Д. 4235. Л. 8.

граждан на действия должностных лиц, подаваемые в суд, пошлиной не облагаются⁴³. На целесообразность установления государственной пошлины для данной категории дел указывали при обсуждении проекта закона 1987 г.⁴⁴ В законе 1989 г. в ст. 4 всё же уже была предусмотрена обязанность уплаты пошлины, которая в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 10.02.1990 № 143 составляла 10 руб.

В проекте Указа предусматривалась ответственность должностного лица при неисполнении в установленный срок решения сначала с указанием максимального размера штрафа (100 руб.), затем норма приобрела бланкетный характер и отсылала к ГПК союзной республики в соответствующей части. Например, А. И. Шуваев комментировал, что во время действия закона 1987 г. должностное лицо могло быть подвергнуто штрафу в размере до 200 руб. в соответствии со ст. 436 ГПК Узбекской ССР⁴⁵. В законе 1989 г. законодатель вовсе обошелся следующей формулировкой в ст. 7 закона: «В случае неисполнения решения суд принимает меры, предусмотренные действующим законодательством». Например, предусмотренные в ст. 406 ГПК РСФСР.

Таким образом, формально-процессуальные правила о сроках, месте рассмотрения дела и прочее было сохранено законодателем, однако отказ от прямого перечня случаев обращения с жалобой в суд при сохранении указания на возможность предусмотреть иной порядок обжалования и введение государственной пошлины демонстрирует умеренную реакцию государства на необходимость введения соответствующего способа защиты в советской правовой системе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ зарождения института обжалования административных актов в советский период показал, что процесс приведения законодательства в соответствие с новым основным законом страны после конституционной реформы осуществлялся в достаточно широком формате. Были задействованы профильные министерства, судебные органы, а также в стороне не остался народ, который должен был стать главным бенефициаром от изменений регулирования.

Советское начало института судебного контроля за действиями администрации, положенное ст. 58 Конституции СССР 1977 г., заложило основы для формирования правового механизма обжалования действий сначала только должностных лиц, но вскоре и государственных и общественных органов, который нашел свое продолжение и в современном российском правовом порядке. В ходе анализа изначальной версии проекта и конечного акта нами были выявлены некоторые различия, которые в общем виде не повлияли на институт, однако его путь в советскую правовую систему оказался достаточно тернист.

Изучение архивных документов позволило выяснить истинные причины приостановки разработки законопроекта, о котором вспомнят лишь на этапе перестройки. Государство неохотно шло на расширение возможности судебной проверки решений органов управления скорее не из-за опасений непредсказуемости судебных решений, а из-за подрыва авторитетности решений советских управленцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боннер А. Т., Квиткин В. Т. Судебный контроль в области государственного управления : учебное пособие. — М. : Изд-во Московского университета, 1973. — 112 с.
2. Кукса Т. Л. Роль и место процедур досудебного обжалования в контроле за сферой государственного управления, или Перспективные направления административной

⁴³ Михайлов М. Обжалованию подлежит // Вечерняя Москва. 1988. 2 января. С. 2.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145 Д. 42. Л. 37–38.

⁴⁵ Шуваев А. И. Обжалованию подлежит: (Вопросы и ответы) : О Законе СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан». Ташкент : Узбекистан, 1989. С. 19.

- и судебной реформ // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2011. — № 1. — С. 81–96.
3. Мегрелидзе М. Р. Становление института разрешения административно-правовых споров. — М. : Юриспруденция, 2008. — 120 с.
 4. Мовчан В. В. Правозащитная функция судебной власти в административном судопроизводстве: институциональный и функциональный аспекты // Вестник гражданского процесса. — 2021. — № 2. — С. 205–225.
 5. Настольная книга помощника судьи: организация работы и гражданское судопроизводство / И. Ю. Богданова, С. С. Болдоханова, С. В. Булгытова [и др.] ; под общ. ред. Ю. П. Гармаева, А. О. Хориноева. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2009. — Вып. 2. — 280 с.
 6. Соловей Ю. П. Развитие правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной проверке законности реализации административного усмотрения // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — № 4. — С. 533–560.
 7. Стариков Ю. Н. От многолетней дискуссии к принятию федерального закона «Об административных процедурах» // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2017. — № 4 (31). — С. 16–18.
 8. Стрекалов И. Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. — М. : Алгоритм, 2018. — 432 с.
 9. Шуваев А. И. Обжалованию подлежит : (Вопросы и ответы) : О Законе СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан». — Ташкент : Узбекистан, 1989. — 20 с.
 10. Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2021. — 414 с.

REFERENCES

1. Bogdanov IYu, Boldokhonov SS, Bulgytov SV, et al. Garmaeva YuP, Khorinoeva AO (eds.). Handbook of the Assistant Judge: Organization of Work and Civil Proceedings. Issue 2. Ulan-Ude: Republican Printing House; 2009. (In Russ.).
2. Bonner AT, Kvitkin VT. Judicial control in the field of public administration. Moscow: Moscow University Publ.; 1973. (In Russ.).
3. Kuksa TL. The role and place of pre-trial appeal procedures in the control of public administration, or Promising directions of administrative and judicial reforms. *Issues of State and Municipal Administration*. 2011;1:81-96. (In Russ.).
4. Megrelidze MR. Formation of the institution of resolution of administrative and legal disputes. Moscow: Jurisprudentsija Publ. 2008. (In Russ.).
5. Movchan VV. Human rights function of the judiciary in administrative proceedings: institutional and functional aspects. *Herald of Civil Procedure*. 2021;2:205-225. (In Russ.).
6. Shuvaev AI. Subject to appeal: (Questions and answers): On the Law of the USSR «On the procedure for appealing to the court unlawful actions of officials infringing on the rights of citizens». Tashkent: Uzbekistan Publ.; 1989. (In Russ.).
7. Solovey YuP. Development of the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on judicial verification of the legality of the exercise of administrative discretion. *Siberian Law Review*. 2024;4:533-560. (In Russ.).
8. Starilov YuN. From many years of discussion to the adoption of the Federal Law «On Administrative Procedures». *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2017;4(31):16-18. (In Russ.).
9. Strekalov IN. The last Constitution of the Soviet Union. To the question of creation. Moscow: Algorithm Publ.; 2018. (In Russ.).
10. Yashchuk TF. Systematization of Russian legislation in the Soviet period. Omsk: Omsk State University Publ.; 2021. (In Russ.).

ГРАЖДАНСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК ФОРМА ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА

Гаглов Олег Феликсович,

Министр труда и социальной защиты Республики Южная Осетия; соискатель кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
362048, Россия, г. Владикавказ, просп. Доватора, д. 7, корп. 3, кв. 3
oleg.gagloev@gmail.com

© Гаглов О. Ф., 2026

Аннотация. Гражданство Европейского Союза рассматривается как особая форма множественного гражданства, отличающаяся от классической модели бипатризма. Обосновывается концепция вертикального двойного гражданства, при которой национальное гражданство государства-члена выступает основанием возникновения наднационального статуса, а гражданство ЕС, в свою очередь, влияет на пределы национального регулирования. Показано, что данный статус сочетает производный характер с тенденцией к нормативной автономии.

На основе анализа практики Суда Европейского Союза (Martinez Sala, Grzelczyk, Baumbast, Rottmann, Commission v. Malta) выявлено, что гражданство ЕС трансформируется в самостоятельный фактор включения лица в сферу действия права Союза и инструмент ограничения дискреции государств-членов в вопросах гражданства. Особое внимание уделено формированию требования реальной связи и усилению принципа пропорциональности при утрате гражданства. Установлено, что гражданство ЕС функционирует как элемент многоуровневой правовой принадлежности, обеспечивающий обратное влияние наднационального правопорядка на национальные режимы гражданства. Сделан вывод о формировании интегративной модели, в рамках которой гражданство ЕС приобретает самостоятельное регулятивное значение и трансформирует классические представления о гражданстве.

Ключевые слова: гражданство Европейского Союза; вертикальное двойное гражданство; множественное гражданство; наднациональное гражданство; Суд Европейского Союза; реальная связь (*genuine link*); правовой статус гражданина ЕС; многоуровневая правовая принадлежность

EUROPEAN UNION CITIZENSHIP AS A FORM OF DUAL CITIZENSHIP

Oleg F. Gagloev,

Minister of Labor and Social Protection of the Republic of South Ossetia; Post Graduate Student, Department of International Law, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation
oleg.gagloev@gmail.com

Abstract. The study examines European Union citizenship as a distinct form of multiple citizenship that differs from the classical model of dual nationality. The paper

substantiates the concept of «vertical dual citizenship», under which the nationality of a Member State serves as the basis for the emergence of supranational status, while EU citizenship, in turn, influences the limits of national regulation. It is demonstrated that this status combines a derivative nature with a tendency toward normative autonomy. Based on an analysis of the case law of the Court of Justice of the European Union (Martinez Sala, Grzelczyk, Baumbast, Rottmann, Commission v. Malta), the study reveals that EU citizenship is evolving into an independent basis for bringing individuals within the scope of Union law and into an instrument for limiting Member States' discretion in matters of nationality. Particular attention is devoted to the development of the «genuine link» requirement and to the strengthening of the principle of proportionality in cases involving the loss of citizenship. The article concludes that EU citizenship functions as an element of multilayered legal affiliation, enabling the supranational legal order to exert reciprocal influence upon national citizenship regimes. It is argued that an integrative model is emerging in which EU citizenship acquires independent regulatory significance and transforms classical conceptions of citizenship.

Keywords: European Union citizenship; vertical dual citizenship; multiple citizenship; supranational citizenship; the Court of Justice of the European Union; real link (genuine link); the legal status of an EU citizen; multilevel legal affiliation

ВВЕДЕНИЕ

Институт гражданства Европейского Союза, закрепленный Маастрихтским договором 1992 г.¹, стал одним из наиболее значимых правовых нововведений в процессе европейской интеграции. Его появление ознаменовало переход от преимущественно экономической модели интеграции к формированию многоуровневого правового статуса личности, включающего как национальный, так и наднациональный элементы. Вместе с тем правовая природа гражданства ЕС до настоящего времени остается дискуссионной, что обусловлено его двойственным характером: с одной стороны, оно является производным от гражданства государства-члена, а с другой — постепенно приобретает черты самостоятельного правового статуса.

Особую научную проблему представляет вопрос о соотношении гражданства Европейского Союза с традиционными концепциями двойного (множественного) гражданства. Классическое понимание двойного гражданства, предполагающее наличие у лица устойчивой правовой связи с двумя или более государствами, не в полной мере применимо к конструкции гражданства ЕС. В условиях интеграционного правопорядка формируется иная модель — «вертикального» двойного гражданства, основанная на иерархическом взаимодействии национального и наднационального уровней.

Актуальность настоящего исследования обусловлена динамичным развитием права Европейского Союза, в том числе через практику Суда ЕС, которая существенно трансформирует содержание и значение статуса гражданина Союза, а также усиливает влияние наднационального уровня на национальные режимы гражданства.

Целью статьи является анализ правовой природы гражданства Европейского Союза в контексте концепции двойного гражданства, выявление особенностей его «вертикальной» модели и определение степени автономии данного статуса. Для достижения поставленной цели решаются задачи по исследованию нормативной базы ЕС, анализу ключевых решений Суда ЕС и оценке их влияния на соотношение национального и наднационального гражданства.

¹ Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор), подписан 7 февраля 1992 г. // Official Journal of the European Communities. 1992. С 191. 29 July. P. 1-112.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ГРАЖДАНСТВА ЕС

Договор об Европейской Союзе, подписанный 7 февраля 1992 г. в Маастрихте, установил новую категорию — гражданство Европейского Союза, которая занимает особое место в современной европейской правовой системе. Со дня своего правового закрепления она стала ключевым элементом правового статуса физических лиц в пространстве ЕС. Как подчеркивается в научной литературе, введение гражданства ЕС Маастрихтским договором ознаменовало качественный переход от экономической модели интеграции к персонализированной: «передвижение граждан государств-членов более не следует рассматривать лишь как экономическое средство... оно стало правом, осуществляемым в силу статуса гражданина ЕС»².

Статья 8 Договора предусматривает, что «каждый индивид, обладающий гражданством государства-члена, признается также гражданином Европейского Союза»³. При этом Договор не регулирует вопросы приобретения и утраты гражданства, а также не раскрывает всего набора прав и обязанностей таких граждан. Кроме того, приложением к Договору является Декларация о гражданстве государства-члена, которая устанавливает, что «вопрос о том, обладает ли лицо гражданством государства-члена, должен решаться исключительно на основании национального законодательства соответствующего государства-члена»⁴. Таким образом, все граждане европейских стран — членов Европейского Союза со вступлением в силу Маастрихтского договора автоматически стали также гражданами Европейского Союза. При этом гражданство Европейского Союза предоставило своим обладателям дополнительные права по отношению к Европейскому Союзу.

Начиная с момента своего договорного закрепления гражданство Союза имело двойственную природу: оно, с одной стороны, было производным от гражданства государства-члена, поскольку «вытекает из гражданства государств-членов»⁵, а с другой — создавало самостоятельный уровень правовой принадлежности личности к наднациональному объединению. Именно эта двойственность и предопределила появление дальнейших споров о том, является ли гражданство ЕС лишь приложением к национальному гражданству или же оно постепенно превращается в самостоятельный правовой статус в правовом порядке Союза.

Несмотря на обозначенную двойственность, сведение гражданства Европейского Союза к производному статусу представляется методологически недостаточным. Уже на уровне современной доктрины и практики Суда ЕС становится очевидным, что данная конструкция выходит за пределы простой зависимости от национального гражданства.

Как отмечает Л.-Й. Вагнер, «гражданство в контексте права ЕС представляет собой целенаправленно сформулированное понятие»⁶. Иными словами, вопрос о том, кто считается носителем статуса гражданина Союза, не может решаться исключительно через формальные категории национального права, но подлежит переосмыслению в контексте наднационального правового порядка. В этом смысле традиционный тезис о полной свободе государств-членов в определении своего гражданства утрачивает абсолютный характер, поскольку, как справедливо подчеркивается в литературе, он представляет собой «преувеличение государственного суверенитета»⁷. В совре-

² European Commission, 70 Years of EU Law: A Union for Its Citizens (Publications Office of the European Union 2022) // URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2880/02622>. P. 93.

³ Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2012. C 326. 26 October. P. 13–390.

⁴ Declaration on Nationality of a Member State. Official Journal of the European Communities. C 191, 29.07.1992. P. 0098.

⁵ Serhii Lashyn. The effects of enlargement on European Union citizenship // Yearbook of European Law. 2026. yeaf012. URL: <https://doi.org/10.1093/yel/yeaf012>. P. 9.

⁶ Wagner L.-J. Member State Nationality under EU Law — To be or not to be a Union Citizen? // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 28(3). P. 305.

⁷ Wagner L.-J. Member State Nationality under EU Law... P. 304–305.

менных условиях гражданство Европейского Союза можно рассматривать как производный по своей юридической конструкции, но при этом становящийся всё более нормативно автономным, в рамках которого право Союза способно корректировать и переформулировать содержание и критерии национальной принадлежности. Это позволяет выйти за пределы бинарной оппозиции «производное — самостоятельное» и рассматривать гражданство ЕС как элемент многоуровневой системы правовой принадлежности, где наднациональный уровень постепенно приобретает самостоятельное регулятивное значение.

ГРАЖДАНСТВО ЕС КАК ПРИМЕР МНОГОУРОВНЕВОГО ГРАЖДАНСТВА

В какой-то мере граждан Европейского Союза можно назвать бипатридами, однако, впрочем, со многими допущениями. Если классический бипатрид имеет устойчивую правовую связь с каждым государством своего гражданства, обладает правами, свободами и обязанностями в полном объеме в каждом из этих государства, то такой бипатрид без гражданства государства — члена Европейского Союза никакими правами и обязанностями, вытекающими из гражданства, в отношении Европейского Союза не обладает, как и устойчивой правовой связью. То есть гражданство Европейского Союза в данном фокусе вторично по отношению к гражданству государства-члена.

Джо Шоу обращает внимание на то, что гражданство Европейского Союза формирует многоуровневый правовой статус гражданина⁸. По своей сути, гражданство Европейского Союза является гражданством без государства или наднациональным гражданством. На наш взгляд, в отличие от классического двойного гражданства двойное гражданство, сопряженное с гражданством Европейского Союза является случаем «вертикального» двойного гражданства. Такой подход представляется более точным, чем механическое отождествление гражданства ЕС с обычным бипатризмом, поскольку речь идет не о параллельном сосуществовании двух национальных принадлежностей, а о юридически иерархизированной конструкции, в которой национальное гражданство выступает основанием возникновения наднационального статуса, а наднациональный статус начинает влиять на пределы национального усмотрения.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГРАЖДАНИНА ЕС

На наш взгляд, важно понимать, что без гражданства государства — члена ЕС нельзя быть субъектом прав и обязанностей в качестве гражданина Европейского Союза. Правовая конструкция гражданства Европейского Союза изначально предполагает его производный характер, исключая его автономность. Как отмечается в исследовании *European Citizenship under Stress*, действующие нормы учредительных договоров ЕС закрепляют принцип, согласно которому гражданство Европейского Союза «является производным по своей природе», а Суд Европейского Союза никогда не ставил под сомнение существование тесной и неразрывной связи между статусом гражданина Союза и национальным гражданством⁹. Особенность гражданства Европейского Союза, на наш взгляд, проявляется в том, что права, вытекающие из гражданства ЕС, не ограничиваются классической трансграничной мобильностью, а распространяются на более широкий круг ситуаций. Именно в этом состоит одно из наиболее существенных отличий гражданства Союза от первоначальной логики

⁸ Shaw J. 2010 *Citizenship: Contrasting Dynamics at the Interface of Integration and Constitutionalism*. University of Edinburgh, School of Law. Working Papers. SSRN. DOI: 10.2139/ssrn.1585938. P. 3.

⁹ *European citizenship under stress: social justice, Brexit, and other challenges* / ed. by N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. Description: Leiden, the Netherlands; Boston : Koninklijke Brill NV, [2020]. P. 451.

внутреннего рынка: если раннее право Сообществ связывало статус субъекта почти исключительно с его экономической функцией¹⁰, то гражданство ЕС постепенно стало использоваться Судом ЕС как юридическая основа для защиты личности как таковой, независимо от ее участия в трансграничных рыночных отношениях.

Однако, как показывает вся история Европейского Союза, ЕС является весьма динамичной, гибкой и развивающейся структурой. Исследователи характеризуют правовой статус граждан Европейского Союза как «продолжающийся процесс, являющийся результатом совместных и развивающихся усилий законодателя ЕС, Суда Европейского Союза... и ученых-специалистов по вопросам ЕС»¹¹. Так, со времени вступления в силу Договора об Европейском Союзе Суд ЕС вынес несколько решений, которые значительно трансформировали категорию «гражданство Европейского Союза». Именно поэтому в своем исследовании «70 лет права Европейского Союза» юридическая служба Европейской Комиссии характеризует гражданство ЕС как статус, «служащий интересам граждан ЕС»¹², который в значительной степени сформировался благодаря решениям Суда ЕС.

Уже в 1998 г. Суд Европейского Союза в деле *Martinez Sala v. Freistaat Bayern* (C-85/96)¹³ признал прямой эффект норм Договора о ЕС, касающиеся гражданства ЕС¹⁴. Мария Мартинес Сала, испанка, проживавшая и работавшая в Германии, подала заявку на получение немецкого пособия на ребенка. Власти Баварии отказали ей, сославшись на отсутствие у нее действующего вида на жительство. Сала оспорила отказ, утверждая, что она как гражданка Европейского Союза имеет право на равное обращение.

Суд Европейского Союза постановил, что «будучи гражданином государства-члена, законно проживающим на территории другого государства-члена, заявитель по основному разбирательству подпадает под действие *ratione personae* положений о европейском гражданстве в Договоре о ЕС»¹⁵. Следовательно, к ним применим принцип недискриминации по гражданству, закрепленный в ст. 6 (ныне статья 18 Договор о функционировании Европейского Союза)¹⁶. Отказ предоставить пособие исключительно из-за отсутствия гражданства страны пребывания признан нарушением этого принципа.

Решение Суда ЕС по этому делу стало поворотным пунктом в развитии института гражданства Европейского Союза, подтвердив, что статус гражданина Союза само по себе дает доступ к определенным социальным льготам в случае правомерного пребывания в другом государстве ЕС, даже без формального разрешения на проживание. Прецедент Мартинес Сала впоследствии использовался при рассмотрении других дел, расширяя социальные права граждан ЕС. Правовое значение решения по делу *Martinez Sala v. Freistaat Bayern* заключается в том, что Суд Европейского Союза впервые использовал статус гражданина Союза как самостоятельное основание

¹⁰ *Serhii Lashyn*. The Aporia of EU Citizenship // *Liverpool Law Review*. 2021. 42. P. 365.

¹¹ *Ricardo García Antón*. Rethinking the Social Contract in a Regional Integration Dimension (The European Union): A Response to the 2024 Montesquieu Lecture by Prof. Tsilly Dagan // *Tilburg Law Review*. 2024. Vol. 29. P. 27.

¹² European Commission, 70 Years of EU Law: A Union for Its Citizens (Publications Office of the European Union 2022) // URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2880/02622>.

¹³ ECJ, Case C-85/96, *María Martínez Sala v. Freistaat Bayern*. Judgment of the Court of 12 May 1998. European Court Reports 1998 I-02691.

¹⁴ Под прямым эффектом следует понимать возможность частных лиц использовать и ссылаться на нормы права ЕС в ходе судебных разбирательств в национальных судах и право национальных судов разрешать такие споры именно на основе нормы права ЕС, имеющей прямой эффект. См.: *Исполинов А. С.* Доктрина косвенного эффекта (согласованной интерпретации) в праве ЕС // *Евразийский юридический журнал*. 2010. № 10 (29). С. 26–36, 27.

¹⁵ Judgment of the Court of 12 May 1998. *María Martínez Sala v. Freistaat Bayern*. European Court Reports 1998 I-02691. Para. 61.

¹⁶ Judgment of the Court of 12 May 1998. *María Martínez Sala v. Freistaat Bayern*. Para. 62.

для применения принципа недискриминации по гражданству, не связывая его с осуществлением экономической деятельности конкретного человека. Тем самым гражданство ЕС стало выступать в качестве фактора, обеспечивающего включение лица в сферу действия права Союза *ratione personae*, что знаменовало отход от прежней экономико-функциональной логики интеграции.

Еще одним делом, повлиявшим на развитие статуса гражданства Союза и доступа граждан Европейского Союза к социальным пособиям в принимающем государстве, стало *Grzelczyk v. Centre public d'aide sociale d'Ottignies-Louvain-la-Neuve* (C-184/99)¹⁷, в котором Суд ЕС рассматривал преюдициальный запрос бельгийского суда. Французский гражданин Руди Гжелчик учился в Бельгии и три года сам обеспечивал свое проживание, как требовала Директива 93/96/ЕЕС о праве проживания студентов. На четвертый год он попросил у бельгийского CPAS (*Centre public d'aide sociale*) минимальное пособие на существование (*minimex*). Ему отказали на том основании, что он не является гражданином Бельгии и поэтому не относится к категориям, имеющим право на *minimex* по национальному праву.

Суду Европейского Союза необходимо было истолковать:

- ст. 6, 8 и 8а Договора о ЕС (ныне ст. 12, 17 и 18 ДФЕС) о недискриминации по гражданству и гражданстве Союза;
- Директиву 93/96/ЕЕС о праве проживания студентов (требование «достаточных средств»);
- соотношение этих норм с национальным законодательством, ограничивающим пособия только «своими» гражданами и некоторыми другими категориями.

В результате Суд Европейского Союза признал, что гражданин Европейского Союза, законно проживающий в другом государстве-члене, может ссылаться на принцип недискриминации по гражданству в отношении социальных пособий. Кроме того, требование «достаточных средств» для студентов не означает автоматического запрета на обращение за социальной помощью в поздний момент пребывания, а отказ в *minimex* только по причине гражданства другой страны члена ЕС нарушает запрет дискриминации и нормы о гражданстве Союза. Следовательно, по мнению Суда ЕС, заявитель имел право на получение *minimex* на тех же условиях, что и бельгийские граждане.

В этом решении прозвучала известная ныне формула: «гражданство Союза призвано стать основным правовым статусом граждан государств-членов, позволяя лицам, находящимся в одинаковых условиях, пользоваться одинаковым правовым режимом независимо от их гражданства, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством»¹⁸. Это стало важной вехой в эволюции статуса гражданства Европейского Союза. Именно после этого дела укрепилось понимание того, что гражданство ЕС является не просто техникой выделения отдельных прав из договоров, а принципом, претендующим на системообразующее значение для всей конструкции статуса личности в праве Союза.

Решение Суда Европейского Союза, вынесенное в 2002 г. по делу *Baumbast and R v. Secretary of State for the Home Department* (C-413/99)¹⁹, уточнило права граждан Европейского Союза и их семей на проживание в других государствах-членах, став важным шагом в развитии концепции гражданства Европейского Союза как основного статуса граждан государств-членов. Заявитель, гражданин Германии Р. Баумбаст проживал в Великобритании с семьей, но потерял занятость в стране. После этого британские власти отказали ему и его семье в продлении права на проживание, ссылаясь на отсутствие экономической активности и медицинской страховки. Баумбаст

¹⁷ ECJ, Case C-184/99 *Rudy Grzelczyk v. Centre public d'aide sociale d'Ottignies-Louvain-la-Neuve* Judgment of the Court of 20 September 2001. European Court Reports 2001 I-06193.

¹⁸ Judgment of the Court of 20 September 2001. *Rudy Grzelczyk v. Centre public d'aide sociale d'Ottignies-Louvain-la-Neuve*. European Court Reports 2001 I-06193. Para. 31.

¹⁹ ECJ, C-413/99 *Baumbast and R v. Secretary of State for the Home Department*, Judgment of the Court of 17 September 2002. European Court reports 2002 Page I-07091.

оспорил это решение, утверждая, что были нарушены его права как гражданина Европейского Союза.

Суд ЕС в решении указал, что «...Договор о Европейском Союзе не требует, чтобы граждане Союза занимались профессиональной или коммерческой деятельностью — будь то в качестве наемного работника или индивидуального предпринимателя — для того, чтобы пользоваться правами, предусмотренными во второй части Договора о ЕЭС, касающейся гражданства Союза»²⁰. А также пояснил: «что касается, в частности, права на проживание на территории государств-членов в соответствии со ст. 18(1) Договора о ЕС, то это право предоставляется непосредственно каждому гражданину Союза на основании четкого и точного положения Договора о ЕС. Таким образом, исключительно в качестве гражданина государства-члена и, следовательно, гражданина Союза, г-н Баумбаст имеет право ссылаться на ст. 18(1) Договора о ЕС»²¹. Как мы видим, Суд ЕС сослался на прямой эффект ст. 18 (ныне ст. 21 ДФЕС), предоставляющей гражданам Европейского Союза право свободного передвижения и проживания.

Это решение также стало важной вехой в развитии института гражданства Европейского Союза. Оно подтвердило, что права граждан Европейского Союза не зависят исключительно от экономической активности, а имеют автономный характер. В этом аспекте дело Baumbast завершило важный этап отхода от сугубо рыночной логики европейской интеграции, окончательно закрепив представление о гражданине Союза как о носителе прав не в силу его экономической полезности, а в силу самого его статуса.

РАСШИРЕНИЕ ЗОНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРАВА ЕС В ВОПРОСАХ ГРАЖДАНСТВА

Решение Суда Европейского Союза от 02.03.2010 по делу Rottmann v. Freistaat Bayern (C-135/08)²² установило, что лишение гражданства государства-члена, приводящее к утрате гражданства Европейского Союза, подпадает под действие права Европейского Союза и должно соответствовать принципу пропорциональности. Заявитель в этом деле австрийский гражданин Йозеф Роттманн получил немецкое гражданство и автоматически утратил австрийское. Позднее Германия решила аннулировать его гражданство из-за сокрытия информации о расследовании в его отношении, проводимом в Австрии. На практике это означало, что Роттманн стал бы лицом без гражданства. Он оспорил решение, заявив, что утрата гражданства страны члена ЕС нарушает его права как гражданина Союза.

Суд Европейского Союза постановил, что, хотя вопросы гражданства находятся в компетенции государств-членов, случаи, когда утрата гражданства одного государства влечет утрату статуса гражданина Европейского Союза, подпадают под право Европейского Союза. «Национальному суду надлежит определить, требуется ли соблюдение принципа пропорциональности, с учетом всех относимых обстоятельств, предоставить заинтересованному лицу разумный срок до вступления в силу такого решения о прекращении натурализации, чтобы попытаться восстановить гражданство государства-члена происхождения»²³.

Дело Rottmann v. Freistaat Bayern стало важным прецедентом в сфере гражданства Европейского Союза. Оно укрепило связь между национальным и наднациональным гражданством, ограничив произвольные действия государств-членов при лишении

²⁰ Judgment of the Court of 17 September 2002. Baumbast and R v. Secretary of State for the Home Department. European Court reports 2002 Page I-07091 Para. 83.

²¹ Judgment of the Court of 17 September 2002. Baumbast and R v. Secretary of State for the Home Department. European Court reports 2002 Page I-07091. Para. 84.

²² CJEU, C-135/08) Janko Rottman v. Freistaat Bayern Judgment of the Court (Grand Chamber) of 2 March 2010. European Court Reports 2010 I-01449.

²³ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 2 March 2010. Janko Rottman v. Freistaat Bayern. European Court Reports 2010 I-01449. Para. 58.

гражданства. Как отмечает Димитрис Лякопулос, «по сути... тест пропорциональности... должен применяться ко всем случаям, когда утрата европейского гражданства вытекает из утраты гражданства государства-члена»²⁴.

Решение легло в основу последующей практики по защите прав граждан Европейского Союза при изменении или утрате национального гражданства. С научной точки зрения значение этого дела заключается еще и в том, что Суд фактически допустил проверку реализации государствами-членами их традиционно суверенной компетенции в вопросах лишения гражданства сквозь призму статуса гражданина Союза. Иными словами, наднациональный уровень впервые столь отчетливо начал оказывать обратное влияние на национальное гражданство стран членов ЕС.

Приведенные выше решения Суда Европейского Союза, показывают эволюцию, которую уже прошло содержание и значение категории «гражданство Европейского Союза». Хотя государства-члены сохраняют компетенцию в сфере приобретения и утраты гражданства, реализация этой компетенции не может игнорировать последствия для прав, гарантированных правом Союза. Более того, реализация этой компетенции все в большей степени обусловлена требованиями права ЕС. Как обращается внимание в научной литературе, «государства-члены остаются способными лишать гражданства в свете определенных целей (которые считаются законными), но должны соблюдать процессуальное право ЕС и принципы пропорциональности, эффективности и надлежащей правовой процедуры»²⁵. Таким образом, в практике Суда ЕС акцент смещается с чисто материального вопроса «можно ли лишить гражданства?» на процедурный вопрос «каким образом это может быть сделано?».

ГРАЖДАНСТВО ЕС В СЛУЧАЕ ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА

В этом аспекте интересным является принятое в 2025 г. решение Суда ЕС по делу *Commission v. Malta* (C-181/23)²⁶, касающееся практики выдачи «золотых паспортов» Мальты гражданам стран, не входящих в ЕС. Вызвавшее бурные дискуссии²⁷ решение по этому делу представляет собой важный этап в развитии доктрины гражданства ЕС как особой формы наднациональной «двойной» правовой принадлежности. Поводом для рассмотрения стало применение Мальтой программы так называемых золотых паспортов, предусматривающей предоставление гражданства в обмен на инвестиции при отсутствии устойчивой связи между заявителем и государством. Европейская комиссия, инициировавшая производство по ст. 258 ДФЕС, усмотрела в данной практике нарушение норм права Союза, в частности ст. 20 ДФЕС и принципа искреннего сотрудничества, закрепленного в ст. 4(3) ДЕС. Суд в решении поддержал эту позицию, указав, что предоставление гражданства государства-члена не может рассматриваться как чисто внутренний вопрос, если оно автоматически влечет приобретение статуса гражданина Союза.

Ключевым выводом Суда стало признание недопустимости «коммерциализации» гражданства, поскольку подобная практика подрывает его правовую природу. Суд указал, что «подобная программа сводится к коммерциализации предоставления статуса гражданина государства-члена и, как следствие, гражданства Союза, что несовместимо с концепцией этого основополагающего статуса, вытекающей из

²⁴ *Liakopoulos D. Critics and Aspects of the European Citizenship According to the CJEU: from Rottmann to Tjebbes and Others // Megatrend Review. Vol. 17. No. 1, 2020. P. 7.*

²⁵ *Francesco Luigi Gatta. The If and the How: Losing the EU Citizenship, but with Due Regard to the Due Process of (EU) Law // European Papers. Vol. 9, 2024, No. 1. P. 133.*

²⁶ *CJEU, C-181/23 European Commission v. Republic of Malta Judgment of the Court (Grand Chamber) of 29 April 2025. ECLI:EU:C:2025:283.*

²⁷ *Wagner L.-J. Fury and Surprise Anchored in Dogmas and Myths: Reflections on Commission v. Malta and its Discontents, VerfBlog, 2025/5/26 // URL: <https://verfassungsblog.de/fury-and-surprise-anchored-in-dogmas-and-myths/>.*

Договоров»²⁸. По сути, Суд исходит из того, что гражданство ЕС не может быть сведено к результату экономической транзакции, так как оно выражает более глубокую связь между индивидом, государством и Союзом в целом. В этой связи Суд фактически вводит требование наличия «реальной связи» (*genuine link*) между лицом и государством-членом, несмотря на отсутствие прямого закрепления такого критерия в учредительных договорах. Данное положение свидетельствует о постепенном формировании материальных ограничений национальной компетенции государств — членов ЕС в сфере гражданства.

Особое значение этого решения Суда ЕС заключается в его влиянии на соотношение национального и наднационального уровней правового регулирования. Хотя государства-члены формально сохраняют компетенцию по вопросам приобретения и утраты гражданства, Суд ЕС подчеркивает, что реализация этой компетенции должна осуществляться с учетом права ЕС и не может подрывать его основы, включая принцип взаимного доверия между государствами. Предоставление гражданства одним государством автоматически затрагивает интересы всех остальных, поскольку открывает доступ к совокупности прав гражданина Союза. Тем самым гражданство ЕС выступает как фактор, ограничивающий национальный суверенитет стран — членов ЕС в сфере предоставления гражданства.

В контексте концепции двойного гражданства данное решение демонстрирует трансформацию традиционной модели, в которой гражданство ЕС рассматривалось исключительно как производное от национального. В деле *Commission v. Malta* прослеживается обратное влияние наднационального статуса на условия приобретения национального гражданства, что позволяет говорить о формировании асимметричной конструкции двойной правовой принадлежности. В ее рамках гражданство ЕС, оставаясь формально производным, приобретает самостоятельное нормативное значение, способное определять пределы усмотрения государств-членов. Таким образом, рассматриваемое решение подтверждает тенденцию к усилению автономии гражданства ЕС и его превращению в инструмент обеспечения целостности правового порядка Союза.

Таким образом, можно говорить о своеобразной двойственности правовой природы гражданства Европейского Союза. С одной стороны, оно экзистенциально зависит от гражданства государства-члена: без национального гражданства невозможно ни возникновение, ни сохранение статуса гражданина Союза. С другой стороны, после возникновения этот статус начинает функционировать как самостоятельный источник прав и принципов, влияющих на национальное правовое регулирование. В научной литературе указывается на «значимую самостоятельную роль»²⁹ гражданства Европейского Союза. Именно эта комбинация зависимости и возрастающей автономии позволяет рассматривать гражданство ЕС как уникальную для современной правовой теории форму правовой принадлежности, не укладывающуюся полностью ни в классические государственно-правовые модели, ни в конструкции международно-правового членства.

Особый интерес в данном контексте представляет вопрос о том, может ли гражданство Европейского Союза предоставлять права лицам, не являющимся гражданами государств-членов. Формально — ответ на этот вопрос отрицательный, поскольку только граждане государств-членов обладают статусом гражданина Союза. Однако право Европейского Союза допускает существование производных прав, которыми могут пользоваться граждане третьих стран в силу их связи с гражданином Европейского Союза. Такие права, например право проживания членов семьи, не являются проявлением самостоятельного статуса гражданства Европейского Союза для третьих стран, а существуют лишь постольку, поскольку их отсутствие могло бы

²⁸ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 29 April 2025. *European Commission v. Republic of Malta*. ECLI:EU:C:2025:283. Para. 100.

²⁹ *European citizenship under stress: social justice, Brexit, and other challenges* / edited by Nathan Cambien, Dimitry Kochenov, and Elise Muir. Description: Leiden, the Netherlands; Boston : Koninklijke Brill NV, [2020]. P. X.

лишить гражданина Европейского Союза реального осуществления его прав, гарантированных правом Союза. С этой точки зрения важно подчеркнуть, что правовой эффект гражданства ЕС выходит за пределы круга его формальных носителей: через механизм производных прав оно влияет и на положение связанных с гражданином Союза лиц, прежде всего членов его семьи. Однако это влияние остается опосредованным и не трансформирует граждан третьих стран в самостоятельных субъектов гражданства Союза.

Отдельного внимания заслуживает влияние института гражданства Европейского Союза на феномен двойного гражданства «на горизонтальном уровне». Европейская интеграция и свобода передвижения способствуют увеличению числа лиц, обладающих гражданством более чем одного государства-члена. В научной литературе подчеркивается, что двойное гражданство в контексте Европейского Союза является не исключением, а закономерным результатом функционирования правового пространства Союза. Более того, именно ситуации множественного гражданства позволяют наиболее отчетливо увидеть напряжение между национальными концепциями гражданства и наднациональной логикой гражданства Европейского Союза³⁰.

В частности, практика Суда Европейского Союза показывает, что гражданин государства-члена, реализовавший право свободного передвижения и впоследствии приобретший гражданство государства проживания, не должен лишаться преимуществ, связанных с использованием права ЕС. Подобный подход направлен на предотвращение ситуаций, в которых более глубокая интеграция гражданина в общество принимающего государства парадоксально ухудшала бы его правовое положение.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ОБЩЕГО ПРАВИЛА: ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕГРАЖДАН ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

Особое место в исследовании гражданства Европейского Союза занимает правовой статус неграждан Латвии и Эстонии, поскольку он демонстрирует пределы формального подхода к определению круга лиц, которые могут рассматриваться в качестве субъектов права ЕС. Данная категория возникла после распада СССР и охватывает бывших граждан СССР и их потомков, которые в силу языкового барьера не были автоматически признаны гражданами этих прибалтийских государств, не приобрели гражданство в порядке натурализации и не получили гражданство иного государства. При этом русские составляют около 66 % неграждан в Латвии и около 80 % — в Эстонии, тогда как среди других групп представлены белорусы, украинцы и поляки.

В господствующем подходе неграждане Латвии не рассматриваются в качестве латвийских граждан и, следовательно, не признаются гражданами Европейского Союза. После восстановления действия Закона о гражданстве 1919 г., основанного на принципе *jus sanguinis*, около 28,2 % постоянного населения оказались в неопределенном правовом статусе. В целях преодоления данной ситуации, а также под значительным давлением международного сообщества, в 1995 г. в Латвии был введен институт «негражданства» для бывших граждан СССР, не обладавших гражданством какого-либо иного государства. В настоящее время данный статус сохраняется примерно у 10,4 % постоянного населения Латвии³¹.

В отличие от классических апатридов, неграждане Латвии и Эстонии обладают специальным правовым статусом, закрепленным национальным законодательством, и пользуются рядом прав, обычно ассоциируемых с устойчивой правовой связью лица с государством. Конституционный суд Латвии охарактеризовал данный статус как «специфический правовой статус», который «не может быть сопоставлен ни с каким иным статусом физического лица». При этом было подчеркнуто, что негражданство

³⁰ *De Groot D. Free Movement of Dual EU Citizens // European Citizenship under Stress. P. 90–92.*

³¹ *Wagner L.-J. Member State Nationality under EU Law... P. 323.*

«не может рассматриваться как разновидность латвийского гражданства», а представляет собой новый, *sui generis* статус в международно-правовом смысле³².

Неграждане обладают безусловным правом проживания на территории государства, имеют латвийские паспорта, пользуются защитой от дискриминации и правом на дипломатическую защиту за рубежом. Вместе с тем они лишены права участия в национальных выборах и не могут занимать ряд государственных должностей³³.

Международные организации нередко рассматривают их в контексте проблемы безгражданства, однако прибалтийский подход исходит из наличия особой правовой связи с государством, включающей право постоянного проживания, социальные гарантии и элементы консульской защиты. В связи с этим их статус в доктрине квалифицируется как *sui generis* — промежуточный между гражданством и безгражданством³⁴.

Ключевое отличие неграждан от граждан Латвии и Эстонии состоит не столько в отсутствии устойчивой юридической связи с государством, сколько в исключении из политического сообщества. Они лишены ряда политических прав, прежде всего избирательных, что свидетельствует о разрыве между гражданством как юридической принадлежностью и гражданством как политическим участием. Следует отметить, что Российская Федерация на протяжении длительного времени критикует политику Латвии и Эстонии в сфере гражданства и прав национальных меньшинств, призывая международные организации активнее реагировать на положение неграждан.

Для права Европейского Союза данный статус имеет принципиальное значение. В соответствии с доминирующим подходом неграждане Латвии не признаются гражданами Союза ввиду отсутствия формального гражданства государства-члена. Однако в научной литературе данная позиция подвергается пересмотру. В частности, Л.-Й. Вагнер указывает, что вопрос о включении латвийских неграждан в сферу гражданства ЕС не является окончательно решенным и требует переосмысления с учетом целей и структуры права Союза³⁵. В этой связи представляется затруднительным обоснование того, почему неграждане Латвии, которые во многих аспектах приравниваются к гражданам и, по существу, «более тесно связаны с населением Латвии, чем с населением какого-либо иного государства», не должны рассматриваться в качестве латвийских граждан; напротив, логичным выводом становится предположение о том, что они фактически уже являются — и изначально являлись — гражданами Европейского Союза³⁶.

Развивая данный тезис, он предлагает исходить из юрисдикционного понимания «гражданства для целей права ЕС», при котором решающим является не политическое гражданство, а наличие устойчивой правовой и социальной связи с государством³⁷. В этом контексте статус неграждан Латвии и Эстонии приобретает особое значение, поскольку включает право возвращения в государство, документирование и элементы взаимных прав и обязанностей, что сближает его с классическим пониманием национальности в международном праве.

Сходная позиция выражена и в исследованиях Г. де Гроота, О. Вонка и К. Свидера, которые подчеркивают, что формальное обозначение лица как «негражданина» само по себе не должно автоматически исключать его из сферы действия гражданства ЕС³⁸. Более того, в современной доктрине высказываются предложения о признании

³² Latvian Constitutional Court case No. 2004-15-0106, para. 15, 17.

³³ *Wagner L.-J.* Member State Nationality under EU Law... P. 324.

³⁴ *Croft J.* Non-Citizens in Estonia and Latvia: Time for Change in Changing Times? // OSCE Yearbook. 2015. P. 182.

³⁵ *Wagner L.-J.* Member State Nationality under EU Law... P. 304–305.

³⁶ *Wagner L.-J.* Member State Nationality under EU Law... P. 328–329.

³⁷ *Wagner L.-J.* Member State Nationality under EU Law... P. 305.

³⁸ *de Groot G. R., Vonk O., Swider K.* European Parliament Study on EU Citizenship. 2015 // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536476/IPOL_STU\(2015\)536476_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536476/IPOL_STU(2015)536476_EN.pdf).

за данной категорией лиц статуса граждан Союза либо о существенном расширении их прав в рамках права ЕС³⁹.

Вместе с тем подобные подходы остаются дискуссионными, поскольку их реализация означала бы существенное ограничение усмотрения государств-членов в сфере определения круга своих граждан. Тем не менее сама постановка вопроса свидетельствует о трансформации гражданства ЕС: оно перестает быть исключительно производным и начинает выполнять функцию критерия оценки национальных институтов гражданства.

Таким образом, правовой статус неграждан Латвии и Эстонии представляет собой исключительный пример, выявляющий внутренние противоречия конструкции гражданства Европейского Союза. Формально не являясь гражданами государства-члена, такие лица обладают рядом характеристик, сближающих их с носителями национальной принадлежности. Это подтверждает, что границы персонального действия права ЕС не всегда могут быть определены исключительно через формально-юридические категории национального права.

ВЫВОДЫ

Таким образом, гражданство Европейского Союза представляет собой уникальную правовую конструкцию, сочетающую зависимость от национального гражданства и одновременно определенную степень автономии. Оно не может существовать без гражданства государства-члена, однако после возникновения начинает функционировать как самостоятельный фактор, влияющий на национальное регулирование и формирующий новые юридические связи в рамках европейского правопорядка. В этой связи представляется обоснованным рассматривать гражданство Европейского Союза не только как производное от национального гражданства правовое явление, но и как элемент особой формы множественного гражданства. Речь идет не о классическом горизонтальном двойном гражданстве, при котором лицо одновременно обладает гражданством двух или более государств, а о специфической конструкции, возникающей в рамках правопорядка ЕС и склонной к автономизации.

Гражданство государства-члена и гражданство Европейского Союза существуют не параллельно, а в отношениях юридической иерархии и функционального взаимодействия. При этом совокупность данных статусов формирует особый тип двойного гражданства, который может быть охарактеризован как «вертикальное двойное гражданство». В рамках данной конструкции национальное гражданство выступает в качестве основания возникновения статуса гражданина Союза, тогда как гражданство ЕС трансформирует содержание правового положения лица, расширяя объем его прав и влияя на пределы усмотрения государства в сфере гражданства. Тем самым возникает взаимосвязанная система правовых статусов, в которой наднациональный уровень начинает оказывать обратное воздействие на национальный.

Особое значение данной модели проявляется в ситуациях утраты или изменения гражданства государства-члена, поскольку такие решения способны повлечь прекращение статуса гражданина Европейского Союза и, как следствие, затронуть сферу действия права Европейского Союза. Это подтверждается практикой Суда Европейского Союза, в частности делом Rottmann, в котором было признано, что национальные решения в сфере гражданства подлежат оценке с точки зрения их соответствия праву Союза.

Таким образом, гражданство Европейского Союза в сочетании с гражданством государства-члена образует особую форму двойного гражданства «по вертикали», в рамках которой происходит взаимодействие национального и наднационального правопорядков. Данная конструкция позволяет по-новому взглянуть на традиционные подходы к институту множественного гражданства и свидетельствует о

³⁹ Kochenov D., Dimitrovs A. EU Citizenship for Latvian Non-Citizens: A Concrete Proposal // European Papers. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 239–248.

трансформации классических представлений о гражданстве в условиях интеграции. Именно поэтому гражданство ЕС следует рассматривать не как второстепенное приложение к национальному статусу, а как самостоятельный элемент многоуровневой правовой идентичности, в рамках которой личность одновременно включена в национальное и наднациональное правовое пространство.

Политически чувствительным и не нерешенным с точки зрения гражданства ЕС остается вопрос о негражданах Эстонии и Латвии. Существование этой проблемы признается как на уровне ЕС, так и в доктрине, где все громче раздаются голоса о признании за этой категорией населения гражданства Европейского Союза.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исполинов А. С.* Доктрина косвенного эффекта (согласованной интерпретации) в праве ЕС // Евразийский юридический журнал. — 2010. — № 10 (29). — С. 26–36.
2. *Croft J.* Non-Citizens in Estonia and Latvia: Time for Change in Changing Times? // OSCE Yearbook. — 2015. — P. 182–198.
3. *De Groot G. R., Vonk O., Swider K.* European Parliament Study on EU Citizenship. — 2015.
4. *European Citizenship under Stress: Social Justice, Brexit, and Other Challenges* / ed. by N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. — Leiden ; Boston : Brill, 2020.
5. *García Antón R.* Rethinking the Social Contract in a Regional Integration Dimension (The European Union): A Response to the 2024 Montesquieu Lecture by Prof. Tsilly Dagan // Tilburg Law Review. — 2024. — Vol. 29. — P. 25–32.
6. *Gatta F. L.* The If and the How: Losing the EU Citizenship, but with Due Regard to the Due Process of (EU) Law // European Papers. — 2024. — Vol. 9. — No. 1. — P. 133–150.
7. *Kochenov D., Dimitrovs A.* EU Citizenship for Latvian Non-Citizens: A Concrete Proposal // European Papers. — 2019. — Vol. 4. — No. 1. — P. 239–248.
8. *Lashyn S.* The Aporia of EU Citizenship // Liverpool Law Review. — 2021. — Vol. 42. — P. 361–377.
9. *Lashyn S.* The Effects of Enlargement on European Union Citizenship // Yearbook of European Law. — 2026.
10. *Liakopoulos D.* Critics and Aspects of the European Citizenship According to the CJEU: From Rottmann to Tjebbes and Others // Megatrend Review. — 2020. — Vol. 17. — No. 1. — P. 1–15.
11. *Shaw J.* Citizenship: Contrasting Dynamics at the Interface of Integration and Constitutionalism. University of Edinburgh School of Law Working Paper. — 2010.
12. *Wagner L.-J.* Member State Nationality under EU Law — To be or not to be a Union Citizen? // Maastricht Journal of European and Comparative Law. — 2021. — Vol. 28. — No. 3. — P. 304–324.

REFERENCES

1. Cambien N, Kochenov D, Muir E (eds.). *European Citizenship under Stress: Social Justice, Brexit, and Other Challenges*. Leiden; Boston: Brill: 2020.
2. Croft J. *Non-Citizens in Estonia and Latvia: Time for Change in Changing Times?* OSCE Yearbook. 2015.
3. De Groot GR, Vonk O, Swider K. *European Parliament Study on EU Citizenship*; 2015.
4. García Antón R. *Rethinking the Social Contract in a Regional Integration Dimension (The European Union): A Response to the 2024 Montesquieu Lecture by Prof. Tsilly Dagan*. *Tilburg Law Review*. 2024;29:25–32. (In Russ.).
5. Gatta FL. *The If and the How: Losing the EU Citizenship, but with Due Regard to the Due Process of (EU) Law*. *European Papers*. 2024;9(1):133–150.
6. Ispolinov AS. *Doctrine of indirect effect (agreed interpretation) in EU law*. *Eurasian Law Journal*. 2010;10(29):26–36.

7. Kochenov D, Dimitrovs A. EU Citizenship for Latvian Non-Citizens: A Concrete Proposal. *European Papers*. 2019;4(1):239-248.
8. Lashyn S. The Aporia of EU Citizenship. *Liverpool Law Review*. 2021;42:361-377.
9. Lashyn S. The Effects of Enlargement on European Union Citizenship. *Yearbook of European Law*; 2026.
10. Liakopoulos D. Critics and Aspects of the European Citizenship According to the CJEU: From Rottmann to Tjebbes and Others. *Megatrend Review*. 2020;17(1):1-15.
11. Shaw J. Citizenship: Contrasting Dynamics at the Interface of Integration and Constitutionalism. University of Edinburgh School of Law Working Paper; 2010.
12. Wagner L-J. Member State Nationality under EU Law — To be or not to be a Union Citizen? *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2021;28(3):304-324.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.103-110

К ВОПРОСУ ОБ ОПЫТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОДХОДОВ К РЕГЛАМЕНТАЦИИ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ О ДЕТЯХ

МИР

Данильченко Виктория Борисовна,
председатель Коллегии адвокатов Виктории Данильченко, старший преподаватель
кафедры адвокатуры МГИМО МИД России, аспирант кафедры интеграционного права
и прав человека МГИМО МИД России
119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76
vividan@mail.ru

© Данильченко В. Б., 2026

Аннотация. В статье рассмотрен опыт региональных международных организаций сотрудничества, которые вырабатывают единые подходы и механизмы координации деятельности публичных органов на национальном уровне применительно к вопросам участия адвоката в урегулировании споров о детях. Право СНГ и право Совета Европы представляют собой наиболее обширные комплексы норм, определяющих основы регулирования участия адвоката в спорах о детях в пределах соответствующих регионов. Вместе с тем и другие региональные международные организации демонстрируют тенденцию к регулированию исследуемой сферы общественных отношений (например, Организация американских государств). Как и в случае с глобальными международными организациями, существенное значение в формировании правовых основ участия адвоката в спорах о детях играют акты «мягкого» права рекомендательного характера. Автор подчеркивает, что акты «мягкого» права, несмотря на свою необязательность, оказывают значительное влияние на формирование общих принципов, стандартов и направлений развития национального законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой области. В частности, акты «мягкого» права формулируют общие принципы, которые служат ориентиром для государств при разработке национального законодательства и правоприменительной практики (например, закрепление принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка или принципа равноправия родителей).

Ключевые слова: региональные международные организации; глобальные международные организации; международное право; модельное законодательство; международный договор; защита прав детей; участие представителя; Содружество Независимых Государств; Совет Европы; Организация американских государств

REGIONAL INTERNATIONAL ORGANIZATIONS' EXPERIENCE IN IMPROVING APPROACHES TO REGULATING COUNSEL PARTICIPATION IN THE RESOLUTION OF DISPUTES INVOLVING CHILDREN

Victoria B. Danilchenko,

Chairman, Bar Association Victoria Danilchenko; Senior Lecturer, Department of Advocacy, MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia; Postgraduate Student, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia
vividan@mail.ru

Abstract. *The paper examines the experience of regional international organizations that develop uniform approaches and coordination mechanisms for the activities of public authorities at the national level with respect to the participation of lawyers in the resolution of child-related disputes. The law of the Commonwealth of Independent States (CIS) and the law of the Council of Europe constitute the most comprehensive bodies of norms defining the foundations for regulating the participation of lawyers in child-related disputes within their respective regions. At the same time, other regional international organizations also demonstrate a growing tendency toward regulating this sphere of social relations, including, for example, the Organization of American States. As in the case of global international organizations, instruments of «soft law» of a recommendatory nature play a significant role in shaping the legal framework governing the participation of lawyers in child-related disputes. The author emphasizes that, notwithstanding their non-binding character, soft law instruments exert considerable influence on the development of general principles, standards, and directions for the evolution of national legislation and law enforcement practice in this field. In particular, soft law instruments formulate general principles that serve as guidelines for states in the development of domestic legislation and legal practice, including the principle of the best interests of the child and the principle of parental equality.*

Keywords: *regional international organizations; global international organizations; international law; model legislation; an international treaty; protecting children's rights; representative participation; Commonwealth of Independent States; Council of Europe; Organization of American States*

Подходы к регламентации участия адвоката в урегулировании споров о детях, сформулированные в рамках деятельности глобальных международных организаций, находят свое развитие в документах, принимаемых на уровне международных организаций, функционирующих в пределах региона. И. И. Лукашук отмечал, что «универсальная международная организация — ООН не может обеспечить особые интересы государств в рамках конкретных регионов, геополитических районов. Для этого необходимы организационные формы, учитывающие специфику районов»¹.

В рамках данного исследования остановимся на опыте региональных международных организаций сотрудничества, которые на основе основополагающего принципа международного публичного права — суверенного равенства государств вырабатывают единые подходы и механизмы координации деятельности публичных органов на национальном уровне в рассматриваемой сфере.

Содружество Независимых Государств. В СНГ с момента его основания в 1991 г. принято большое количество нормативных документов, формирующих правовые основы участия адвоката в спорах о детях.

¹ См.: Лукашук И. И. Международное право: особенная часть : учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 35.

Конвенция о правах и основных свободах человека 1995 г. закрепляет ряд важнейших прав, защита которых может приобретать особую актуальность в контексте семейных споров (право на получение необходимых условий для полного развития семьи, право матерей и детей на социальную и экономическую защиту, право несовершеннолетнего на особые меры защиты и т.д.). При этом Конвенция 1995 г. не только содержит набор прав, но и располагает региональным механизмом их защиты. В частности, Конвенция учреждает Комиссию по правам человека СНГ. Данный механизм, безусловно, содержит необходимый потенциал для гармонизации подходов в части защиты прав человека на пространстве СНГ, вместе с тем рекомендательный характер итоговых актов КПЧ оставляет дискуссионным вопрос о его реальной эффективности, в частности, относительно споров, связанных с детьми².

Особый интерес представляет постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 3 декабря 2009 г. № 33-11 «О новой редакции модельного закона “Об основных гарантиях прав ребенка в государстве”». Будучи содержательным отражением Конвенции ООН о правах ребенка, Модельный закон включает в себя перечень целей, задач и полномочий публичных органов на осуществление гарантий прав ребенка в государстве, к которым относятся: защита прав несовершеннолетнего в суде и иных юрисдикционных органах; выполнение международных договоренностей государств; представительство интересов государств в специализированных международных организациях, занимающихся защитой прав несовершеннолетних.

Модельный закон заложил организационные основы гарантий прав ребенка, а именно — закрепление за органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями обязанностей по осуществлению различных направлений деятельности в интересах детей (гл. 3 Модельного закона). Гарантией исполнения положений Модельного закона должно служить право на обращение законных представителей ребенка или лиц, которые могут выступать в таком качестве, в суд с иском о возмещении ребенку вреда, причиненного его здоровью, имуществу, а также морального вреда в порядке, предусмотренном национальным законодательством (гл. 4 Модельного закона).

Рассматривая международные договоры и иные акты, непосредственно затрагивающие права участников семейных отношений, в том числе ребенка, стоит назвать два основополагающих документа — Соглашение о гарантиях прав граждан в области выплаты социальных пособий, компенсационных выплат семьям с детьми и алиментов 1994 г. и Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания 2002 г. В доктрине подчеркивается смешанный характер данного Соглашения, так как наряду с материально-правовыми нормами оно содержит коллизионные нормы³. Соглашение 1994 г. помимо регламентации соответствующих выплат устанавливает правило, согласно которому в отношении установления и взыскания, а также выплаты алиментов гражданам государств — участников Соглашения применяется национальное право государства — участника Соглашения, на территории которого эти граждане проживают.

Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения детей в государства их постоянного проживания 2002 г. закрепляет механизмы возвращения во внесудебном порядке в государство постоянного проживания детей, покинувших это государство без разрешения своих родителей или иных законных представителей и находящихся в государстве пребывания без их сопровождения. Особое значение в контексте настоящего исследования приобретает понятие «права родительской опеки», заимствованное из Европейской

² Шумский В. Н. Юридическая сила актов высших органов Содружества Независимых государств // Журнал российского права. 2006. № 7 (115). С. 113–121.

³ Ерпылева Н. Ю. Физические и юридические лица как субъекты международного частного права. Правовой статус физических лиц как субъектов международного частного права // Адвокат. 2004. № 11. С. 98–108.

конвенции о репатриации несовершеннолетних 1970 г. и предусматривающее «право определять место проживания несовершеннолетнего, предоставленное физическому или юридическому лицу в соответствии с законом, судебным или административным актом». Под действие данного документа подпадают международные споры родителей об определении (изменении) места жительства детей.

В рамках СНГ предусмотрены механизмы, способствующие реализации и защите перечисленных в документах данной международной региональной организации прав лиц, являющихся субъектами семейных правоотношений. Ключевые документы — Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (г. Кишинёв), а также Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (г. Минск). Договоры адресованы судебным, правоохранительным и иным государственным органам, а также для граждан и организаций, участвующих в трансграничных отношениях. В сравнение с предшествующей ей по времени принятия Минской конвенцией Кишинёвская конвенция предусматривает ряд значимых для международного гражданского процесса новелл, в частности: использование видео-конференц-связи при производстве отдельных процессуальных действий, а также расширенная возможность судебных, правоохранительных и иных органов государственной власти взаимодействовать непосредственно с компетентными государственными органами иностранного государства, что существенным образом позволит сократить время на исполнение международных поручений (запросов) о правовой помощи.

Вместе с тем в отличие от подобного рода международных договоров, принимаемых в рамках ГКМЧП, данная Конвенция адресована в первую очередь компетентным государственным органам договаривающихся сторон и не предполагает расширительного подхода к определению перечня таких органов с возможностью включения в него адвокатов⁴. Однако данный документ формирует необходимую правовую основу для взаимодействия всех участников судебного процесса с иностранным элементом.

Попытка унифицировать статус адвоката в рамках СНГ получила свое отражение в Модельном законе «Об адвокатуре и адвокатской деятельности»⁵. Несмотря на рекомендательный характер данного документа, он является эффективным инструментом сближения релевантного законодательства государств — участников СНГ⁶, в котором отражены принципы деятельности адвокатуры, вопросы приобретения, приостановления, возобновления и прекращения статуса адвоката, режим адвокатской тайны, организация и гарантии адвокатской деятельности. Модельный закон изобилует отсылочными нормами, которые раскрывают перед национальными законодателями возможности по разработке самостоятельных подходов к порядку получения статуса адвоката, установлению правил профессиональной этики и т.д. Вместе с тем данный документ практически не затрагивает процессуальные полномочия адвоката, ограничиваясь лишь формулировкой отсылочной нормы в ст. 8, согласно которой полномочия адвоката, участвующего во всех видах судопроизводства в качестве представителя доверителя, регламентируются соответствующим процессуальным и иным законодательством. Предполагается, что перечень таких полномочий должен найти отражение в соответствующих национальных нормативных правовых актах.

⁴ Например, в отличие от Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г., которая с учетом заявления Российской Федерации предоставила возможность адвокатам быть инициаторами поручений о вручении документов.

⁵ Модельный закон принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 19.04.2019 № 49-7. См.: Единый реестр правовых актов и других документов СНГ // URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 25.10.2025).

⁶ Симонов А. Н. Международное право // Конспект лекций. Таганрог : ИУЭС ЮФУ, 2016. С. 90.

Совет Европы. В рамках данной региональной международной организации был принят ряд многосторонних международных договоров, предметом регулирования которых выступают защита прав человека, защита прав несовершеннолетних в рамках семейных отношений, а также вопросы оказания правовой помощи.

Европейская конвенция об усыновлении детей 2008 г. разработана в качестве международного инструмента Совета Европы по усыновлению детей. Целью принятия данной Конвенции является содействие защите интересов усыновленных детей, а также сокращению числа препятствий, возникающих в связи с различиями в национальном законодательстве государств. Конвенцией предусмотрены единые правила в отношении условий усыновления, в том числе повторного усыновления, прав и обязанностей усыновившего лица.

Вместе с тем далеко не все положения данной Конвенции могут быть рассмотрены как демонстрирующие унифицированный европейский подход к вопросам усыновления. Так, параграф 2 ст. 7, предусматривающий возможность усыновления несовершеннолетних гомосексуальными парами, содержательно не отражен во всех национальных законодательствах государств — участников Совета Европы (в частности, запрет такого усыновления предусмотрен венгерским законодательством). В целом данный документ содержит ориентиры для национальных законодателей в деле сближения законодательств в рассматриваемой области: потенциальная возможность усыновления лиц, достигших совершеннолетия; наличие у лиц, планирующих усыновление, своих детей; разница в возрасте между усыновителем и усыновленным и т.д.

Европейская конвенция о защите детей от эксплуатации и надругательств сексуального характера 2007 г. (Лансаротская конвенция) включает рекомендательное положение о принятии необходимых законодательных или иных мер к тому, чтобы были приняты надлежащие меры защиты, предназначенные для детей, если возраст жертвы не определен и есть основания полагать, что жертва является ребенком. Такие меры должны осуществляться вплоть до установления возраста жертвы. Очевидно, что данное положение является фундаментальным для формирования нормативных основ участия адвоката в судебных разбирательствах с участием детей.

Конвенция о личных контактах с детьми 2002 г. (CETS № 192)⁷, включает нормы материального и коллизионного права, затрагивающие вопросы взаимодействия несовершеннолетнего с родителями и другими лицами, которые являются родственниками ребенку, могут вступать его законными представителями или связаны с ребенком иным образом. Данная конвенция обращается к компетентным судебным учреждениям государств-участников, формируя общие подходы к мерам, принимаемым судами при рассмотрении дел, которые касаются коммуникации законных представителей и ребенка (ст. 7), а также к мерам по поддержанию и улучшению контактов, характеризующихся признаком трансграничности. Последние затрагивают меры, которые могут предприниматься расширенным кругом субъектов, который не исчерпывается исключительно судебными и административными органами.

В дополнение к указанной Конвенции Комитетом министров СЕ была принята Рекомендация № CM/Rec(2015) «О предотвращении и урегулировании споров по вопросам смены места жительства детей» (принята 11.02.2015 на 1219-м заседании заместителей министров). Указанный документ всецело посвящен проблематике трансграничного переселения детей, а также вопросам, связанным с возможностью изменения места жительства ребенка в пределах национальной юрисдикции. К Рекомендации также прилагаются Принципы (11), представляющие собой международно-правовую базу, которую нужно учитывать при регулировании вопросов изменения места жительства ребенка и разрешении соответствующих судебных споров.

Европейская конвенция об осуществлении прав детей 1996 г. выступает нормативной базой для обеспечения гарантий прав несовершеннолетних в рамках судебных процессов. В документе обозначается магистральная цель, заключающаяся

⁷ Конвенция о личных контактах с детьми 2002 г. (CETS № 192) // URL: <https://rm.coe.int/1680083740> (дата обращения: 20.11.2025).

в обеспечении гарантий процессуальных прав детей и облегчение реализации этих прав. Кроме того, предполагается осуществление контроля за тем, чтобы дети были информированы лично, либо через других лиц, либо через другие органы и им было позволено участвовать в судопроизводстве, затрагивающем их интересы⁸. В Конвенции 1996 г. встречается термин «представитель». По смыслу документа речь идет об адвокате, либо органе, назначенном для того, чтобы выступать от имени ребенка в отношениях с органом судебной власти.

Указанный международный договор содержит перечень условий, при которых несовершеннолетнему полагается назначение представителя. Статья 9 в числе таких условий называет предусмотренное национальным правом государства — участника Конвенции лишение носителей родительской ответственности возможности представлять ребенка в результате столкновения собственных интересов с его интересами. В таком случае у судебного органа есть полномочия назначить специального представителя ребенка. Национальное законодательство может предусматривать возможность выступления адвоката в качестве такого представителя. Обязанностями представителя являются: обеспечить несовершеннолетнего необходимой информацией сообразно его уровню понимания и восприятия; разъяснить ребенку, если он в соответствии с внутренним законодательством рассматривается как имеющий достаточный уровень понимания, возможные последствия, связанные с его мнением, а также возможные последствия любых действий представителя; выяснить мнение ребенка и сообщить его органу судебной власти. Во всех случаях представитель должен действовать исходя из соблюдения высших интересов ребенка.

Европейская конвенция о признании и исполнении решений относительно опеки над детьми и восстановления опеки над детьми 1980 г. регламентирует правовые отношения, затрагивающие противоречащее закону трансграничное перемещение несовершеннолетних и восстановление над ними опеки, которая была произвольно прервана. Документ адресован компетентным органам власти государств-участников и направлен на обеспечение сотрудничества центральных органов, которые, в свою очередь, обеспечивают сотрудничество национальных судов и административных органов. Невзирая на тот факт, что данный международный договор не адресован напрямую представителям сторон, участвующим в судебном разбирательстве, он содержит ряд положений, которым должен руководствоваться адвокат в части подготовки документов, необходимых для оказания трансграничной правовой помощи. Так, статья 16 Конвенции содержит нормы, определяющие процедуру подачи ходатайства о признании и исполнении решения и прилагаемые к нему документы. Необходимо отметить, что в Конвенции не содержится коллизионных норм.

Гарантии взаимодействия адвокатов и заявителей содержит Дополнительный протокол к Европейскому соглашению о передаче заявлений о правовой помощи 2001 г.⁹, который определяет, что запрашиваемое государство обеспечивает общение адвокатов, назначенных представлять интересы заявителей, с заявителями на языке, понятном обеим сторонам, или покрывает издержки на письменный и (или) устный перевод коммуникации адвокатов и заявителей. При необходимости запрашиваемое государство предоставляет необходимые средства обеспечения коммуникации между адвокатами и заявителями. Европейское соглашение о передаче заявлений о правовой помощи (как и подавляющее большинство соглашений о правовой помощи) адресовано компетентным органам государственной власти (судам и (или) административным органам). Тем не менее Дополнительный протокол к Соглашению вносит существенные дополнения в части определения роли и значения адвоката в работе механизма оказания правовой помощи.

Право СНГ и право Совета Европы представляют собой наиболее обширные комплексы норм, определяющих основы регулирования участия адвоката в спорах о

⁸ Международные акты о правах человека : сборник документов. М., 2002. С. 733–740.

⁹ Additional Protocol to the European Agreement on the Transmission of Applications for Legal Aid // URL: <https://rm.coe.int/1680080624> (дата обращения: 23.11.2025).

детях в пределах соответствующих регионов. Вместе с тем и другие региональные международные организации демонстрируют тенденцию к регулированию исследуемой сферы общественных отношений. Так, примечателен пример Организации Американских государств, которая в настоящее время объединяет 34 государства Северной и Южной Америки и в спектр своей деятельности включает различные направления деятельности, в том числе сотрудничество по вопросам оказания международной правовой помощи, прав человека, семейных правоотношений, права несовершеннолетних. Тем не менее в рамках данной международной организации отсутствует комплексный подход к определению статуса ребенка, в частности его прав в контексте судебного разбирательства, непосредственно затрагивающего его права и законные интересы, также в отношении определения полномочий адвоката приоритет отдается национальному законодательству государств — участников Организации Американских государств.

Необходимо отметить, что ряд региональных международных организаций, напротив, не предпринимают попытки разработать соответствующие нормативные основы участия адвоката в спорах о детях, ограничиваясь кодификацией основных прав ребенка и не затрагивая процессуального статуса несовершеннолетнего. Например, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) как крупная региональная организация экономической интеграции концентрируется в своей деятельности только на кодификации социально-экономических прав (Социальная Хартия СААРК) и практически не затрагивает вопросы правового статуса ребенка, тем более его прав и законных интересов в рамках судебных разбирательств. Исключение составляют такие документы, как Конвенция СААРК о региональных мероприятиях по улучшению благосостояния детей в Южной Азии (касается отдельных аспектов правового статуса ребенка) и Конвенция СААРК о взаимной помощи по уголовным делам. Другие региональные международные организации сосредоточены в своей деятельности на регулировании социально-экономических отношений, а отношения, выступающие предметом настоящего исследования, либо отчасти затрагиваются их деятельностью, либо не охватываются работой данных организаций вовсе.

В рамках региональных международных организаций (в частности, Содружества Независимых Государств, Совета Европы) прослеживается существенная дифференциация в подходах к регулированию участия адвоката в спорах о детях, которая не имеет прямой зависимости от широты компетенции международной организации. Ключевым фактором, определяющим активность в разработке соответствующих норм, является наличие и эффективность реально действующих механизмов защиты прав участников семейных правоотношений, включая развитые системы взаимной правовой помощи и функционирующие региональные международные судебные органы, обеспечивающие возможность рассмотрения и разрешения трансграничных споров.

При этом наряду с международными договорами, существенное значение в формировании правовых основ участия адвоката в спорах о детях имеют акты «мягкого» права, которые, несмотря на свою необязательность, оказывают значительное влияние на формирование общих принципов, стандартов и направлений развития национального законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой области. В частности, акты «мягкого» права формулируют общие принципы, которые служат ориентиром для государств при разработке национального законодательства и правоприменительной практики (например, закрепление принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка или принципа равноправия родителей).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ерпылева Н. Ю. Физические и юридические лица как субъекты международного частного права. Правовой статус физических лиц как субъектов международного частного права // Адвокат. — 2004. — № 11. — С. 98–108.
2. Лукашук И. И. Международное право: особенная часть : учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 517 с.
3. Международные акты о правах человека : сборник документов. — М., 2002. — 944 с.
4. Симонов А. Н. Международное право : конспект лекций. — Таганрог : ИУЭС ЮФУ, 2016. — 115 с.
5. Шумский В. Н. Юридическая сила актов высших органов Содружества Независимых государств // Журнал российского права. — 2006. — № 7 (115). — С. 113–121.

REFERENCES

1. Erpyleva NYu. Individuals and legal entities as subjects of private international law. Legal status of individuals as subjects of private international law. *Advocat.* 2004;11:98-108. (In Russ.).
2. International Human Rights Instruments: A Collection of Documents. Moscow; 2002. (In Russ.).
3. Lukashuk II. International law: a special part: a textbook for students of law faculties and universities. 3rd ed. Moscow: Wolters Kluwer Publ.; 2005. (In Russ.).
4. Shumsky VN. Legal force of acts of the highest bodies of the Commonwealth of Independent States. *Journal of Russian Law.* 2006;7(115):113-121. (In Russ.).
5. Simonov AN. International Law: Lectures AbstractAbstract. Taganrog: IUES SFU Publ.; 2016. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.111-126

РАЗРАБОТКА В. А. ТУМАНОВЫМ ПРОБЛЕМ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Беляев Максим Александрович,

главный редактор журнала «Российское право онлайн», доцент кафедры
теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат философских наук
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
mabelyaev@msal.ru

© Беляев М. А., 2026

Аннотация. В статье дан очерк проблемы множественности правовых теорий, характерной для буржуазного общества и нашедшей свое отражение в монографии выдающегося отечественного правоведа В. А. Туманова, изданной в 1971 г. Сделаны следующие выводы. Во-первых, существует потребность обсуждать онтологическую сторону теоретико-правового плюрализма отдельно от гносеологической стороны, поскольку онтология общества напрямую не копируется в сферу права, но сложным образом отражается и легитимизируется в ней. Во-вторых, сохраняется необходимость различать причины и условия (факторы) множественности учений о сущности и предназначении права. В-третьих, конкретный состав причин и факторов теоретико-правового плюрализма должен быть сегодня определен иначе. Морфология общественной реальности сохраняет определяющее и одновременно дополняющее воздействие на правовую науку. Отсутствие общеобязательной идеологии способствует временному забвению проблематики, присущей метанаучному уровню, поэтому обнаружение правовой мыслью своих мировоззренческих основ осуществляется отдельно от методологической рефлексии, ввиду чего метафизические учения обретают приоритет над материалистической диалектикой. В-четвертых, сохраняется невозможность или нецелесообразность внешнего устранения теоретико-правового плюрализма через какие-либо принудительные воздействия на дискурс. Трансформация правовой мысли в сторону монистических установок будет осуществляться только в том случае, если для этой трансформации в обществе будет присутствовать некий запас или мера духовной свободы. В-пятых, исследование В. А. Тумановым причин и условий теоретико-правового плюрализма сохраняет актуальность и значимость, способствуя рефлексивным размышлениям ученых-юристов как над собственным мировоззрением и условиями его воспроизводства, так и над методологией познания права исходя из ее многоуровневого характера.

Ключевые слова: плюрализм концепций права; теория права; правовая онтология; правовая гносеология; буржуазная мысль; метафизика; диалектика

TUMANOV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF LEGAL PLURALISM

Maxim A. Belyaev,

Cand. Sci. (Philosophy), Editor-in-Chief, «Russian Law Online» Journal; Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
mabelyaev@msal.ru

Abstract. The paper provides an overview of the problem of the plurality of legal theories characteristic of bourgeois society, as reflected in the monograph of the eminent Russian legal scholar V. A. Tumanov, published in 1971. The author arrives at several conclusions. First, there is a need to discuss the ontological dimension of theoretical-legal pluralism separately from its epistemological dimension, since the ontology of society is not directly replicated within the sphere of law but is instead reflected and legitimized therein through complex processes. Second, it remains necessary to distinguish between the causes and the conditions (factors) underlying the plurality of doctrines concerning the essence and purpose of law. Third, the specific configuration of the causes and factors of theoretical-legal pluralism must be defined differently. The morphology of social reality continues to exert a determining, yet simultaneously pre-conceptual, influence upon legal scholarship. The absence of a universally binding ideology contributes to the temporary neglect of issues situated at the metascientific level. As a result, legal thought identifies its own worldview foundations separately from methodological reflection, whereby metaphysical doctrines acquire priority over materialist dialectics. Fourth, the impossibility or impracticality of externally eliminating theoretical-legal pluralism through coercive influence upon legal discourse persists. The transformation of legal thought toward monistic orientations may occur only if society possesses a sufficient degree of spiritual freedom capable of enabling such transformation. Fifth, V. A. Tumanov's analysis of the causes and conditions of theoretical-legal pluralism retains both relevance and scholarly significance, encouraging reflexive consideration by legal scholars of their own worldview assumptions and the conditions of their reproduction, as well as of the methodology of legal cognition in light of its multilayered character.

Keywords: pluralism of legal concepts; legal theory; legal ontology; legal epistemology; bourgeois thought; metaphysics; dialectic

Посвящается
100-летию со дня рождения
Владимира Александровича Туманова (1926-2011) —
крупнейшего отечественного ученого-юриста,
соединившего в своей деятельности
высокую теорию и служение идеалам
добра и справедливости

В работе рассматривается объяснение феномена теоретико-правового плюрализма, данное В. А. Тумановым в монографии «Современная буржуазная идеология. К критике учений о праве» (вышла в 1971 г., переиздана в 2010 г.). Цель данного исследования состоит не только в систематизации причин плюрализма, выявленных В. А. Тумановым, но и в приложении обоснованных им выводов к реалиям сегодняшнего дня, поскольку данные реалии могут играть роль своеобразного теста на актуальность в отношении соображений ученого, данных в начале 1970-х гг. Наша гипотеза заключается в том, что условия и факторы, предопределяющие многообразие правовых учений, сегодня частично изменились, а частично остались прежними. При этом нет оснований ожидать исчезновения теоретико-

правового плюрализма в будущем. Многообразие представлений о сущности права оценивается нами как естественное состояние доктринального правосознания, но обстоятельства, в которых это правосознание функционирует, не остаются постоянными, как и всё иное в мире социальных процессов. Сформулировав данные соображения, переведем их из статуса интуитивных в дискурсивные посредством конкретизации и обоснования.

Для начала необходимо уточнить, что собой представляет теоретико-правовой плюрализм, и разъяснить, в силу каких причин его существование требует отдельного внимания. При этом следует отметить, что работа В. А. Туманова является, по всей видимости, уникальной для своего времени. Нам неизвестны иные сочинения советских авторов, посвященные, хотя бы и в какой-то своей части, проблеме множественности правовых теорий (хотя в целом это обстоятельство упоминается у большинства исследователей правовой мысли XIX–XX вв., таких как И. П. Разумовский, Л. С. Мамут, В. С. Нерсисянц, В. М. Сырых и пр., но упомянуть некое обстоятельство фактического плана не означает превратить его в научную проблему и разработать теоретически). Возможно, такого рода «дискурсивная неполнота» связана с тем, что данную проблему наиболее точно можно зафиксировать, применяя одновременно исторический и логико-гносеологический подходы к доктринальному правосознанию, а именно этого-то авторы в большинстве своем и не делали. Либо они занимались чисто историческими исследованиями, либо философскими, тогда как В. А. Туманов достаточно убедительно показал необходимость и эффективность совместного использования двух подходов к одним и тем же явлениям. Что же касается постсоветских публикаций в области теории государства и права, они в основном сосредоточены на феномене правового плюрализма, т.е. их интересует не столько предмет юридической науки, сколько ее объект. Это по-своему понятный и мотивированный интерес, поскольку уровень теоретического знания с прикладной точки зрения рассматривается как ресурс возможных интерпретаций, а накопленный массив знания практических проблем правовой жизни — как интеллектуальная основа верного и справедливого применения права, т.е. приоритет остается за практикой и ее потребностями. Другими словами, проблемы правового плюрализма легче воспринимать как практически значимые по сравнению с проблемами множественности теоретических описаний права. Об этом свидетельствует, например, суждение С. В. Бирюкова, согласно которому «развитие единого юридического права есть развитие сферы свободы. Но этот же процесс в конечном счете может увеличить взаимозависимость внутри общества, сферу социального контроля за поведением элиты, а затем по эффекту бумеранга — и всех граждан. Однако тенденция к упадку суверенного государства, к вытеснению государственного права правом международных организаций, союзов государств тоже не меняет направления исторического движения и лишь вначале ведет к плюрализму, понимаемому как возможность выбора системы права. В действительности она может быть связана с постепенным формированием нового правового монизма, с еще бóльшим ростом сферы социального контроля, стандартизацией права, уменьшением возможности влияния человека на разные уровни бюрократии»¹. Социальные процессы цикличны, и переход от состояния правового плюрализма к его собственной противоположности также цикличен, т.е. может повторяться многократно. Здесь действительно огромную роль играет политика, а там, где политическая рациональность вступает в действие, чисто исследовательский интерес не может получить полного и всестороннего удовлетворения ввиду расхождения в представлениях о рациональности социальных практик.

Поэтому теоретико-правовая множественность менее популярна как предмет изучения, но представляет собой благодатную почву для получения новых знаний о закономерностях социального уровня организации материи. Хорошо известно, что познание представляет собой моделирование реальности посредством понятий и иных более сложных знаково-символических форм. Опираясь на взаимоотношения

¹ Бирюков С. В. К вопросу о правовом плюрализме // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 25.

этих форм, мы можем предвидеть некоторые положения дел в самой реальности, поскольку истинное знание довольно точно (в пределах текущей потребности) отражает соответствующий объект или систему объектов. В этом случае развитая теория права позволяет не только видеть строение и динамику права как системы в настоящем времени, но и предвидеть будущие состояния права на макро-, мезо- и микроскопическом уровнях. Прогнозирование — важная функция науки, но эта функция осуществима на разных временных интервалах. При этом в ходе подготовки разного рода прогнозов неизменность исследуемых и исследованных объектов молчаливо предполагается, хотя это, безусловно, верно с некоторыми оговорками для неживой природы, не верно с некоторыми оговорками для природы живой, а для реальности общественной это утверждение неверно в принципе. Иными словами, предвидеть направления трансформации права и государства научным путем возможно лишь до той поры, пока ведущую роль в этой трансформации играют те же силы и факторы, которые известны нам в настоящий момент, которые включены в расчет как играющие важную роль. Со временем данные силы и факторы сменятся другими, что заставит готовить прогнозы на новой фактологической основе.

В основе предвидения будущих состояний системы лежит принцип детерминизма, т.е. всеобщей обусловленности явлений, однако понимаемый социальными науками не столь жестко по сравнению с естествознанием. Если в физике на множестве событий, например, в области механики строго определены и причина, и следствие, то в истории, языкознании, социологии и иных науках о человеке и обществе причина понимается как нечто высоковероятное, но не безусловное. Это связано с вариабельностью человеческого поведения, неполнотой отражения внешнего взаимодействия людей в их сознании, наконец, присущей человеку свободой воли. При этом методологически в стандартах научного исследования ничего не меняется: хорошее объяснение в любом случае не может обойтись без принципа детерминизма, соединяя его в ходе прогнозирования с приемом экстраполяции, когда выявленные закономерности продлеваются нами в некоторое будущее время в неизменном виде. Тогда теоретико-правовой плюрализм можно определить как ситуацию в науке, при которой один и тот же объект познания (явление правовой жизни, элемент правовой системы) рассматривается как следствие различных причин, так что и количество, и значение данных причин в разных научных объяснениях не совпадают. Кристаллизацией этой множественности являются определения права, противоречащие друг другу, если их довести до максимальной концептуальной остроты и определенности. Но по законам формальной логики истинное описание не может складываться из противоречивых составляющих, поэтому принятие одного определения как истинного заставляет нас признавать иные (конкурирующие) определения в качестве ложных. Плюрализм, однако, не доходит до этого окончательного решения, сохраняя несовместимые определения и признавая за каждым из них определенную долю истинности. Показательно, что эта его черта вызывает порой жесткую критику со стороны ученых. Так, В. М. Сырых пишет: «Вариационный характер общей теории права некоторыми российскими правоведами оценивается как благо, как реальная возможность расширить и углубить имеющиеся представления о праве, его закономерностях. <...> Однако в действительности многообразие теорий права, плюрализм в понимании и оценке российскими правоведами ее предмета, системы закономерностей возникновения и функционирования права имеет больше негативных, чем позитивных сторон. В отличие от Януса истина не может быть многоликой. Ее постижение — сложный, диалектически противоречивый акт познания, допускающий существование не только плодоносных теорий, но и пустоцветов. Поэтому наблюдаемое ныне многообразие теорий права есть объективный факт, свидетельствующий о сравнительно невысоком уровне теоретических представлений российских правоведов о праве, его закономерностях, о том состоянии теории, когда исследователи еще не способны отличить плодоносную теорию права от пустоцветов и вынуждены в поисках истины о праве впустую перерабатывать “тысячи тонн словесной руды”. Вопрос же о том, какая из конкурирующих ныне теорий права

наиболее полно и верно отражает закономерности данной науки, объясняет и прогнозирует политико-правовые процессы современности, требует содержательного анализа этих теорий и соответственно лежит за пределами исследуемых в данной работе проблем логических оснований данной науки»². Те обвинения, которые В. М. Сырых адресует российским ученым, в работе В. А. Туманова тоже обнаруживаются, они направлены в сторону адептов буржуазной правовой идеологии, но методологически суть одна и та же: множество равноценных и находящихся на одном уровне обобщения и одновременно несовместимых истин о праве, если таковое существует, есть некий неблагоприятный симптом для познания. Либо мы в этом случае имеем частные суждения, не претендующие на статус общего учения, либо мы по какой-то причине отказываемся видеть и устранять противоречие там, где оно действительно существует. Такого рода неблагоприятная ситуация, если верить В. М. Сырых, переключалась из зарубежной правовой науки в отечественную. Косвенно здесь утверждается, что советская правовая мысль была или по меньшей мере старалась данных проблем избегать, будучи методологически более «подкованной». Впрочем, сам В. М. Сырых так не думает, да и развернутого исследования различий советского и постсоветского доктринального мышления о праве он не дает, главным образом ввиду иных целей, поставленных в работе.

Таким образом, теоретико-правовой плюрализм можно понимать онтологически (закономерности одного и того же объекта, т.е. правовой системы, рассматриваются как следствия различных причин) и гносеологически (одновременно наличествуют несовместимые логически определения права, каждое из которых не отвергается в качестве ложного). Второй аспект плюрализма с точки зрения потребностей описания и критики всегда немного более заметен по сравнению с первым, это, на наш взгляд, связано с тем, что логические отношения суждений носят более поверхностный характер по сравнению с причинно-следственными связями, полагаемыми разумом внутри объекта или системы объектов. Отношения противоречия легко заметить, а их установление не требует особой методологической установки, тогда как установление причинно-следственных связей требует принятия детерминистских принципов. Понятно, что советский теоретико-правовой дискурс, будучи сформированным под воздействием философского материализма XIX в., не чуждается разговора о закономерностях, но современные авторы довольно редко обращаются к этому понятию.

Легко заметить, что проблематика, которую репрезентирует В. А. Туманов во второй главе своей фундаментальной монографии, во-первых, носит метанаучный характер, во-вторых, не требует какой-то особенной, изощренной оптики для своего обнаружения и описания. По мере роста рациональной составляющей в правовом знании возрастала и степень разнообразия существовавших учений и концепций. В древности теорий права не было вообще, сознание довольствовалось мифологемами и иными выразительными образами, поэтому даже говорить о плюрализме и монизме как конкурирующих альтернативах у нас нет никакого действительного повода. А вот, например, в XIX столетии западная научная мысль представляет собой достаточно разнообразный ландшафт, чье понятийно-категориальное устройство оказывается настолько сложным, что его описание выглядит как несколько линий, то идущих параллельно, то и вовсе расходящихся в некоторой обозримой перспективе. Потому мы и говорим о возрастании рациональности в правовом мышлении: образы последовательно замещаются понятиями, а сами понятия формируют новые структуры, которым на чувственно-материальном уровне уже ничто не соответствует. Таково движение разума на пути погружения в исследуемую социальную реальность.

Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что исторический подход, посредством которого можно обнаружить множественность теоретико-правовых воззрений, удовлетворяется описанием, но не переходит к осуществлению объяснения. Чтобы такое объяснение было дано, необходимо переместиться на более высокий уровень

² Сырых В. М. Логические основания общей теории права. 2-е изд., стер. М. : Юстицинформ, 2004. Т. 1 : Элементный состав. С. 139.

исследований, где предметом анализа выступают закономерности развития единиц научного знания. Очевидно, юридической научной общественности подобного рода переходы не всегда кажутся обоснованными и полезными, ведь они не предполагают столь же быстрого и эффективного возвращения обратно. Восхождение в область сложных абстракций не компенсируется последующим нисхождением к конкретной единичности, вооружившись исключительно философскими методами, нельзя усмотреть новый социальный факт. Располагая сведениями о том, как устроено, например, сообщество правоведов, все-таки нельзя предсказать, какие научные истины и в каком порядке будут открыты этим сообществом. Поэтому метанаучный уровень правового мышления в принципе может быть популярным только за счет склонности конкретного исследователя к философским обобщениям, тогда как серьезное осмысление теоретико-правового плюрализма потребовало бы отдельной познавательной стратегии, реализуемой целым коллективом ученых.

Таким образом, фактический характер плюрализма правовых концепций представляется для большинства исследователей наименее проблемной ситуацией, не заставляющей работать над ее преобразованием, тем более что какого-то единственного мыслящего субъекта, которому можно было бы вменить ответственность за плюрализм, не существует, поскольку перед нами эффект, свойственный сообществу мыслящих индивидов. Вполне вероятно, что множественность суждений расценивается большинством исследователей как некая норма — либо общесоциальная, либо внутрикорпоративная. С общесоциальной точки зрения гипотезы о правовой системе, ее структуре и функциях разнообразны, поскольку нет ни одного субъекта, которому такое знание было бы дано во всей своей полноте. В каком-то смысле одним из условий прочной социальной коммуникации как раз и выступает распределенность знания о том, как устроены и работают социальные институты, устранить эту распределенность означает устранить и интерес индивидов к взаимодействию, т.е. аннигилировать человека как «политическое животное» (выражение Аристотеля). С другой точки зрения, условно названной внутрикорпоративной, речь должна идти об устройстве научного сообщества, принадлежность к которому для конкретного исследователя означает верность определенным установкам и одновременное отвержение установок, культивируемых в других сообществах. Потребность в принадлежности сообществу в совокупности с коллективистскими практиками социализации начинающих ученых приводят к формированию научных школ или, более широко, парадигм, каждой из которых присущи свои онтологические и гносеологические представления об изучаемых институтах общества, в том числе государстве и праве.

Другой важный момент состоит в том, что эпоха, в которую В. А. Туманов создавал свое исследование правовой идеологии, сама характеризовалась довольно сильной идеологизацией общественных наук. Партийный контроль прямо или косвенно требовал от ученых ссылаться в своих работах на сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также на решения съездов ВКП(б) — КПСС, партийные пленумы и иные документы, не имеющие непосредственного научного значения, но способствующие легитимации самого дискурса. Отсюда и специфическая лексика, употребляемая исследователями, деление общественных теорий на реакционные и прогрессивные и т.д. Говоря в общем, от советских авторов ожидалось использование передовой научной методологии, каковой считалась материалистическая диалектика, а все иные подходы (феноменологический, герменевтический и т.д.) априори объявлялись второсортными, идеалистическими и вдобавок неэффективными. В этом контексте ценным является замечание И. П. Меркулова о том, что «методы построения научных теорий не имеют непосредственных аналогов в природной или социальной действительности, и поэтому их нельзя рассматривать наивнореалистически в качестве репродукции “естественных” способов организации реальных объектов»³. Непосредственная опора на знание о том, как устроено право и чью волю

³ Меркулов И. П. Теория как метод научного познания // Вопросы философии. 1985. № 3. С. 42.

оно выражает, вряд ли может считаться достаточным условием для разработки полноценной исследовательской методологии, чьи основы с необходимостью должны заимствоваться из иных концептуальных систем, в первую очередь из философии. А именно философия и претерпевала в советское время мощный натиск со стороны партийных идеологов.

Как пишет сам В. А. Туманов, «буржуазной науке известно значительное число общетеоретических учений и концепций о сущности и роли права. Наиболее крупные из них распадаются на подшколы и подвиды. Ситуация нередко напоминает нечто вроде настоящей инфляции конструкций и точек зрения. Если даже исходить из того, что деление на направления и школы — закономерность развития науки, то и тогда множественность буржуазных учений о праве носит гипертрофированный характер»⁴. Эту описательную характеристику автор как раз в своей работе и подтверждает, затрагивая в той или иной степени огромное количество добросовестно изученных им англо-, франко- и немецкоязычных сочинений, проходящих под рубрикой «правовая идеология». Но вот оценочная характеристика, которую дает В. А. Туманов, как видим, выглядит резко отрицательно. Инфляция точек зрения означает обесценивание каждой из них. Иными словами, чем больше имеется концепций, тем менее значима любая из их множества. Так ли это? Ответить на этот вопрос можно лишь посредством тщательного изучения всех причин и условий теоретико-правового плюрализма.

Важное методологическое замечание: согласно В. А. Туманову, следует говорить о трех группах причин или факторов, влияющих на множественность правовых доктрин: социальных, исторических, гносеологических⁵. Но всё же автор чаще называет их именно факторами, а не причинами. Случайно ли такое словоупотребление, мы не можем знать точно, но у нас есть потребность его прокомментировать. Когда мы оперируем понятиями «фактор» или «условие», наше представление о степени связанности тех или иных событий или явлений оказывается несколько менее категоричным по сравнению с апелляцией к «причинам». Связь причины и следствия, как правило, является жесткой и единообразной, по крайней мере, это соответствует стандартам классической рациональности. Если же мы говорим о множестве факторов, то подразумевается, что ни один из них не является исключительным в своей функциональной роли, так что результат развития всегда оценивается нами как последствие взаимодействия множества факторов, разделение которых происходит лишь аналитически, в сознании исследователя, т.е. абстрактно. В реальности же эти факторы образуют конкретное, слитно функционирующее единство. В какие-то периоды времени один из факторов оказывается определяющим с точки зрения силы воздействия, тогда его можно относить к причинам. При этом такого рода причинное воздействие может трансформироваться, когда на первый план выходят иные факторы. Например, при переходе от первого технологического уклада ко второму (конец XVIII в.) воздействие технологий на политические отношения и их правовую форму было незначительным, тогда как переход от пятого к шестому технологическому укладу (датируемый началом XXI в.) универсализирует роль технологий, превращая их в цивилизационный вызов для традиционного правопорядка и практик политического господства.

Социальные факторы и условия теоретико-правового плюрализма рассматриваются В. А. Тумановым как первичные, поскольку они описывают устройство капиталистического общества, исторические фиксируют определенную конфигурацию действующих субъектов (сообществ, в данном случае — классов), гносеологические характеризуют состояние общественного сознания и в этом качестве могут рассматриваться как производные, вторичные (хотя такого понятия у автора в работе нет). Степень вариативности факторов и условий теоретико-правового плюрализма возрастает одновременно с их удаленностью от экономического базиса, поэтому именно

⁴ Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Избранное. М. : Норма : Инфра-М, 2010. С. 71–72.

⁵ Туманов В. А. Указ. соч. С. 73.

в понятийно-категориальной сфере, т.е. в «верхнем» слое общественного сознания мы обнаруживаем невиданное разнообразие формулировок о сущности, ценности и предназначении права, каждая из которых, как представляется на первый взгляд, имеет столько же прав на существование, как и всякая иная. Логико-понятийные конструкции, взятые в отдельности от производящих их социальных реалий, обладают условно-самостоятельным существованием. Как полагает В. А. Туманов, в отделении юридических понятий от их социальной основы значимую роль играют «особенности так называемого юридического мышления, складывающегося в процессе правоприменительной деятельности и формальнологической (орфография авторская. — М. Б.) обработки и систематизации действующего права. Для этого мышления характерна порождаемая практическими потребностями тенденция к четкому разграничению на формальнологической основе правовых понятий, норм, составов, институтов. С неизбежностью переносимые из практико-прикладной области в сферу общей теории права навыки такого мышления ведут к тому, что проблемы и на этом уровне ставятся так, будто речь идет об отграничении одного правового института или состава от другого. <...> В результате общетеоретические проблемы правоведения, для решения которых необходимо выявить сложные диалектические связи и зависимости, выступают в форме логической антиномии, построенной по принципу “или-или” и решаемой по закону исключенного третьего. Существует, например, тесная зависимость между причинными связями, обуславливающими право, и целями, которые оно преследует. Однако если вопрос формулируется так: “Относится право к сфере причинности или к сфере финальности?” — то уже сама такая постановка вопроса предreshает неправильное направление поиска»⁶.

Таким образом, по мнению В. А. Туманова, создатели концепций, объясняющих суть и социальное назначение права, не свободны от стандартов юридического мышления, чьим предметом выступает прежде всего нормативный материал. В этой зависимости, на наш взгляд, нет ничего специфического или связанного с определенным типом общественно-экономической формации, поскольку потребности практики диктовали направление интеллектуального поиска и в Средние века, и в эпоху Просвещения, и сегодня. Другое дело, что мышление, центрированное на решении частных задач, вряд ли способно без дополнительной философско-методологической опоры генерировать обобщения высокого уровня. И в этом случае становятся важными философские предпочтения конкретного исследователя или сообщества ученых.

В монографии В. А. Туманова в полном соответствии с духом времени проводится противопоставление метафизики и диалектики как философских методов, противоположных по происхождению и потому не совмещаемых в едином научном поиске. Такое противопоставление восходит к основоположникам марксизма, неоднократно легитимируется в работах В. И. Ленина и до определенного времени поддерживалось советскими философами. Суть состоит в том, что метафизика склоняется к идеализму платоновского типа, который признает первичность идеи над вещью. Исследователь, симпатизирующий метафизике и вооруженный ей, методически, т.е. последовательно отрывает некую часть системы от целого, объявляет о самостоятельном существовании этой части, чем совершает гносеологическую подмену. Например, способ бытия естественных прав с точки зрения некоторых мыслителей рассматривается именно метафизически: естественные права суть идеи или принципы, чье бытие автономно от воли государств, сообществ, классов и вообще каких-либо субъектов. Нормативистская версия правовой теории, разработанная Г. Кельзеном, призывает рассматривать право как логически связанную систему норм, за пределами которой нет ничего, имеющего в себе правовое содержание. В той же мере может быть абсолютизировано и бытие юридической практики (как это делает американский правовой реализм), и человеческая психика как вместилище образов и понятий правовой жизни индивида (как это делает Л. И. Петражицкий). Всё это суть образцы метафизики теоретико-правового мышления, и с точки зрения

⁶ Туманов В. А. Указ. соч. С. 111–112.

В. А. Туманова, такие образцы принципиально неполны и не могут претендовать на научность именно ввиду специфики методологии.

Альтернативой метафизики, как опять-таки утверждает марксизм-ленинизм, выступает диалектика, причем освобожденная от идеалистических корней и всецело соединившаяся с материализмом. Что означает диалектически подойти к осмыслению правовой реальности? В. А. Туманов отвечает на этот вопрос так: «осмыслить ее [реальность] в сложной взаимосвязи всех ее элементов, в противоречивом единстве необходимости и свободы, причинности и финальности, отражения и социального творчества, структуры и процесса, континуитета и прерывности»⁷. Действительно, если метафизика констатирует неизменность определенных сущностей, то диалектика в противовес этому декларирует вечную подвижность и изменчивость всех форм бытия, как материального, так и символически-духовного. Последнее, впрочем, всё равно является материальным, представляя собой его специфический модус, самостоятельным существованием не обладающий. Говоря строго, самостоятельно существует лишь материя как субстанция, т.е. всеобщая основа конкретных вещей и процессов, все прочее не абсолютно и с течением времени приобретает какие-то новые качества, попутно теряя ранее имевшиеся. В общих чертах диалектический метод задает и онтологию, схему реальности, чем не может похвастаться метафизика.

Надо, кроме того, иметь в виду, что диалектический метод не отрицает наличие сущностей у чего бы то ни было. Как справедливо пишет Д. А. Керимов, «под сущностью права следует понимать те внутренние и необходимые, общие и основные, существенные, главные и устойчивые свойства, признаки, черты правовых явлений, единство и взаимообусловленность которых определяют их специфику и закономерности развития. Это определение позволяет провести различие между категориями сущности и явления права. Во-первых, сущность права выражает общие закономерности развития правовой действительности, в то время как отдельные правовые явления или их группы выражают лишь специфичные закономерности их развития. Во-вторых, в сущности права представлены все основные, существенные, главные характеристики правовых явлений в их единстве, тогда как отдельные правовые явления не только не могут обладать этим качеством, но нередко содержат неосновные, несущественные, неглавные их свойства, признаки, черты. В-третьих, в сущность права включено лишь нечто внутреннее, глубинное, необходимое, а в правовые явления — зачастую внешнее, поверхностное, случайное. В-четвертых, сущность права более устойчива, спокойна, постоянна, в то время как правовые явления отличаются подвижностью, изменчивостью, текучестью. Наконец, в-пятых, если сущность права, как нечто общее для всех правовых явлений, может быть выражена только и исключительно посредством данных правовых явлений, то последние выступают сами по себе, прямо и непосредственно»⁸. Благодаря этой цитате мы видим, что различие между метафизикой и диалектикой в вопросах онтологического осмысления правовой реальности лишь в том, что с метафизической точки зрения, если нечто является сущностью, оно не может быть ничем иным, тогда как с диалектической, если нечто — сущность в одной системе взаимосвязей, то оно же в другой системе взаимосвязей может выступать как явление, поскольку внешнее с внутренним, обусловленное с обуславливающим способны, говоря образно, меняться местами.

Но в трудах самого В. А. Туманова, а также В. М. Сырых и, например, раннего С. С. Алексеева речь шла, как мы полагаем, не о преимуществах диалектики, а о проблемах ее применения в конкретном исследовании юридических проблем общества. Задача при этом состоит в том, чтобы сохранить указанную конкретику, в противном случае социальная ценность познания будет утрачена. Рискнем утверждать, что исследовательская миссия диалектики в социальных науках оказывается более сложной, поскольку от разума здесь требуется какая-то невиданная и не свойственная для большинства ситуаций изобретательность. Укажем лишь на одну методологическую особенность. Так, на стороне метафизики полноценно и безотказно

⁷ Туманов В. А. Указ. соч. С. 111.

⁸ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М. : Мысль, 1972. С. 42.

работает формальная логика, поскольку, как мы ранее уже говорили, результаты познания фиксируются в виде понятий, а понятие как форма мысли представляет собой нечто неизменное (аристотелевский закон тождества напрямую запрещает изменять содержание или объем понятия в ходе какого-либо рассуждения, или же — как вариант, такое изменение всякий раз должно быть явно обозначено). Раз наше научное мышление не может обойтись без понятий, а все правила дискурсивного, т.е. рассудочного мышления ориентированы на их неизменность, возникает естественный порыв или соблазн онтологизировать эти понятия, усмотрев за ними неизменные в своем составе объекты, как бы «выдернутые» из потока времени. С этой онтологизацией у метафизики не возникает никаких противоречий, в отличие от диалектики.

Антиметафизическая ориентация диалектики заставляет отвергать любую формально данную онтологию реальности. Если рассуждающий таким образом исследователь отказывается признавать существование подобного рода объектов, если вслед за классиками диалектического материализма он провозглашает вечное движение систем друг относительно друга, ему необходимо и пользоваться какой-то иной логикой. Деятели советской философии окрестили ее диалектической, хотя в действительности под этим наименованием чаще всего скрывались конструкции, заимствованные из немецкой классической философии (в первую очередь из сочинений Гегеля) и в некоторой степени адаптированные под идеологический контекст. Так что внутренние сложности метафизического подхода к праву можно преодолеть, выйдя на метанаучный уровень обобщения, т.е. сформировав онтологию изучаемой предметной области. При этом формальная логика не благоприятствует отказу от метафизики. Что же касается юридического познания, ориентированного на стандарты диалектического подхода, едва ли его можно реализовать во всей полноте, поскольку развертывание знаково-символических конструкций, если оно направлено на отражение противоречиво развивающейся реальности, обречено на бесконечность. Любое же научное исследование требует остановки, своего рода последнего, фундаментального пункта, аксиомы или нескольких аксиом. Поэтому нет ничего удивительного, что создание теорий государственно-правовой действительности имманентно метафизично. Некоторые марксистские авторы, идя по пути диалектики возможно более последовательным образом, в принципе устраняли правовую реальность как множество автономно существующих объектов, сводя закономерности права к подобию закономерностей общественного базиса, т.е. производственных отношений (таким автором, безусловно, был Е. Б. Пашуканис, считавший сутью права логику обмена благами). Но затруднительно было бы утверждать, что ученые располагают подробно разработанной теорией права, которая представляет собой диалектический антипод по отношению к метафизике. Такая теория всегда только планировалась к созданию, но ее осуществлению препятствовали какие-то обстоятельства, возможно, в большей мере субъективного свойства.

Итак, антидиалектический характер исследовательской методологии, рассматриваемый В. А. Тумановым в качестве неперменного условия теоретического плюрализма, сохраняется и по сей день в неизменном виде, а работа по освобождению теории государства и права от метафизики пока далека от зримых результатов. Впрочем, автор нигде не говорит в своей работе, что диалектика вытесняет теоретико-описательное многообразие и насаждает вместо него онтологический монизм. Вероятно, для марксистской идеологии данное утверждение представляется самоочевидным, но сегодня данную очевидность справедливо следует поставить под вопрос. По мнению Х.-Й. Зандкюлера, плюрализм как раз-таки плохо совместим с метафизикой. Он пишет: «Если для буржуазного общества с конца XVII в. определяющими были такие концепции права, в которых право в качестве данного права не нуждалось в рациональном обосновании... то теперь предпочтение отдается той очевидности, что право — это положенное право, однажды ставшее позитивным. Кто усваивает это, тот требует рационального обоснования права и исходит из признания его динамики, постоянной изменяемости. Если в результате этого процесса

индивидуальное и коллективное действие фактически перестает регулироваться неоспоримыми “вечными нормами”, то обнаруживается, что и теория права вовлечена в тот же процесс порождения плюрализма»⁹. В данном суждении мы встречаем совершенно иной подход к онтологии правовой действительности, который можно назвать умеренным плюрализмом идеалистического толка. Вероятно, возможны и иные философско-методологические сочетания принципов.

Вторая гносеологическая причина плюрализма учений о праве (правовой идеологии) — это сложность объекта изучения, под которым В. А. Туманов понимает правовую надстройку развитого общества. Он пишет: «Обращаясь к изучению и осмысливанию правовой действительности, ученый сталкивается с рядом составляющих ее и отличных друг от друга компонентов, которые находятся в постоянном развитии и процессе сложного взаимодействия. Это, во-первых, право в собственном смысле слова, т.е. совокупность норм, установленных или санкционированных государственной властью и охраняемых. Это, во-вторых, сфера многообразных правовых отношений, складывающихся в обществе и находящихся в постоянном движении, в-третьих, это сфера применения права — деятельность правосудия, когда нарушены юридические запреты или нормальное развитие тех или иных правоотношений. Наконец, в-четвертых, сфера правосознания — отношения людей, социальных групп, слоев и классов к праву. В свою очередь, каждый из этих компонентов достаточно сложен»¹⁰. В ходе этих справедливых и глубоких размышлений, автор всё же не дает комментария по поводу того, чем с точки зрения гносеологии является данная сложность. Перечисление компонентов правовой надстройки, подлежащих изучению, создает у читателя впечатление, будто бы сложность объекта есть не что иное, как его многосоставность. На первый взгляд кажется, что это так: чем больше частей имеет правовая надстройка или правовая система (считаем эти понятия эквивалентными), тем сложнее ее изучать. Обратное утверждение также представляется очевидным. Представим в порядке мысленного эксперимента, что правовая теория вознамерилась исследовать только и исключительно систему правовых норм, тогда как, например, правосознание и правоотношения с позиций такой ригористичной науки не удостоились бы никакого внимания. Этот подход вряд ли оказался бы плодотворным, но он действительно прост, прост в сравнении с реальной наукой, ведь правовые нормы, сколько бы их ни было, суть объекты одного порядка, носители одних и тех же качеств. Даже задача их классификации решается сравнительно элементарно, что и демонстрируют, кстати, учебники по теории государства и права, предназначенные для студентов первого курса.

Однако к плюрализму теорий ведет не сама по себе многосоставность изучаемой системы, а невозможность редуцировать различного типа сущности к какой-либо единой, базовой сущности. Можно заявить, что без правовых норм не было бы в конечном итоге и правосознания, но закономерности функционирования правосознания не совпадают с закономерностями функционирования системы права (или системы законодательства). Связи между различными компонентами исследуемой системы столь разнообразны, что науке не хватает простого деления на причины и условия, необходимо вводить целый набор градуированных по силе связей, тщательно различая их на всем пути познания.

С этой точки зрения сегодняшняя ситуация ничем не отличается от описанной В. А. Тумановым в начале 1970-х гг. Правовая действительность по-прежнему чрезвычайно сложно устроена, только теперь более заметным становится детерминирующее воздействие на право со стороны технологий — производственных, распределительных, коммуникативных. Само социальное взаимодействие превращается в набор различных технологий, в том числе и полностью автоматизированных, что дает дополнительное подтверждение истинности таким концепциям права, как, например, коммуникативной теории профессора Санкт-Петербургского

⁹ Зандкюлер Х. Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 45.

¹⁰ Туманов В. А. Указ. соч. С. 107–108.

университета А. В. Полякова или дискурсивной теории права Ю. Хабермаса. Одновременно в правовых системах возникают ранее не исследованные наукой структуры, например циклические правовые массивы, определение сущности которых при- нуждает исследователя соотносить новое знание с уже имеющимся, т.е. понятийный состав теории продолжает усложняться¹¹.

Перейдем к социальным условиям и факторам теоретико-правового плюрализма. Каждое общество неоднородно, и если эта неоднородность осознается представителями различных социальных групп, между такими представителями возникает либо конфликт, либо кооперация. Но общество всегда оказывается расслоенным так, что одним в наличных условиях комфортно и они не согласны на изменение условий, а другие терпят ограничения материального и иного вида, и потому желают изменений. Наиболее явными конфликты такого типа оказываются именно в эпоху капитализма. Согласно марксистскому учению¹², в капиталистическом обществе повсюду присутствует отчуждение, имеющее как институциональное, так и антропологическое измерения. Эксплуатация труда предполагает отчуждение рабочего от произведенного продукта, когда этот продукт не принадлежит тем, кто его произвел, а также отчуждение самой жизни представителей зависимых классов от способов нормального воспроизводства этой жизни, когда труд рабочего по мере своего осуществления отнюдь не ведет к гармоничному развитию личности рабочего. В конечном итоге в таком обществе до предела обостряются противоречия между трудом и капиталом, в ходе развития которых и благодаря которым возникает разрыв бытия и мышления, при котором мысль утрачивает бытийное измерение, а бытие лишается столь необходимой ему осознанности. С этой точки зрения философским итогом такого движения будут постмодернизм и агностицизм. Тогда любая конкретная идеология, правовая она по своему содержанию или религиозная, моральная или производственная, будет нести в себе зерно заблуждения или прямой лжи, поскольку никаким иным способом указанные выше формы отчуждения не могут быть скрыты от тех, от кого они и должны быть скрыты.

Именно поэтому В. А. Туманов по умолчанию предполагает, что плюрализм учений о праве, свойственный западному миру, есть нечто заслуживающее критики и что этого плюрализма лишена советская правовая мысль. Объяснение этой разницы очень простое, хотя и не формулируется автором подробно. Дело в том, что социалистический тип государственности последовательно ликвидирует отчуждение, равно как и классовое противостояние, вследствие чего общественное сознание и общественное бытие возвращаются к состоянию гармоничной сопряженности и сотворчества. В этом случае общественное сознание не создает химерических конструкций и нет субъектов, чьи потребности могут удовлетворяться только при условии широко распространенных коллективных заблуждений. Следовательно, капиталистическое общество устроено так, что идеология требуется прежде всего для сглаживания классовых противоречий, тогда как идеология социализма способствует координации усилий огромного числа людей ради достижения общепольных целей, поэтому правовая идеология капитализма не заинтересована в производстве и распространении научных истин, тогда как при социализме идеология полностью трансформируется в науку, а истинными признаются те концепции и теории, которые способствуют прогрессивному движению общественных сил как внутри страны, так и в пределах всего мира.

Впрочем, не стоит обманываться насчет внешней простоты социальной морфологии, предлагаемой марксизмом. Помимо классов советская социология выделяла также прослойки общества, туда попадала, например, трудовая интеллигенция, чьи

¹¹ Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.

¹² Центральным текстом здесь следует считать раннюю работу К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года», в которой отчуждение выведено из узкой сферы философского мышления в экономическую науку и вообще (как показала рецепция этого текста авторами XX века) — в идеологию.

взгляды и интересы не могли совпадать с коллективными представлениями ни пролетариата, ни крестьянства, что очевидно. И поэтому в сфере общественного сознания, современной исследованию В. А. Туманова, бытовали не только строго несовместимые взгляды и теории, но и такие представления, которые не определены в соотношениях друг с другом. Но автор о таких представлениях не говорит, поскольку с марксистской точки зрения они периферийны и не определяют всецело ландшафт общественной мысли. Однако по мере замены социализма капитализмом такой неопределенности становится больше, но об этом в начале 1970-х гг. еще никто не знал.

По Марксу и Энгельсу, любая общественно-экономическая формация характеризуется классовым антагонизмом, точнее, в ее пределах можно усмотреть признаки как противостояния, так и компромисса. По мнению марксистов, каждый такой межклассовый компромисс лишен прочности и существует сугубо временно, тогда как антагонизм более фундаментален и существует вплоть до революционного разрешения проблемы. Но ведь известно, что общественное сознание не сразу, а с некоторым опозданием отражает перемены в общественном бытии, поэтому и постреволюционное развитие того или иного государства вовсе не обязательно сопровождается торжеством прогрессивной идеологии. С другой стороны, верно и обратное: среди идейного многообразия, допускаемого капитализмом, возможно возникновение прогрессивной правовой идеологии, резко отличной от большинства реакционных концепций. В конце концов, она откуда-то должна взяться по законам той же материалистической диалектики. Например, сам марксизм возник из синтеза немецкой классической философии, французского утопического социализма и английской политической экономии. Правда, собственно правовой составляющей в марксистском учении было всегда крайне недостаточно для прямого концептуального заимствования.

Представим, что марксистский взгляд на общественное устройство сегодня не может быть принят без ряда уточнений, поправок, дополнений, к числу которых, например, относится тезис о существенной неоднородности как буржуазии, так и пролетариата, о размытости этих двух понятий относительно строго эмпирических исследований, о наличии неких промежуточных слоев в общественной структуре и т.д. Конечно, то, о чем рассуждал В. А. Туманов в своей монографии, представлялось абсолютно верным пятьдесят лет назад, особенно если брать за основу развитые капиталистические государства. Но у нас нет уверенности, что выявленные в то время зависимости одних социальных процессов от других сохраняют свою обоснованность.

Как сегодня обстоит дело с морфологией социальной реальности? Полного и точного ее описания, как представляется, нет, хотя это не означает, что его не может быть. Безусловно, капиталистическое общество может и в наше время рассматриваться как пространство существования классов, а модусами этого существования могут выступать как борьба, так и компромисс. Однако современные социологи предпочитают говорить о социальной стратификации, которая отличается от классового деления более дробной структурой и отсутствием тезиса о непримиримых противоречиях, носящих объективный характер. В целом социальная наука не отказывает противоречиям в наличии, но их роль в значительной мере пересмотрена¹³, так что и учение о социальной революции как единственном способе устранить всеобщее отчуждение также лишено популярности и разделяется сегодня немногими левыми мыслителями. При этом, на наш взгляд, не исчезает возможность маскировки посредством понятийно-категориальных структур действительного интереса определенных общественных групп, суть которого состоит в искажении

¹³ Как неоднократно утверждал в своих статьях и выступлениях А. И. Клименко, современный капитализм способствует перенесению классовой борьбы в сферу дискурса (см.: *Клименко А. И. Природа и функции правовой идеологии // Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания : сборник научных статей. М. : Граница, 2013. С. 162–163*).

подлинного предназначения государственно-правовых институтов, тем более что ресурсы для такой маскировки есть. Для этой цели, безусловно, подходит любая идеалистическая, точнее метафизическая концепция права, отрывающая часть от целого и объявляющая эту часть завершенным целым. Упомянутый нами выше коммуникативный или дискурсивный подход к праву также может быть оценен как содержащий имплицитное метафизическое ядро, которое, впрочем, и должно входить в его состав, дабы концепция не превратилась в ничем не сдерживаемый релятивизм. Впрочем, мы далеки от необоснованных подозрений проponentов коммуникативного подхода к праву в интеллектуальной или нравственной нечестности. Их пребывание в пределах метафизического мышления свидетельствует не о том, что диалектика, взятая на новой философской основе, сложна и непосильна для них, а скорее о том, что пока не созрели конкретно-исторические условия для преодоления коммуникативного взгляда на право ввиду его односторонности. В этом отношении очень ценным является наблюдение Р. И. Таллера, который утверждал: «Любой господствующий класс в целях сохранения общества в целом как условие самосохранения вынужден признать общезначимость тех социальных явлений, которые объективно являются общечеловеческими ценностями и закрепить их в нормах права»¹⁴. Эта потребность выражается в осознанной идеологической нейтрализации определенных ценностей и смыслов, суждений и норм, которые могут быть противопоставлены любой конкретной идеологической системе убеждений. Именно потому, что это противопоставление совершается посредством дискурса, на сегодняшний момент коммуникативный подход объективно не является односторонним, и степень полноты описания права представляется носителям данного подхода достаточной, а ввиду определенных социально-экономических и других, в том числе духовных условий она действительно является достаточной. Чем более сложным по своему устройству является общество, тем более насущной проблемой являются переговоры, посредничество, компромиссы, что актуально и для сферы права, в которой некоторые современные эксперты отыскивают случаи «смягчения» изначально жесткого механизма правового регулирования. Всё это свидетельствует о востребованности и метафизики, и идеологии коммуникативного подхода к социальным явлениям, среди которых видное место занимает право, создающее своего рода нормативную рамку для мышления о любых общественных институтах (чего не могло быть в позитивистской парадигме, но не исключалось сторонниками натурализма).

Подведем итоги нашим размышлениям. Во-первых, существует потребность обсуждать онтологическую сторону теоретико-правового плюрализма отдельно от гносеологической стороны. У самого В. А. Туманова это разделение проведено иначе: наряду с гносеологическими причинами и условиями плюрализма обозначены социальные и исторические. Онтология общества напрямую не копируется в сферу права, но сложным образом отражается и легитимируется в ней.

Во-вторых, сохраняется необходимость различать причины и условия (факторы) множественности учений о сущности и предназначении права. Набор условий изменяется достаточно медленно, тогда как причины образуют более подвижную целостность.

В-третьих, конкретный состав причин и факторов теоретико-правового плюрализма должен быть переопределен по сравнению с версией В. А. Туманова следующим образом. Морфология общественной реальности сохраняет определяющее и одновременно дополняющее воздействие на правовую науку. Отсутствие общеобязательной идеологии способствует временному забвению проблематики, присущей метанаучному уровню, поэтому обнаружение правовой мыслью своих мировоззренческих основ осуществляется отдельно от методологической рефлексии, ввиду чего метафизические учения оказываются важнее учений диалектических.

¹⁴ Таллер Р. И. Философия как логика и методология познания права. Куйбышев, 1989. С. 37.

В-четвертых, сохраняется невозможность или нецелесообразность внешнего устранения теоретико-правового плюрализма через какие-либо принудительные воздействия на дискурс. Вооружившись материалистическим философским мировоззрением, можно с уверенностью прогнозировать, что трансформация правовой мысли в сторону монистических установок будет осуществляться только в том случае, если для этой трансформации в обществе будет присутствовать некий запас или мера духовной свободы, что в условиях современных технологических инноваций видится проблематичным, хотя и не исключается.

Таким образом, исследование В. А. Тумановым причин и условий теоретико-правового плюрализма сохраняет определенную актуальность и значимость, способствуя рефлексивным размышлениям сообщества ученых-юристов как над собственным мировоззрением и условиями его воспроизводства, так и над методологией познания права, исходя из ее многоуровневого характера. Изменение социально-политического контекста, в который погружена правовая мысль, лишь смещает равновесие между противоречащими философскими установками, но не отменяет необходимости дальнейшей разработки всего комплекса закономерностей развития права и правосознания. Превосходный образец исследования, данный нам В. А. Тумановым, стоило бы не только сохранять, но и развивать, адаптируя приемы мысли к общественно-политическим реалиям первой четверти XXI столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирюков С. В. К вопросу о правовом плюрализме // Журнал российского права. — 2016. — № 2. — С. 16–26.
2. Зандкюлер Х. Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. — 1999. — № 2. — С. 35–50.
3. Керимов Д. А. Философские проблемы права. — М. : Мысль, 1972. — 472 с.
4. Клименко А. И. Природа и функции правовой идеологии // Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания : сборник научных статей. — М. : Гранита, 2013. — С. 155–164.
5. Меркулов И. П. Теория как метод научного познания // Вопросы философии. — 1985. — № 3. — С. 39–49.
6. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1 : Элементный состав. — 2-е изд., стер. — М. : Юстицинформ, 2004. — 528 с.
7. Таллер Р. И. Философия как логика и методология познания права. — Куйбышев, 1989. — 167 с.
8. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Избранное. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — С. 63–307.
9. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. — 2019. — № 12. — С. 5–18. — DOI: 10.12737/jrl.2019.12.1.

REFERENCES

1. Biryukov SV. On the issue of legal pluralism. *Journal of Russian Law*. 2016;2:16-26. (In Russ.).
2. Kerimov DA. Philosophical problems of law. Moscow: Mysl; 1972. (In Russ.).
3. Khabrieva TYa. Cyclic Normative Arrays in Law. *Journal of Russian Law*. 2019;12:5-18. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2019.12.1.
4. Klimenko AI. Nature and functions of legal ideology. Vectors of the Development of General Legal Theory as Vectors of Legal Understanding. Collection of Research Papers. Moscow: Granitsa Publ.; 2013. (In Russ.).
5. Merkulov IP. Theory as a method of scientific knowledge. *Voprosy filosofii*. 1985;3:39-49. (In Russ.).

6. Syrykh VM. Logical foundations of the general theory of law. Vol. 1: Elemental Composition. 2nd ed. Moscow: Justitsinform Publ.; 2004. (In Russ.).
7. Taller RI. Philosophy as logic and methodology of knowledge of law. Kuibyshev; 1989. (In Russ.).
8. Tumanov VA. Bourgeois legal ideology. To criticism of law teachings. Selected Works. Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2010. (In Russ.).
9. Zandkuler KhY. Democracy, universality of law and real pluralism. *Voprosy filosofii*. 1999;2:35-50. (In Russ.).

ИРАКЛИЙ ЦЕРЕТЕЛИ: ДЕМОКРАТИЯ И ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Зайнутдинов Динар Рафаилович,
профессор кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала
Университета правосудия имени В.М. Лебедева, профессор кафедры теории
государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного
университета имени В.Г. Тимирязева (ИЭУП), руководитель юридического отдела
Института социальных и гуманитарных знаний, доктор юридических наук, доцент
420073, Россия, г. Казань, ул. Гвардейская, д. 9а, кв. 12
knight_1988@mail.ru

© Зайнутдинов Д. Р., 2026

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Ираклия Церетели (1881–1959 гг.) — одного из величайших грузинских трибунов, лидера грузинского национального движения, крупного идеолога социал-демократии, министра почт и телеграфа и министра внутренних дел Временного правительства 1917 г., члена Учредительного собрания Грузии. Когда И. Церетели попал в водоворот событий начала XX в., его как юриста стали волновать проблемы международного права, в том числе войны и мира, международных договоров, правовой легитимации идеи мировой революции и т.п. Одним из наиболее актуальных вопросов той эпохи стала реализация нациями права на самоопределение. В своих многочисленных выступлениях И. Церетели призывал всех лидеров политических движений в мире к формированию нового международного права. Политико-правовые воззрения Ираклия Церетели не имеют должной всеохватывающей оценки в российской исторической и юридической литературе, ряд трудов посвящен отдельным жизненным эпизодам этого деятеля. Слабо изучено понимание грузинским мыслителем вопросов международного права — принципа неприменения силы, учреждения международных организаций, права наций на самоопределение и др. Работа освещает только один из аспектов воззрений Ираклия Церетели. Автор полагает, что в условиях кризиса современного международного права обращение к идеям и концепциям политико-правовых мыслителей начала XX в., таких как Ираклий Церетели, может быть весьма полезным.

Ключевые слова: Ираклий Церетели; меньшевики; международное право; социал-демократия; право наций на самоопределение; воображенная борьба; демократические способы борьбы; суверенитет; независимость; грузинская государственность

IRAKLI TSERETELI: DEMOCRACY AND THE RIGHT OF NATIONS TO SELF-DETERMINATION

Dinar R. Zainutdinov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory and History of Law and State, Kazan Branch, Lebedev University of Justice; Professor, Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov (IEPU), Head of the Legal Department, Institute of Social and Humanitarian Knowledge
knight_1988@mail.ru

Abstract. *This article examines the views of Irakli Tsereteli (1881–1959), one of the most prominent Georgian orators, a leader of the Georgian national movement, a major ideologue of social democracy, Minister of Posts and Telegraphs and Minister of Internal Affairs of the Russian Provisional Government in 1917, and a member of the Constituent Assembly of Georgia. When Tsereteli became involved in the turbulent events of the early twentieth century, he, as a jurist, developed a strong interest in questions of international law, including issues of war and peace, international treaties, and the legal legitimization of the idea of world revolution. One of the most pressing issues of that era was the implementation of the right of nations to self-determination. In his numerous public addresses, Tsereteli called upon political leaders throughout the world to contribute to the formation of a new system of international law. The political and legal views of Irakli Tsereteli have not yet received comprehensive treatment in Russian historical and legal scholarship; existing studies tend to focus only on particular episodes of his life and political activity. His understanding of such issues of international law as the principle of the non-use of force, the establishment of international organizations, and the right of nations to self-determination remains insufficiently explored. This article addresses only one aspect of Tsereteli's intellectual legacy. The author argues that, in the context of the contemporary crisis of international law, renewed attention to the ideas and concepts advanced by political and legal thinkers of the early twentieth century, including Irakli Tsereteli, may prove highly valuable.*

Keywords: *Irakli Tsereteli; Mensheviks; international law; social democracy; the right of nations to self-determination; imaginary struggle; democratic ways of fighting; sovereignty; independence; Georgian statehood*

Начальное образование Ираклий Церетели (1881–1959 гг.) получил в Тбилисской гимназии, окончив ее в 1900 г. с золотой медалью, и осенью того же года поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. Там он познакомился с народническими и марксистскими идеями и практически сразу стал председателем Исполнительного комитета объединенных студенческих землячеств и организаций. «Он стал одним из наиболее активных организаторов всеобщих, 1901 и 1902 гг., студенческих забастовок и демонстраций»¹. За организацию забастовок И. Церетели был вскоре исключен из университета и сослан в Иркутск на пять лет. Но вследствие усиления студенческих протестов Николай II вынужден был амнистировать сосланных, в числе которых был и молодой грузинский политик.

Летом 1903 г. И. Церетели был препровожден в Тифлис под надзором полиции. В Грузии он вступил в Тифлисский комитет РСДРП, а после II съезда партии (17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 г.) примкнул к меньшевистскому крылу РСДРП. Далее Ираклий Церетели становится главным редактором социал-демократической

¹ Ненароков А. П., Савельев П. Ю. Федор Ильич Дан, Ираклий Георгиевич Церетели // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. М. : Росспэн, 2010. Ч. 1. С. 15.

еженедельной газеты «Квали» («Борозда»). Примечательно, что в 1901 г. Ной Жордания стал собственником этой газеты, выкупив ее у жены Георгия Церетели — Анастасии Церетели. Под руководством Н. Жордания газета стала одним из первых легальных социалистических изданий в Российской империи, она сыграла важную роль в распространении социал-демократических идей в Грузии.

6 февраля 1907 г. Ираклий Церетели был избран от Кутаисской губернии депутатом Государственной думы II созыва, где становится одним из лидеров российской социал-демократической фракции и членом парламентской аграрной комиссии.

После Февральской революции 1917 г. И. Церетели был освобожден, став одним из создателей Совета рабочих депутатов в Иркутске. Кроме того, 2 марта 1917 г. он участвовал в собрании, «где был создан Временный комитет общественных организаций (КООРГ) и избран его председателем. КООРГ взял власть в губернии фактически до знаменитых декабрьских событий. Ираклий Церетели являлся главным автором первых указов новой иркутской власти. Сподвижником грузинского революционера был личный друг Ленина, вместе с ним создавший в 1894 г. Союз борьбы за освобождение рабочего класса, Федор Дан»². Всего в Сибири грузинский политик провел 10 лет.

На I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (3–24 июня) И. Церетели был избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета и членом Президиума ВЦИК. После окончания съезда он вышел из состава Временного правительства с целью сосредоточиться на работе в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов.

Октябрьскую революцию 1917 г. Ираклий Церетели встретил враждебно. Тем не менее он не терял надежды, что ситуация стабилизируется после созыва Всероссийского учредительного собрания. Оптимизм был отличительной особенностью грузинского политика.

После разгона Всероссийского учредительного собрания И. Церетели выехал в Тифлис и вошел в состав Закавказского сейма (23 февраля — 26 мая 1918 г.) — представительного и законодательного органа государственной власти в Закавказье, созданного Закавказским комиссариатом.

Вскоре Ираклий Церетели стал членом Исполнительного комитета Национального совета Грузии, который 25 мая 1918 г. по его предложению стал именоваться Парламентом, а днем позже политик участвовал в принятии решения о провозглашении независимой Грузинской Демократической Республики.

В дальнейшем в связи с выдающимися ораторскими способностями И. Церетели был избран в состав делегации от Грузии для участия в международных конференциях по случаю окончания Первой мировой войны — Парижской (Версальской) и в Сан-Ремо. В качестве дипломата грузинский политик провел за рубежом 1919–1921 гг.

О падении грузинского правительства в марте 1921 г. И. Церетели узнал в Париже, а потому больше уже никогда не возвращался на родину.

Ираклий Церетели обладал особым талантом — ораторским искусством, о котором с удивлением писали многие — и единомышленники, и оппоненты. Свое искусство он активно использовал в спектре международной политики как в период Временного правительства России в 1917 г., так и в период существования Грузинской Демократической Республики (1918–1921 гг.).

Одной из актуальнейших проблем международного права после завершения Первой мировой войны стала реализация права наций на самоопределение. Это право, как отмечают современные исследователи, несмотря на всю свою декларативность на данном историческом этапе, стало элементом, качественно изменившим представления о логике развития международных отношений³.

² Черных В. В. Сибирский этап жизни меньшевика Церетели // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (2). С. 327.

³ Хахалкина Е. В., Вагнер А. В., Ербахаев О. Л., Кулинич П. А., Лукова Е. Е. Версальско-вашигтонская система международных отношений глазами российских историков. С. 105.

С 1919 г. на карте мира стали появляться государства, подавляющее число которых просуществовало от нескольких месяцев до нескольких лет (Арабское королевство Сирия, Венгерская демократическая республика, Ирландская республика, Королевство Курдистан, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Султанат Неджд), другие страны через пару десятилетий подверглись оккупации (Латвийская Республика, Литовская Республика, Польская Республика, Чехословацкая Республика, Эстонская Республика). Многие новые государства этого времени очень быстро утратили суверенитет. Данное обстоятельство говорило, что международное право хотя и признает за нациями право на самоопределение, но не гарантирует его сохранение через международные институты.

Вплоть до октября 1917 г. Ираклий Церетели вовсе не был сторонником раздела России на ряд государств. Как раз наоборот. Его политическая позиция по вопросам войны и мира явственно свидетельствовала о стремлении всеми силами остановить надвигающуюся катастрофу в виде Гражданской войны, закономерным следствием которой являлся бы распад России. Примечательно, что Ираклий Церетели в конце июня 1917 г. вместе с А. Ф. Керенским, М. И. Терещенко и Н. В. Некрасовым входил в делегацию Временного правительства на переговорах с украинской Центральной радой в Киеве по вопросу культурно-национальной автономии Украины⁴, тем самым стремясь удержать в составе России даже крупные народы.

Формула мира без аннексий и контрибуций, отстаиваемая социалистическим лагерем на протяжении всей мировой войны, с одной стороны, автоматически включала в себя принцип территориальной целостности государств, но с другой — ими же поддерживалось право наций на самоопределение. И. Церетели же был одним из принципиальных последователей реализации формулы мира без аннексий и контрибуций. Высказываясь за сохранение верности союзническим договорным обязательствам, он полагал, что это позволит бескровно экспортировать идею «мировой революции» в страны Запада. Таким образом, изначально И. Церетели крайне бережно относился к вопросу о целостности России, считая, что единство страны одновременно обеспечивает хотя и слабую, но всё же сплоченность революционной демократии.

Однако захват власти большевиками в октябре 1917 г., опубликование секретных договоров и заключение сепаратного мира в 1918 г., но самое главное — взятие ими курса на отказ от парламентаризма и преследование оппозиции заставили И. Церетели пересмотреть свое отношение по вопросу реализации народами России права на самоопределение. Во многом это было вызвано тем, что русские меньшевики и Всероссийский съезд Советов были одинаково слепы к проблемам, назревавшим в нерусских регионах⁵. Для многих лидеров национальных социалистических движений пересмотр своей позиции в части права народа на самоопределение начался именно с октября 1917 г.

В эмиграции Ираклий Церетели приступил к активному изучению в рамках нового формирующегося международного права проблемы реализации нациями права на самоопределение. Будучи грузинским патриотом, он естественным образом рассмотрел этот институт через призму грузинской государственности.

Основной работой по данной тематике следует считать его труд «Основной вопрос нашей тактики» 1927 г. В этой работе И. Церетели поставил актуальнейший на тот период вопрос: «Какими средствами должна продолжать борьбу завоеванная или ограниченная в правах нация?»⁶ Его исследование проблемы права наций на самоопределение намного опередило свое время. Вопрос о способе национальной борьбы

⁴ Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг. : энциклопедия : в 4 т. М. : Терра, 2008. Т. 4. С. 378–379.

⁵ Jones S. F. Socialism in Georgian colors: The European road to social democracy, 1883–1917. Boston : Harvard Univ. Press, 2005. P. 258.

⁶ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год) // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. Ч. 2 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. М. : Росспэн, 2010. С. 171.

будет актуален и в период Второй мировой войны, когда многие независимые государства будут оккупированы тоталитарными режимами.

Рассматривая и группируя формы борьбы наций за самоопределение, И. Церетели выделил две системы, имеющие принципиальные различия:

- борьба демократическими методами;
- борьба националистическими методами (борьба вооруженным путем).

Первая система борьбы, по мнению грузинского политика, опирается на развитие демократического самосознания и воли, а также на укрепление связи угнетенной нации с международными силами. Эта система связана и с борьбой за справедливый мир, стремящейся к всеобщему прогрессивному развитию, то есть без применения силы. Важной особенностью данной системы является формирование таких международных сил, которые способны превратить защиту свободы народов в реальный фактор мировой политики⁷. Надо отметить, что И. Церетели уже в 1920 гг. выдвигал идеи о создании органов, подобных современным международным организациям, таких, Совет Безопасности и Международный Суд Организации Объединенных Наций, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Международный уголовный суд. Так, он неоднократно говорил о необходимости учреждения «международного арбитража»⁸.

Вторая система, как считал И. Церетели, сводится к противопоставлению своей нации всему народу того государства, которое над ней господствует, представляя его как цельный «вражеский лагерь». По этой причине лидеры угнетенной нации осуществляют идеологическую и, насколько это возможно, материальную подготовку своего народа к возможности войны, поиски военных союзников среди сил, соперничающих с господствующим государством. Это система национальной борьбы ставит судьбу угнетаемого народа в прямую зависимость от империалистических конфликтов, от той или иной военной комбинации⁹.

Проследивая ход мыслей Ираклия Церетели, можно сказать, что он четко для себя представлял тот путь, которого должны придерживаться грузинские национальные лидеры в борьбе за свою нацию. Разворачивающиеся в мире события (после 1919 г.) были довольно нестабильны, а потому и международное право, создаваемое в таких условиях, становилось изменчивым и подвижным.

Сложившийся после Первой мировой войны международный правопорядок был не только не совершенным, но даже далек от признания всеми странами установленных им правил международных отношений. Действительно, международное право в значительной части источников всегда было наполнено нормами «мягкого» права, выступающим совокупностью международных юридически необязательных (рекомендательных) норм, включающих в себя «образцы», «стандарты» поведения, оформленные в решениях международных организаций и их органов, межправительственных конференций. Таковым оно предстает в правовой системе любого государства¹⁰.

Интересны следующие слова И. Церетели: «Неужели мы можем сказать: победа демократии в каждой отдельной стране и осуществление ее мировых идеалов есть дело далекого будущего, империалистические же конфликты, быть может, разразятся завтра же, и потому наша подготовка должна быть двоякая — одна по линии демократического развития, другая по линии военных конфликтов? <...> В самом деле, линия демократической политики обязывает бороться вместе со всей международной социалистической демократией против всяких империалистических военных замыслов, а линия военных конфликтов обязывает стремиться к сближению с некоторыми военными кругами на почве приготовления войны. Тот, кто возьмет сразу обе

⁷ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 171.

⁸ Церетели И. Война и интернационал (1914) // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное. С. 45–46.

⁹ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 172.

¹⁰ Халафян Р. М. Нормы международного «мягкого» права в правовой системе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Казань, 2016. С. 15.

эти линии, будет на каждом шагу наталкиваться на противоречия проистекающие отсюда»¹¹. Грузинский мыслитель прекрасно понимал, что существующая система миропорядка не может защитить право той или иной нации на ее политическое самоопределение.

С одной стороны, решение вопроса о суверенном развитии каждой нации — дело будущего международного права, по его мнению построенного на социалистических политико-правовых ценностях, но вовсе не дело сегодняшнего дня. По этой причине осуществление политики создания военных союзов, способных силовым путем помочь угнетаемому народу реализовать свои национальные чаяния, продолжает оставаться легитимным инструментом в орбите современного международного права. С другой стороны, И. Церетели упорно отстаивал позицию о том, что нельзя отбрасывать в далекое будущее воплощение международных правовых идеалов о необходимости улаживания мировых и национальных конфликтов способом переговоров, о недопустимости применения силы, о предоставлении нациям права на самоопределение, о национальном равноправии и т.п. Мировые идеалы должны воплощаться параллельно с проводимой международной политикой, и тем самым постепенно вытеснять устаревший базис международного права, заменять нормы изжившего «кулачного права» на нормы более совершенные, построенные на общепризнанных принципах демократии. Именно в этом контексте Ираклий Церетели подытоживал свою мысль: «Мне скажут: законы жизни и законы логики — две разные вещи. Самое положение нашего народа (имеются в виду грузины. — Д. З.) диктует нам необходимость прибегать к разнообразным способам борьбы за освобождение; быть может, для всех остальных партий Интернационала полезно возлагать все свои надежды на демократическое развитие и бороться против всякой возможности войны, но для нас такая “однородность” неприемлема, так как наша нация находится под особенно тяжелым гнетом, и для нее взятие линии на военные конфликты есть одно из спасительных средств борьбы»¹². В его словах кроется четкий посыл: народ правомочен добиваться суверенитета как демократическими способами, так и вооруженным сопротивлением, но при возможности реализации суверенитета через первый вариант, второй должен быть исключен. Ираклий Церетели говорил, что национальные лидеры должны мудро и взвешенно подходить к вопросу о реализации народом права на самоопределение, избегать ненужных жертв.

Признавая за угнетаемым народом право на вооруженное сопротивление, И. Церетели тем не менее критиковал позицию национальных лидеров, видевших в военных действиях единственную возможность обретения суверенитета. Он подчеркивал, что избрание вооруженного способа борьбы заставляло национальных лидеров ставить свой народ в прямую зависимость от союзника, идти по избранному союзником внешнеполитическому курсу, и поступаться некоторыми своими требованиями. Всё это он разъяснял на примере Королевства Бельгии, в преддверии Первой мировой войны имевшего статус нейтральной страны, но в результате реализации германской армией «Плана Шлиффена» 4 августа 1914 г. бельгийский народ был втянут в войну (Бельгия присоединилась к Антанте), после чего страна была оккупирована¹³. Сама Бельгия понесла огромные человеческие и материальные потери. Однако история национально-освободительной борьбы бельгийского народа неоднократно использовалась как пример той частью грузинской эмиграции, которая выступала за военный способ восстановления грузинской государственности. К их числу относились заместитель министра снабжения и министра внутренних дел Иван Чавчанидзе (1886–1946 гг.), дипломат Зураб Авалишвили (1876–1944 гг.), заместитель министра обороны Грузинской Демократической Республики, князь Кайхосро Чолокашвили (1888–1930 гг.) и сам председатель Правительства Грузинской Демократической Республики Ной Жордания (1868–1953 гг.).

¹¹ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 177.

¹² Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 177.

¹³ Забелина Н. Ю. Бельгийские союзники в восприятии британцев во время Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2010. № 1. С. 85–94.

Оппонируя вышеуказанной группе лиц, И. Церетели писал, что данный метод борьбы неприменим ни для одной народности в составе СССР, объясняя это следующим: «Бельгия получила военную помощь в тот момент, когда на нее было совершено нападение и что это было частью войны двух борющихся коалиций. Когда на нацию совершают нападение, ее первым средством борьбы является вооруженный отпор, оборонительная война. Но это не значит, что если она оказалась побежденной в войне, то и дальше средство борьбы должно для нее остаться то же самое, т.е. подготовка к новой войне. История национальных движений показывает, что одно дело средства защиты независимости, и другое — средства восстановления независимости. Также и с точки зрения международной легче нации получить военную помощь в тот момент, когда на нее совершается нападение, чем впоследствии»¹⁴.

Право нации на самоопределение является бесценным, считал И. Церетели, а потому реализовывать его путем непродуманных военных действий, часто превращающихся в авантюру, недопустимо. Военное сопротивление обоснованно лишь в условиях обороны.

Тем самым грузинский политик различал два вида вооруженной борьбы национальных движений: защита независимости и восстановление независимости. Осуществление второго, по его мнению, было намного труднее. «Сравнение всего нашего международного положения с положением Бельгии показывает, насколько лишена какого бы то ни было основания надежда получить для Грузии такого рода помощь, какую во время войны получила Бельгия»¹⁵, — писал И. Церетели. Стремление освободить народ от оккупации и восстановить его национальную государственность лишь военным способом это значит обрекать его на еще большее угнетение, вплоть до истребления. Грузинский мыслитель понимал, что реализация права нации на самоопределение — это сложный процесс международного признания, не решаемый одним лишь военным способом, но требующий длительной политической и юридической работы.

Ираклий Церетели просил обратить особое внимание соратников по партии на их идеологическую составляющую — социализм. Его представители в правящих кругах западной элиты не пользовались популярностью, что препятствовало установлению контактов на правительственном уровне. В пример он приводил английские консервативные группы, которые хотя и решительно боролись с СССР, но, именно вопрос о восстановлении грузинской государственности, равно как и любого другого народа, они считали не заслуживающим отдельного внимания, и тем более не рассматривали развязывания на его почве военного конфликта с советским режимом. По этому поводу И. Церетели пояснял: «Английская буржуазия не желает столкновения с Россией в таком пункте, к которому Россия имеет более легкий доступ, чем Англия. Что же касается собственных сил кавказских народов, то она их считает настолько неравными в сравнении с силами России, что не верит в возможность сохранения самими кавказскими народами их независимости в борьбе с Россией. <...> Этими же соображениями руководится по отношению к нам буржуазия других стран Европы»¹⁶.

Даже сторонники грузинских социалистов на Западе отвергали путь военных столкновений. Здесь он отмечал: «В настоящее время в Европе больше всего защищают нас социалисты, в частности бельгийские социалисты. Они горячо поддерживают наше дело перед общественным мнением, перед официальными кругами и часто сравнивают положение нашей страны с положением Бельгии во время войны. Но освобождение Грузии они связывают не с военными конфликтами, а с увеличением силы и влияния демократии в международной политике. Новую войну ради нас они настолько же считают невозможной, как и все другие»¹⁷. Он подчеркивал также убежденность западных социалистов в том, что «возникновение новых войн

¹⁴ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 181–182.

¹⁵ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 181–182.

¹⁶ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 185.

¹⁷ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 181–182.

для исправления оставленных войной несправедливостей есть путь, готовящий человечеству и самим угнетенным нациям не спасение, а новые бедствия»¹⁸.

В значительно большей степени в процессе реализации права народа на самоопределение, и прежде всего грузинского, Ираклий Церетели предлагал национальной эмиграции усилить дипломатическую работу, а не подготовку к будущим военным конфликтам.

В этом же контексте грузинский политик большую надежду возлагал на социалистические движения западных стран. И. Церетели подчеркивал: «Связь освободительной борьбы нашего народа с идеалами рабочего движения всё же с естественной необходимостью дает себя знать. И в руководящих, влиятельных кругах рабочего класса, в политических партиях, мы с самого начала нашли ту общественную базу, на которую мы опираемся во всей нашей международной работе. И то, чего мы достигли до настоящего времени на этой арене — сочувствие общественного мнения, юридическое признание и его сохранение до настоящего момента, — всё это достигнуто с их помощью»¹⁹. Однако он обращал внимание, что даже социалисты не ставили в число важнейших задач всемерную помощь грузинскому народу. «Правда, и в среде рабочего класса защита нашего дела наталкивается на трудности. Судьба маленькой далекой Грузии и здесь не стоит в центре внимания широких масс в той мере, в какой нам бы этого хотелось, — так как она не связана непосредственно с теми большими, острыми нуждами, за которые они борются»²⁰, — подчеркивал И. Церетели.

Во многом на общественное мнение малоимущих классов Европы, и в первую очередь рабочих, весьма эффективно влияла советская пропаганда. Ее целью было создание представления о том, что «советская власть впервые в истории поставила задачу осуществить полное раскрепощение угнетенных национальностей, приобщив их к строительству новой жизни на основе братского сотрудничества и взаимопомощи»²¹. На Западе не без оснований (учитывая нормы Конституции СССР 1924 г.)²² считалось, что «национальная программа большевиков полностью отвечала интересам угнетенных народов России»²³. Поэтому грузинский политик делал акцент на необходимости борьбы с тем образом, который создала о себе на Западе советская власть, якобы олицетворяющая «братский союз народов», проводящая национальную политику, построенную на принципах равноправия и федерализма.

В то же время Ираклий Церетели был тверд в своей позиции, которую отстаивал еще с 1914 г., — недопущение пропаганды необходимости применения силы для угнетенных народов среди социалистических групп в Европе и мире. Такая пропаганда могла вести только к одному — разрыву с международным социалистическим движением. В этом отношении он обращался к наиболее радикальным представителям грузинского национального движения со следующими словами: «Мы видели, как смотрит на вопрос о войне рабочий класс Европы. В этом вопросе в социалистических кругах нет различия мнений: самые крайние противники советского правительства самым решительным образом отвергают идею войны с Россией. защите мира и восстановлению экономических сношений с Россией европейская демократия придает такое значение, что если наше дело станет поперек этой цели, то в этих условиях нас не поддержат даже наши лучшие друзья»²⁴. Для него было крайне важно не допустить

¹⁸ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 181–182.

¹⁹ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 186.

²⁰ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 186.

²¹ Макарова Г. П. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы советской власти (1917–1920 гг.). М.: Наука, 1969. С. 259.

²² Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик, утвержденный Центральным Исполнительным Комитетом СССР 6 июля 1923 г. и резолюцией II Съезда Советов Союза ССР 31 января 1924 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 2.

²³ Макарова Г. П. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы советской власти (1917–1920 гг.). С. 259.

²⁴ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 186.

деформацию целеустановок международного социалистического движения, когда они бы признали путь войны как единственно эффективный способ отстаивания угнетенной нации своего права на самоопределение. Работа грузинских социалистов среди мировых социалистических движений, по его принципиальному мнению, должна была вестись исключительно с целью обеспечения с их стороны политической поддержки права народов СССР на национальное самоопределение, критики позиций утопических идей коммунизма, продвигаемых советской властью.

Отдельно Ираклий Церетели рассматривал и вопрос о том, как относиться к советской России? Позиция угнетенной нации по отношению к своим угнетателям на международной арене расценивается и как отношение данной нации ко всем народам, важны уровень готовности к диалогу, стремление к высоким идеалам гуманизма. Здесь И. Церетели пояснял: «Все круги в Европе очень считаются с отношением к нам России; здесь все хорошо понимают, что главный вопрос нашего существования есть наше взаимоотношение с соседями и прежде всего с таким большим соседом, как Россия. Чем больше сочувствия будет иметь наше дело в России, тем сильнее будет и поддержка Европы»²⁵.

Рассматривая возможность восстановления грузинской государственности путем военно-политических союзов, И. Церетели проанализировал все факторы, которые препятствовали его применению. Среди положительных аспектов такого способа национально-освободительной борьбы выступало ресурсное и экономическое благосостояние региона, тогда как его географическое расположение, то есть удаленность от европейских держав, являлось явным недостатком. По этой причине моделируя ход возможной глобальной войны России с другими сильными государствами, он полагал, что велика вероятность, того, что грузинский народ может остаться предоставленным только своим собственным силам. В таком случае он опасался, что Грузия могла попасть в положение «Турецкой Армении»²⁶.

Ираклий Церетели был совершенно уверен, что восстание против советского режима не получит должной иностранной помощи. Но самое главное — народ, де-факто, не имеющий своего государства, а лишь «правительство в изгнании», не имеет возможности заключать полноценные военно-политические союзы, а потому его военное противостояние оккупации будет проводиться в одиночестве, а потому обречено на поражение.

Восстание в Социалистической Советской Республике Грузия, прошедшее в конце августа и начале сентября 1924 г., показало обреченность попытки в одиночестве вооруженным путем восстановить свою национальную государственность. Несмотря на то что во главе восставших стояли видные лидеры меньшевизма, восстание потерпело поражение. Но самое главное в народе было сломлено желание сопротивляться усиливающейся советизации. По поводу произошедших событий И. Церетели писал: «Если бы наша партия отдала себе отчет в несоответствии военных методов борьбы со всеми окружающими нас условиями, если бы она направила все свои силы на разъяснение этого народу, — кто знает, быть может, она спасла бы народ от безнадёжного выступления, жертвой которого стали лучшие силы Грузии»²⁷. Восстание унесло жизни около 3 000 человек.

И. Церетели обвинил лидеров грузинских меньшевиков в неосторожности при подготовке восстания, переоценке собственных сил, а главное в игнорировании неблагоприятной международной обстановки. Это обстоятельство во многом обострило отношения со многими грузинскими меньшевиками. В итоге в 1931 г. Ираклий Церетели официально откажется от членства в Заграничном Бюро Социал-демократической рабочей партии Грузии, в котором он состоял с 1922 г., и отойдет от активной политической деятельности.

Таким образом, для И. Церетели было ясно, что борьба небольшой по численности нации за право самоопределения не могла вестись вооруженным путем, когда народ

²⁵ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 190.

²⁶ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 187.

²⁷ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 188.

имеет возможность его реализации путем дипломатии. Он был убежден, что «метод национальной борьбы рабочего класса тот же, что и метод его социально-политический борьбы — массовая организация и самодеятельность»²⁸.

И. Церетели считал бессмысленными мероприятия, проводимые грузинскими национальными лидерами, направленные на увеличение поддержки среди западных буржуазных элит, а не в среде народа и социалистов. В этом ключе он отмечал: «Поддержка отдельных деятелей из этих кругов носит всегда индивидуальный характер. Коллективная же сила, которая постоянно поддерживает наше дело и выдвигает его перед общественным мнением и официальными кругами — это социалистическая демократия»²⁹.

Свое политико-правовое видение реализации права народа на самоопределение И. Церетели стремился интегрировать и в грузинское социал-демократическое движение, но в целом это было безуспешно. В работе «Основной вопрос нашей тактики» он обращался к сопартийцам с лаконичной программой действий: «Мы должны указать ему путь, который никогда его не обманет, верный путь для защиты его национальных и социальных стремлений. Этот путь — развитие массового сознания, организации и самодеятельности для борьбы за эти стремления на легальной и нелегальной арене так, как это мы делали во время самодержавия. Мы должны бороться с тем представлением, что будто бы раз наш народ ныне стоит на почве независимости, военные методы борьбы стали для него более целесообразными или менее опасными, чем это было до независимости»³⁰. И. Церетели был уверен, что по прошествии столетий грузинский народ стал «гораздо более силен как демократическая революционная сила, чем как сила военная»³¹.

Подытоживая, можно отметить, что последствием октябрьского захвата власти большевиками стало причиной эволюции политико-правовых воззрений подавляющей части представителей революционной демократии — общероссийской и национальной. Меньшевики сильно разочаровались в своих бывших сопартийцах³². Национальная интеллигенция решительно заявила о недопустимости откладывания реализации права нации на самоопределение.

Успешное движение грузинского народа в 1918–1921 гг. к признанию своей правосубъектности на международной арене было бесцеремонно прервано советским режимом, отказавшимся признавать право народа самостоятельно определить свой национальный путь. Такой ход событий заставил И. Церетели погрузиться в проблему права наций на самоопределение, рассмотрев возможность его реализации вооруженным путем и политико-дипломатическими мерами. Именно второй способ национально-освободительной борьбы он считал более приемлемым. В эмигрантский период он негативно высказывался по вопросу о вооруженном сопротивлении народа. Ираклий Церетели реально оценивал имеющуюся международную обстановку, считая, что в мире, достигнутом большим трудом, ни одна политическая сила не готова ввязываться в военный конфликт на стороне угнетаемой нации, когда на другой стороне выступает большое и сильное государство.

Политико-правовые воззрения Ираклия Церетели о праве наций на самоопределение в значительно большей степени соответствовали европейскому видению его реализации, чем тому мировоззрению, которое сложилось в среде национальной интеллигенции, эмигрировавшей из России. Не только грузинские лидеры стремились как можно скорее вернуть свой народ на путь суверенного государственного строительства. Аналогичной точки зрения придерживались и азербайджанские, армянские, татарские, украинские, и другие национальные лидеры, которые желали для своих народов полноценного самостоятельного государственно-правового

²⁸ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 188–189.

²⁹ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 195.

³⁰ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 189.

³¹ Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год). С. 189–190.

³² Ли Э. Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг. / пер. с англ. И. А. Рихмухамедова. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. С. 164.

развития. Им казалось, что самым коротким способом национального освобождения является упорное вооруженное сопротивление.

Реализацию права наций о самоопределении И. Церетели рассмотрел в контексте грузинской национальной государственности. К первоочередной задаче лидеров борьбы за национальное самоопределение он отнес просвещение народа и организацию его политических структур, в том числе представительства на международной арене. Ираклий Церетели был убежден, что демократические идеалы неразрывно связаны с правом народа на самоопределение, только они способны обеспечить его подлинное воплощение, только они могут доказать мировому сообществу готовность к суверенному пути развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Забелина Н. Ю. Бельгийские союзники в восприятии британцев во время Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8, История. — 2010. — № 1. — С. 85–94.
2. Ли Э. Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг. / пер. с англ. И. А. Рисухамедова. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. — 252 с.
3. Макарова Г. П. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы советской власти (1917–1920 гг.). — М. : Наука, 1969. — 268 с.
4. Ненароков А. П., Савельев П. Ю. Федор Ильич Дан, Ираклий Георгиевич Церетели // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. Ч. 1 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. — М. : Росспэн, 2010. — С. 5–68.
5. Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг. : энциклопедия : в 4 т. Т. 4. — М. : Терра, 2008. — 560 с.
6. Халафян Р. М. Нормы международного «мягкого» права в правовой системе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. — Казань, 2016. — 28 с.
7. Хахалкина Е. В., Вагнер А. В., Ербахаев О. Л., Кулинич П. А., Лукова Е. Е. Версальско-вашигтонская система международных отношений глазами российских историков // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 63. — С. 104–109.
8. Церетели И. Война и интернационал (1914) // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. Ч. 2 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. — М. : Росспэн, 2010. — С. 44–51.
9. Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927 год) // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. Ч. 2 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. — М. : Росспэн, 2010. — С. 170–197.
10. Черных В. В. Сибирский этап жизни меньшевика Церетели // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 2 (2). — С. 324–329.
11. Jones S. F. Socialism in Georgian colors: The European road to social democracy, 1883–1917. — Boston : Harvard Univ. Press, 2005. — 410 p.

REFERENCES

1. Chernykh VV. Siberian stage of the life of the Menshevik Tsereteli. *Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;2(2):324–329. (In Russ.).
2. Jones SF. Socialism in Georgian colors: The European road to social democracy, 1883–1917. Boston: Harvard University Press; 2005.
3. Khakhalkina EV, Wagner AV, Erbakhaev OL, Kulinich PA, Lukova EE. Versailles-Washington system of international relations through the eyes of Russian historians. *Tomsk State University Journal of History*. 2020;63:104–109. (In Russ.).
4. Khalafyan RM. Norms of international «soft» law in the legal system of the Russian Federation. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Kazan; 2016. (In Russ.).

5. Lee E. Georgian experiment: the forgotten revolution of 1918–1921. Trans. from English by Rismukhamedova I.A. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoria Publ.; 2019. (In Russ.).
6. Makarova GP. Implementation of Lenin's national policy in the first years of Soviet power (1917–1920). Moscow: Nauka Publ.; 1969. (In Russ.).
7. Nenarokov AP, Savelyev PYu. Fedor Ilyich Dan, Irakli Georgievich Tsereteli. In: Nenarokov AP, Savelyev PYu. Dan F.I., Tsereteli I.G. Two ways. Selected Works. In 2 vols. Moscow: Rosspan Publ.; 2010. (In Russ.).
8. Revolution and Civil War in Russia: 1917–1923: encyclopedia. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Terra Publ.; 2008. (In Russ.).
9. Tsereteli I. The main question of our tactics (1927). In: Nenarokov AP, Savelyev PYu. Dan F.I., Tsereteli I.G. Two ways. Selected Works. In 2 vols. Moscow: Rosspan Publ.; 2010. (In Russ.).
10. Tsereteli I. War and the International (1914). In: In: Nenarokov AP, Savelyev PYu. Dan F.I., Tsereteli I.G. Two ways. Selected Works. In 2 vols. Moscow: Rosspan Publ.; 2010. (In Russ.).
11. Zabelina NYu. Belgian allies in the perception of the British during the First World War. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2010;1:85-94. (In Russ.).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 573
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

RUS-LAW ONLINE

2 / 2026

WWW.RUS-LAW.ONLINE